ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Окру
1870.

Дозволено Цензурою 6-го октября 1870 года. Вильна.

I.

ДОКУМЕНТЫ,

ПРИВИЛЛЕГИИ ГОРОДА ВИЛЬНЫ.

1.

Стефан Божею Милостію Король Полскій Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Лифляндскій etc.

(изъ метрикъ литовскихъ).

Ознаймуем сим листом нашим, иж для великих и пильных потреб рѣчи посполитое паньства нашого великого князества литовского на разные и многіе отправы земскіе пильно потребуючи пѣнѣндзей уживали есьмо в том войта бурмистров радцев и всего поспольства места нашого виленского ижбы нам до скарбу земского великого князества литовского певное суммы пѣніондзэй способивши межи собою нам узычили хотечи ми певное ущеніе о заплаты тое суммы пѣніондзэй которую бы до скарбу нашого дали уделяти, гдѣ они яко звыкли в многих речах нелитуючи на маетности своей яко вѣрным поданным нашим належит—керолем их милости и великим князем литовским продком нашим повольное подданьство свое оказывавали так и на тот час без жадное повинности одно стоеж звыклое хути вѣры и мило-

сти своее противко нам господару и для ласки нашое то оказали иж зн маентностей своих певную сумму пѣненжей осьм тысѣчей коп грошей личбы литовской личачи в грош по десяти пѣненэей белых обычаем пожичоным нам и до скарбу нашого земского в. к. л. дали жедаючи того ижбыхмо им на мытах коморы виленское старых и новых пререченую сумму пенендзэй которую ку потребам речи посполитое дали выбрати позволили, которые мыта ачкольвек первей были воеводе менскому пану Миколаю Сапезе, а теперь подскарбему земскому и писару великого княжества литовского старосте пинскому державцы олитскому пану Лаврину Войне пэвною арендою заведены и таковых аренд нам ничим отменятыся не годило, а вѣдже ужыли ѣсьмо в том пана подскарбѣго земского ижбы в часѣ аренды своѣ того бурмистром радцам и тым купцом места виленского которыѣ теперъ ку той потребе речи посполитой тое суммы пененжей осьми тисечей коп грошей дали, на коморе виленской выдерживати а тую сумму стого што за преречоное аренды до скарбу нашого платити повинен вытручати позволил зачим мы господарь от них яко верных слуг и подданых наших завдячно и ласкаве принявши тую помененую сумму пенензей до скарбу нашого пожычоного осьм тысечей коп грошей тымъже то подданым нашим всему враду нашого местскому и посподьству тогож места нашого виленского за ведомостю и позволенѣм их милости панов рад наших натотчас при нас будучих в заплату им тоѣ суммы пенензей вказали ѣсьмо и завели якож и упевняем и им зараз поступаем и вмоц им подаем комору нашу виленскую мытную и поборовую таковым обычаем иж врад местскій виленскій и все поспольство тогож места нашого виленскаго с писаром од пана подскарбего земского на то установленным, тую комору на-

шу мытную и поборную виленскую мают од даты сего листу нашого вмоцы вcправованю в руках своих мети и держати до часу выбраня себе в заплату тоѣ суммы пѣнязей всих сполна осьми тысѣчей коп грошей литовских до скарбу нашого пожычоных а до выбираня и справованя тых мыт врад местскій виленскій и посполитый человѣк, тогож места нашого виленского спосродку себе выбравши одного з рады а другого с посподьства людей добрых осѣлых веры годных на той коморѣ виленской мытной и поборов весполок с писаром от пана подскарбѣго земского ку справованю тых справ мытных и поборовых выражоным и ку отбираню собе тоѣ суммы пѣнѣзей в скарб наш пожичоное которую тыѣ справцы мытныѣ от места постановленыѣ до выдерживаня суммы пѣнѣзей до скарбу земского пожичоноѣ до рук своих выбирати также кому што з мѣщан виленских товаров выпустят тогды то в сумму пѣнѣзей пожичоного вытручати мают, а гды купцов на коморе отправовати будут тогды таковым купцом товары поличивши и меновитѣ яко в регистра так и на квиты згодне с писаром пана подскорбѣго земского списавши отправовати мают, которые квиты печатю мытною печатовати и рукою писара от пана подскарбѣго земского и одного стых справце от мѣста установленнаго подписываны быти мают для чего и печати мытныѣ заключаны тых справце местких и писара пана подскарбѣго хованы мают быти и гдѣ хто з людей купецких мещан виленских стоварми у Вильни пописанными и в квите виленскоѣ коморы меновитѣ означенными до иншоѣ коморы пріидет там вжо товаров непереглядаючи и таковым купцом жадного затруднѣня и омешканя нечинечи и везде добровольне пропусканы быти мают а пѣнѣзы которыѣ з мыту помененых на коморе виленской приходити будут, то справцы местскіе до рук своих отбирати и за своими

ключами в скринце мытной мети и их роздавати тым от кого они тепер на тот час для тоѣ потребы нашоѣ господарскоѣ и земскоѣ способили и пожычыли, а што колы суммы пѣнѣнзей до скринки на выплачене тых долгов брати будут стого писара пана подскорбѣго яко з готовых пѣніонзей квитовати и тыѣ квиты до тоѣ скринки где печати за ключем их у писара пана подскарбего ховают в мѣсто готовых пѣніонзей класти мают и тыѣж справцы местскѣ от их на той коморе виленской засазоныѣ сполэм с писаром пана подскарбѣго товары вшелякѣ водлуг уставы мытное и поборовоѣ шацовати и всих купцов виленских где бы одно хто зних потребовал водле порадку выше описанаго отправовати мают от которых квитов справцам мѣстным и писару пана подскорбѣго ничого давано быти нѣ маѣт оттых которыѣся на тую пожычку складали до того часу покулися тая сумма пѣніонзей от них пожичоная им выплатит, а кгдысѣ сумма пѣніонзей прсречоная выдержит на он час от квитов мытных водле звыклою обычаю платити мают а ижбы тым поспѣшней сумму пѣніонзей от них даную осьм тысѣчай коп грошей обыватели места виенского собе выбрали тогды так постановляем и так мети хочем иж вси мещане виленскѣ наши господарскѣ и тѣж подданныѣ князя бискупа виленского и замковыѣ и капитульныѣ и купцы вшелякѣ которые вместѣ виленском мешкают и гандлюют товары свои всякѣ якимжекольвѣк назвиском названые кгды з Вильна кгдеж колвек заграницу так водою яко и сухим путем то ѣст до Полскій, до Нѣмец, до Москвы, до Рыги, до Прусс, до Кгданска ы до Кролевца провадити будут, тогды от тых всяких товаров своих мыто старое и побор тут на коморе виленской до рук справец местских и писаря пана подскорбѣго земского платити и отдавати мают, так теж вшелякѣ купцы и мѣщане виленьскѣ которыѣ кгды з за-

граничя то ѣст з Полски, з Немец, з Москвы з Рыги с Прусс з Кролевца и от колже колвек стоварами своими до Вилна ѣхати або товари свои на фурманех так теж и водою провадити будут тогды на всих коморах и прикоморках дограничных то ѣст кгды поѣдут с Полски, тогды на коморе берестейской албо мстбоговской албо и городенской и на всих прикоморках до тых комор належачих, а кгды поѣдут з Москвы, тогды на коморе оршанской або витебской, або миньской и борисовской и на всех прикоморках до тых комор належачих, а кгды поѣдут з Рыги тогды на коморе бовской и на прикоморках всих до тоѣ коморы належачих и на всих иных коморах и прикоморках мытных, а кгды поѣдут з Кгданска и с Королевца тогды на коморе ковенской и на прикоморках до тоѣ коморы належачих вшелякѣ товары свои которые вилновцы до Вилны провадити будут так сол селедцы сукна и речи коренныѣ и ѣдвабныѣ и вшелякіе яким колвек именем або назвиском назваными товары одно оповедавши водлуг регестру своего и на квит списати и попечетовати мают и затымиж печатьми мытными тыѣ свою вшелякѣ товары аж до мѣста виленского припровадити и мыто и побор штося от них придет водле уставы мытноѣ и поборовое тут в местѣ виленском на коморе виленской до рук справец местских и писаря пана подскарбѣго земского платити и давати мают, а справцы мытныѣ и поборовыѣ на всих инших помененных коморах и прикоморках мытных постановленныѣ так теж и нихто иный якогож колвек стану в том мещаном и купцам виленским никоторое трудности и забавки чинити ку шкодѣ им не мают под винами и зарукамн нашими господарскими с канцляріи нашоѣ господарское ку абпарованю и убеспеченю тым подданым нашим мещаном места нашого виленского на особливых листах наших выдаными и выне-

сенными. Также от товаров тых которыѣ з мест. русских пограничных а меновитѣ: от воску, лою, скор и от конопли и от иных вшелякиих товаров которыѣ до Вилна проважоны будут, тогды на коморах граничных и на прикоморках от тых товаров мыто и побор не мают быти брано але волно до Вилна пропусканы быти маѣт а у Вилни мыто и побор водлуг уставы платити повинни будут а вшакже там долго тую комору виленскую зо всякими пожитками мыта старого и нового водлуг уставы мытноѣ выбираючи держати мают аж ся вся сумма пѣніонзей осм тысѣчей коп грошеи литовских в скарб наш земскій на потребу речи посполитоѣ пожичоная стоѣ коморы виленскоѣ выберет и выполнит а тым справцам которые на том мыте от места постановѣни будут и писару пана подскорбѣго и слугам их мытным на выжывеніе и за працу им стых же пожитков мытных водле уважсня особ и постановѣня пана подскарбѣго земского маѣт быти плачоно, а кгды ся водлуг реѣстров тых справец местских мытных то окажет жесѣ тая сумма пѣніонзей осьм тысѣч коп грошей литовских мещаном виленским на мыте коморы виленскоѣ выплатити албо товарми водлуг шацунку выпустит, тогды врад местскій виленскій и все поспольство тогож места нашого виленского тую комору виленскую зовсим на все пану подскарбѣму земскому здати и личбу стого выбираня учинити повинни будут, а тая сумма пѣніонзей осьм тысѣч коп грошей пану подскарбѣму земскому водле особливого права ѣго от нас даного в аренды ѣго милости вытучона и от нас господара принята быти мает, и то теж враду нашому местскому виленскому и поспольству тогож места нашого виленского варуѣм и тым листом нашим упевняѣм и убезпечаѣм гдебы они до дня нового лета которое свято будет на початку року пришлого 1580 сумиы пѣнѣзей до скарбу нашого пожиченоѣ тых

осьми тысяч коп грошэй литовских з мыт старых н новых стоѣ коморы виленской водлуг сего листу нашого невыбрали тогды тую сумму пѣнѣнзей з мыта стараго у великом княжестве литовском звыклого и з восковничого виленскаго выбрати мают, што мает быти им на потом од нас особливым листом нашим на сконченю року тепер идучого 79 обваровано и заведено, якож для лепшого упевнѣня дали ѣсьмо враду нашому виленскому и поспольству тогож места нашого валенского сесь наш лист с подписом руки нашоѣ господарскоѣ до которого и печат нашу господарскую притиснути ѣсмо росказали. Писан у Вилни. Лета Божего нароженя 1579 мѣсяца апр. 28 дня.

2.

Лист данный Жыдом Краковским Симону Докторовичу а Израелу Езофовичу, позволенѣ им в Местѣ Виленском товарами их торговати домы и склепы на товары намовати также пенѣнзы на заставы фант давати, и положенеѣ року выкупна,

(изъ Литовскихъ метрикъ).

Жыгимонт Божею Милостю etc. etc.

Чинили явно сим нашим листом—поведили перед нами жидове наши краковскѣ—Симон Докторович а Израель Езофович. Иж бурмистры и радцы и иныѣ мѣшане места нашого виленского нѣдозволяют и забороняют им в том местѣ нашом за их власныѣ пенѣнзы домов и склепов ку зложеню товаров и речей их наймовати им самым и слугам их торговати недопускают, и били нам чолом абыхмо в том им подданым ласку нашу учинили им самым и слугам их в том месте нашом виленском яко гос-

тѣм товарми и куплями своими торговати и домы и склепы за пенѣнзы их ку зложеню речей и товаров их наймовати дозволили. Мы бачечи на то иж туркове татарове ормянове москвичи и иншиx гости приезжіе втом местѣ нашом виленском всякими куплями и товарами своими доброволне торгуют домы склепы ку зложеню речей и товаров своих наймуют и через такове наймованѣ и торгевлю их нивчем на права и волности того места нашого виленского и мещан виленских ненарушают в том теж есьмо и тым жидом нашим Симону Докторовичу Израгелю Езофовичу яко подданым нашим корунным ласку нашу учинили и дозволили ѣсмо им а в небытност их ино слугам ино всякими речми товарми торговати домы и склепы наймовати яко гости мают они в том местѣ нашом виленском всякими куплями и товарами яко инныѣ гости приезжіе доброволне торговати куповати и продавати домы коморы и склепы ку зложеню товаров и речей своих за пѣнѣнзы свои также доброволне наймовати—а войты и бурмистры и радцы мещане виленскѣ того им забороняти и никоторые трудности втом им задавати и переказы чинити немают притом теж тыѣж жидове наши краковскѣ Симон Докторович а Израел Езофович били нам чолом абыхмо дозволили им в сем панстве нашом великом князестве литовском на заставу речей рухомых на фанты пѣнѣнзы давати и от того водле обычаю Их и ведле умовы лихву брати, а ку выкупленю тых фантов заставных абыхмо водле прав жидовских рок певный до которого бы мели тыѣ фанты от них выкуплены быти—зложили. Мы заховываючи их водле прав жидовских и водле того обычаю якося то вместѣ нашом краковском заховываѣм складаѣм тым всим которыѣ бы колквек фанты свои в них заставовали рок певный то ѣст год цалый до которогож року маѣт каждый

заставу свою от них окупити а хтобы в год им пѣнѣнзей неоддал и фантов своих неокупил тогды тыѣ жидове потом року яко год выйдет мают тую заставу оповедити враду замку нашого виленского и оповедавши мают взяти лист и вижа того врада замкового и мают обослати и вломенути тых заставников абы отом ведали иж вжо тым их заставам год минул абы их окуповали а еслибы по оном обослани врадовом тыѣ заставники фантов своих заставных за шесть недѣл у них нѣокупили тогды по тых роках то ѣст по году и по шести недѣлях волно будет тым жыдам Симону а Израгелю оные фанты заставныѣ оддати продати и гдѣ хотя ку своим пожиткам обернути— водле• воли своей тыѣ толко заставы которыѣбы в двадцати копах грошей або и в меншой сумме были заставованы а поклижбы—в болщой суммѣ ниж в двадцати копах мел кто им што заставовати тот мает на тую суму которая бы превышала двадцать коп грошей лист свой заставны—тым жыдом дати и року выкупеня тоѣ заставы своѣѣ описати на который маѣт иныѣ заставы окупити тогды вже они около таковое заставы маются справовати водле оного листу заставного от которых же застав волно им будет водле умовы лихву брати теж которыѣбы фанты ѣще перед тых были им заставованы а роки бы вже оным заставам вышли тогды тымже обычаѣм мают тыѣ жыдове враду замковому виленскому то оповедати а также взявши лист и вижа мают оных заставников упоменути и ѣслибы за оным упоминанѣм и обосланем урадовым застав своих в шести недѣлях неокупили тогды вже они таковуюж будут мет мощ оныѣ заставы отдати продати и ку своим пожыткам обернути под тымже обычаѣм, яко выше всѣм нашим листѣ ѣст описано, еслибы теж менил который заставник иж рок заставы ѣще не пришол албобы теж поведил иж не в так великой суммѣ заставил яко тыѣ жыдове менят а

они бы листу заставного от тых заставников немели тогды оные жыдове и року выкупеня оное заставы и суммы пѣнѣнзей заставного близшые будут присягою своею доводити и для того жидове на потом уникаючи таковых присяг мают брати от заставников листы их под свѣдомом людей добрых и на сумму пѣнѣнзей вчом што заставено будет и теж на рок на который заставено затым тыеж жидове наши Симон а Израгел били нам чолом, иж если бы хто их перед врад замковый або теж местскій в сем панстве нашом великом княжестве о якую колвек реч буд о малую буд о великую их самых або слуг их закону жидовского купли и товаров их пилнуючих в право позвал тогды врад наш любо замковый любо местскій немает их самых и слуг их жидов иншим правом судити одно тым правом яко то ест в привилеях жидовских даных от предков наших великих князей и от нас самых всим жидом в панстве нашом великим княжестве литовском мешкаючим описано ни в чом от оных привилеев не отступаючи и ничого того перед себе не беручи иж они суть с панства нашого корунного бо то все сут наши подданные так в великом княжествѣ, яко и коруне все за ровне—и на то дали есьмо тым жидом нашим Симону Докторовичу а Израелу Езофовичу сесь наш лист з нашою печатю—писан у Вилни лета Божего нароженя тысяча пятсот пятдесят первого году месеца августа двадцат второго дня.

Станислав Коморовски Писар.

3.

Признать перед Королем Его Милостю Ксендза Павла Бискупа Виленьского и Воѣводы Троцкого Пана Миколая Юрѣвича Радивила, замены межи ними учыненоѣ Каменицою и Двором Пана Воеводы Троцкого у Вилни на Двур князій Бискупов на Передмести на Луках на вечность.

(*изъ литовскихъ метрикъ*).

Жыгимонт Божею милостю корол полски великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомойдскій мазовецкій, и иных.

Ознаймуѣм сим нашим листом—пришедши перед нас облично княз Павел бискуп виленскій а воевода троцкій державца лидскій, василишскій, белицкій и самилишскій, пан Миколай Юревич Радивил, оповедили и вызнали, иж вчинили мену межи собою на двори свои в месте виленском, княз бискуп взял от пана воѣводы троцкого каменицу и увес двор который ѣму достался по князѣ Якубу Юрѣвичу Добровицком воѣводе троцком, лежачи в месте виленском в уличце идучой з великоѣ замковоѣ улицы до клаштора Бернардинского налеве—А за то дал и променал ѣго милости свой двор па предмести на Луках з одноѣ стороны пана воѣводы троцкого двору прилеглый при реце Вели, ведже так ся згодили же и княз бискуп виленскій тот двор и каменицу вжо от того часу к рукам своим взяти и правом вечным держати маст, а до живота своего будут уживати и держати иный двор на Луках за доброволным позволенѣм и впущенѣм в уживанѣ и в руки ѣго того двора от пана воѣводы троцкого у пожи-

воте князя бискупа виленского пан воѣвода троцкій тот двор на Луках возмет к рукам своим яко властный свой и волност в нем мети будет, держаня и уживаня права вѣчного, так яко княз бискуп сам держал а зато опый двор записан был и прыйти мел на сестренцев князя бискупа сынов воѣводы подляского пана Миколая Пацы, тогды панове Пацовичи озмут и вѣдут в тую каменицу и у вес двор от пана воѣводы троцкого меною даный и поступленый князю бискупу Виленскому яко вышей о ней написано где а на котором месту лежит и на онже час пан воѣвода троцкій, листы и все право зачым сам тую каменицу держал, паном Пацовичом оддаст и онитеж право своѣ и вси листы которыѣ мают на двор тот што на Луках пану воѣводѣ троцкому, котороѣж сознанѣ обявѣнѣ через них обеих сторон очевисте перед нами учиненоѣ казавши до книг наших записати князю Павлу бискупу виленскому того сознаня сес наш лист под печатю нашою а втоѣж слово другій лист пану воѣводе троцкому также под печатю нашою дали—писан у Вилни лета Божого нароженя 1552.

Остафій Волович писар державца медницкій.

4.

(Изъ литовскихъ метрикъ).

Лета Божого нароженя 1557 мца априля 8 д.—Передомною Яном Андреѣвичом Новицким намѣстником виленским постановившися очивисто земенин господарскій Василій Михайлович Звега, доброволне и явне то передомною сознал, штож он ку своей пилной а великой потребе, продал земенину господарскому Ивану Степановичу Рогозе, плац свой без будованя у месте виленском за вежою рудницкою за пятнадцат коп грошей на вѣчност, па што

ѣму лист свой вызнаный дал, и передомною его оповедаючи показовал, которыи слово от слова так се всобе мѣт: я Василій Михайлович Звега, вызнаваю сим моим листом нынѣшним и напотом будучим, продали ѣсьми дворыщо своѣ властноѣ никому ничым не пенноѣ плац без будованя в месте виленском за вежою рудницкою по левой сторонѣ, подле животынскаго торгу межы дорог то ѣст вежи почовше от двора Андрея Полочанина от угла ижбы тогож Андрея подле дороги до вежи рудницкое в камень великій, от того каменя в другій камен, который камен лежит на дорозе, которая идет подле муру борканого, а подле тоѣ дороги у город, тогож Андрея, подле огорода в туюж избу Андреѣву, котороѣ дворищо мнѣ делу от брата моѣго рожоного пана Григоря Михайловича достала сѣ, о бел вечно и непорушно сам от еебе и от брати моѣѣ, и от всих ближних и от прирожоных моих пану Ивану Степановичу Рагозе, и ѣго детем, за певную суму пенѣнзей то ѣст за петнадцат коп грошей литовскоѣ личбы и монеты личечи по десети пенензей бѣлых у грош якожем тое дворищо пану Иану завел и в моц ѣму подал—а тая сумма пѣненэей вся сполна пятнадцат коп грошей до моих рук мене дошло, и вжо я стого дворища вечнеся вырекаю и вливаю все право мнѣ прирожоноѣ на пана Ивана, и на всѣ потомки ѣго, и вжо пан Иван волен ѣст тоѣ дворищо, отдати продати и на церков записати, и ку своѣму лепшому а взиточному куды хотя обернути, так яко се на лепше будет ѣму видет, и вжо я сам жона и дети мои, братя мои, и вси ближнеѣ мои и прирожоныѣ никоторыми колвек причинами у тоѣ дворищо вечне уступоватися немаѣм, под винною Господаря десятма копами грошей, а на ѣго милости пана воѣводу виленского пятма копами грошей, а П. Ивану гвалт и вси шкоды и наклады, на прире-

ченѣ слово ѣго, без жадного доводу и присяги его заплатити маѣм, неберучи жадных прчин собе на помоц, противку пана Ив на, и на то ѣсми пану Ивану дал сес мой лист, з моѣю печатю, и тую мою продажу и сесь лист мой вызнаный обявилэм Их Милостям паном судям виленским пану Павлу Каспоровичу Островецкому хорунжему ошменскому, а пану Яну Андреѣвичу Новицкому наместнику виленскому, и до книг врадовых тоѣ сознанѣ моѣ записати дал нашто и выпис книг пан Иван того сознаня моѣго собе под печатми панов судей их милости взял, а притом были луди добрыѣ и того добре сведоми, пан Степан Юхнович Ванькевич, а пан Федор Фурс, а пан Матфей Дмитрович Иля, и на твердост сего моѣго листа их милости панове верху писаныѣ за прозбою моѣю, и печати свои приложили ксему моѣму вызнаному листу, писан у Вилни—лета Божого нароженя, тысеча пятсот пятдесят семого, мѣсяца марца двадцати третего дня, а так я наместник виленскій того доброволного сознаня, и листу вызнаного выслухавши казал записати.

5.

(Изъ литовскихъ метрикъ).

Чиним знаменито сим нашим листом хто на него посмотрит або чтучи ѣго вслышит нынѣшним и потом будучим кому будет потреба того ведати, бил нам чолом мещанин места нашого виленского Петр Лавринович и поведил перед нами, иж воѣводина троцкая пани Петровая Станиславовича Ганна продала ѣму на вѣчност дворищо своѣ у Вилни на Антоколу и зо двома огороды и землу свою што она от мещанки виленскоѣ Станиславовоѣ Малгоржеты у пенязех своих мела сполми пашными

и горами и глинами, и долинами и соснеком который на той земли ѣст и скустовѣм и водами и совсим як ся тая земла в границах своих маѣт и як сама пани Петровая к рукам своим ѣѣ держала, за пятдесят коп грошей монеты великого княжества литовского, котораяж земла лежит почор от сеножати сезоновскоѣ через дорогу з землею тогож Петра Лавриновича, и подле старого городища по великій ров, а з другоѣ стороны подлѣ горы межа теж сумеж з Гриневою землею и иниих антоколцов, а третеѣ и четвертоѣ стороны з инцими местскими землами и боярскими, и лист свой пани Петровая на паргаменѣ писаный под печатю своѣю и иншых пѣчатми завесистыми па то ѣму дала в которой волности ѣму описала тоѣ дворищо на Антоколу и з обема огороды и оную землу кому хотя отдати продати, даровати, променити и к пожитку своѣму водле воли своѣѣ обернути, к тому подданный наш Юрій Сидорович Донат продал ѣму также на вѣчност за нѣсколко коп грошей част земли своѣѣ Малгореты за рекою подле плитницы розмусовы по левой стороне з места виленского ѣдучи быстрыцкою дорогою, со всим как сам то крукам своим держал, притом купил он у мещанина места виленского брата своѣго рожоного Яна Лавриновича части земли, ѣго материстоѣ и заставноѣ на Заречи, кгде колвек будет з сеножатии и сосисками лесы с кустовѣм водами лугами горами глиною як сам он к рукам своим то держал за пят коп грошей литовскоѣ монеты на вечност и теж променял другій брат ѣго рожоный Щепан Лавринович части материстыи земл своих на Заречи которые на него были припали и с тым што было закуплено и лесы кустовѣм логами горми водами сеножатми глиною и со всим як предки ѣго то держали, на двор и дом ѣго под мененою горою на веч-

ност, ы к тым частем своим на оный дом з ним меняючи придал ѣму чотыры копы грошей, а брат ѣго Щепан Лавринович з женою и потомки своими з оных частей своих матерыстых вжося вырек, и немаѣт ничого, ктому мети, затым продал ѣму Матей Юревич Калитник виленск:й землу свою властную никому ничим не певную на Заречи з одноѣ стороны от конца бурмистра места виленского Ѣрмолы Столовича а з другоѣ стороны от дороги антоколскоѣ, а от пани Михайловоѣ Зеновича, за тры копы грошей литовских на вѣчност, якож на всю тую куплу вышей мененую и мену свою листы продавец своих и тых которыѣ мену з пим мели Петр Лаврынович перед нами покдадал, а к тому вказывал он перед нами выпис скниг места нашого виленского под печатю местскою в котором стоит выображено, иж они Петр Лавринович, з допущеня и дозволеня бурмистров и радец места нашого виленского заплатил пят коп грошей мещанину виленскому Харитону Хацутычу за тыѣ двѣ нивы земли, которыѣ он от Яна Вешевича в заставе мел а Харитон тых двох нив перед посланцы мѣстскими ѣмуся поступил и лист записный ѣму теж вернул, притом другій выпис также под печатю места виленского перед нами он покладал, гдѣ стоит выписано иж ставшы обличне перед правем тамошним Степановая Дорота дочка Михайлова Винника з дозволенѣм своѣго Степана явне сознала, штож она, продала торгом вечным оному Петру Лавриновичу, долу свою материстую з гаи и копанѣм глины и совсими пожытки як сама держала на передмести виленском з одноѣ стороны почов от плитницы Розмуса Золотора аж до дороги котораа дороконтипом идет, за двадцат коп грошей личбы великого княжества, и на он жо час перед правом обявила иж вжо ѣѣ зуполная заплата от Петра в том дошла.

а так оный Петр Лавринович бил нам чолом, абыхмо на вси тыи речы дали ѣму наш лист и оным купли и мены потвердили ѣму листом нашим на вечност, ино мы тых листов ѣго купчих именовных и выписов книг места нашого виленского огледавши з ласки нашоѣ на чолом битѣ ѣго то все што колвек ѣст вышей в сим нашим листе описано потвержаѣм тым нашим листом вечно и навѣки непорушно самому Петру Лавриновичу и ѣго жоне и детем и напотом будучим их щадком со всими землами полнми, ролами, сѣножатами, гаи, лолами, горами боры глиною реками и водами, и со всим як ся оныи земли преречеными сами в собе и в границах и обыходех своих мают иж толколве иным прыслухают маѣт он и ѣго жена и дети и потомки их тоѣ усе держати и спокойне того вжывати подле купли своѣѣ и листов купчих, именовных и выписов скниг враду места виленского, и волни они отдати продати даровати записати и как себе розумеючи прибавити, и ксвоему лепшому и вжыточному обернути як сами налепей розумеючи, а на твердости того и печать нащу казали есмо привѣсити ксему нашему листу. Писан в Петркове подле лета Божого нароженя 1538 г. генваря 25 дня Индыкта II.

Sigismundus Rex.

Михаило Писар.

II.

О ЗНАЧЕНІИ СМОЛЕНСКА ВЪ ИСТОРІИ РОССІИ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

Источники для первоначальной исторіи Смоленска очень скудны; въ русскихъ лѣтописяхъ до половины XII вѣка, т. е. въ теченіи двухъ столѣтій отъ начала русской исторіи, едва встрѣчаются два три извѣстія, въ которыхъ упоминается имя Смоленска. Что касается до другихъ памятниковъ письменности древне-русской и иноземной, изъ которыхъ можно бы позаимствовать свѣденія объ этомъ предметѣ, въ дополненіе къ немногимъ отрывочнымъ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, эти памятники утрачены почти всѣ для нашего времени, преимущественно отъ пожаровъ и въ особенности во время борьбы съ литовцами, поляками и татарами [1]). Поэтому и фактовъ для первоначальной исторіи Смоленска очень мало. Между тѣмъ какъ другіе области бывали сценою почти постоянной борьбы внутренней и внѣшней, Смоленская область оставалась по большей части спокойною и отъ княжескихъ усобицъ, занимающихъ столь видное мѣсто въ древней русской исторіи, и отъ борьбы внутреннихъ началъ, отъ неугомоннаго броженія общества, какое мы видимъ наприм. въ исторіи Новгорода, Полоцкаго княжества и друг. Такъ, отъ 1058 до 1228 года на смоленское княжество падаетъ только шесть княжескихъ усобицъ, между тѣмъ, какъ кіевское княжество испытало ихъ за это время 23, новгородское 12, волынское 15, полоцкое 18, черниговское около 20, суздальское 11-ть, [2]). Другія русскія

1) Предисловіе къ русско-ливонскимъ актамъ (Russisch-Livländische Urkunden) СПБ.

2) Ист. Россіи. Солов. III, 42.

области: кіевская, черниговская, переяславская ведутъ упорную и непрерывную борьбу съ иногородцами, то съ печенѣгами, то съ половцами; волынская, туровская, полоцкая и новгородская обороняются отъ Литвы и Чуди [1]). Смоленскъ не знаетъ и этой борьбы, по крайней мѣрѣ, до XII вѣка, когда онъ принужденъ былъ обороняться отъ напора литовцевъ на русскія области. И относительно фактовъ внутренней жизни исторія Смоленска представляетъ также не много данныхъ для изслѣдованія, особенно по нѣкоторымъ очень важнымъ сторонамъ ея. Такъ, не сохранилось извѣстій о томъ, какъ насаждаемо было христіанство въ этой области; даже вопросъ объ отношеніи власти князя къ народной, или къ власти вѣча, обставленъ очень немногими фактами. Смоленское вѣче не имѣло того буйнаго, неугомоннаго характера, какимъ отличались вѣча сосѣдственныхъ съ нимъ областей, новгородской и полоцкой. Занятія княжескаго стола въ Смоленскѣ обыкновенно обходилось безъ враждебныхъ столкновеній съ вѣчемъ и по большей части преемственно переходило отъ отца къ сыну или къ ближайшему родственнику.

Смоленскъ выступаетъ своею отдѣльною исторіею уже очень поздно; до 1054 года онъ не былъ особымъ княжествомъ. Но и послѣ 1054 г. смоленское княжество чуждо, по видимому, какихъ либо особенныхъ, мѣстныхъ интересовъ. Только со времени Ростислава Мстиславича, съ тридцатыхъ годовъ 12-го столѣтія, смоленское княжество пріобрѣтаетъ прочное и (частію) независимое положеніе въ политической системѣ Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого времени Смоленскъ пріобрѣтаетъ очень замѣтное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Россіи: съ этого времени обозначаются и особенные мѣстные интересы этого княжества и начинаетъ уясняться та задача, какую исторія навязала для него. Время Ростислава, такимъ обазомъ, было эпохою въ исторіи смоленскаго княжества, съ которой начинается его процвѣтаніе и политическое могущество.

Но время же Ростислава Мстиславича было тѣмъ временемъ, которое подготовило основы будущаго ослабленія и упадка политической и гражданской силы смоленскаго княжества

1) Тамъ же стр. 43.

(конечно помимо воли этого князя). Мы разумѣемъ, во 1-хъ усиленіе Литвы, которая начинаетъ выдвигаться изъ среды собственно русскаго населенія въ западномъ краѣ къ концу 12-го вѣка, вмѣстѣ съ ослабленіемъ полоцкихъ князей. Походы Мстислава Великаго, кіевскаго князя, вывели полоцкую землю изъ того отчужденія, въ которомъ она была въ прежнее время, и поставили ее въ зависимость отъ русскихъ князей, потомковъ Ярослава I. Вмѣстѣ съ этимъ полоцкіе князья поступаютъ подъ опеку смоленскихъ князей. Такимъ образомъ, придвигается ближе къ западнымъ окраинамъ Россіи и становится въ болѣе непосредственныя отношенія къ тамошнимъ иногородцамъ. Въ 1171 году, смоленское княжество въ первый разъ испытало нападеніе литовцевъ, и эти нападенія, съ теченіемъ времени, становятся все чаще и враждебнѣе. Во вторыхъ, въ княженіе же въ Смоленскѣ Ростислава случилось событіе, которое имѣло огромное вліяніе на послѣдующую исторію западной Россіи: это—прибытіе въ полоцкія владѣнія нѣмцевъ, которые утвердились при устьяхъ западной Двины и основали съ прибытіемъ рыцарскаго войска, особое независимое владѣніе, и ливонскій орденъ, который скоро вступилъ во враждебныя отношенія къ своимъ сосѣдямъ и сталъ отнимать земли, бывшія до того времени въ русскомъ владѣніи.

Время Ростислава Мстиславича, т. е. половина 12-го столѣтія, совпадаетъ съ началомъ великой борьбы, которая составляетъ главное явленіе тогдашней исторіи до татарскаго нашествія: это борьба двухъ половинъ Россіи, днѣпровской и сѣверовосточной Руси, за первенство, или борьба старыхъ вѣчевыхъ порядковъ съ принципомъ самодержавія въ русской землѣ. Смоленская область съ самаго начала принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ, а подъ конецъ всѣ фазисы этой великой исторической драмы связываются съ именемъ Смоленска и его князей, знаменитыхъ Мстиславовъ. Борьба эта озарила на время яркимъ блескомъ исторію Смоленска и приковала къ нему вниманіе всей Россіи (что можно видѣть изъ характера лѣтописей того времени); но въ сущности Смоленскъ столь же мало получилъ отъ того существенныхъ выгодъ, какъ и всѣ другія русскія области, стоявшіе за старые принципы,

и въ концѣ концевъ она вынесъ изъ нея только ослабленіе своего политическаго могущества и матеріальное раззореніе.

Въ исторіи первоначальныхъ обществъ вліянія внѣшней природы, физическія вліянія, имѣютъ весьма большое значеніе; поэтому мы скажемъ сначала о географическомъ положеніи и природѣ смоленской области, потомъ перейдемъ къ очертанію внутренняго строя жизни ея и наконецъ въ общихъ чертахъ раскроемъ политическую исторію смоленскаго княжества и покажемъ значеніе его въ русской исторіи. Мы думаемъ, что изображеніе внутренняго состоянія общества должно предшествовать внѣшней исторіи, потому что внѣшняя исторія обществъ держится на бытовыхъ и граждаскихъ учрежденіяхъ, какъ на своемъ основаніи, и можетъ быть объясняема изъ нихъ, хотя съ другой стороны и событія внѣшней исторіи также имѣютъ большое вліяніе на внутреннюю организацію и бытъ обществъ.

Природа смоленской области была не богата естественными произведеніями и не представляла большихъ удобствъ для земледѣлія, а еще менѣе для скотоводства.

Составляя сѣверозападную границу черноземной или хлѣбородной полосы Россіи, нынѣшняя Смоленская губернія производитъ хлѣбъ въ степени, едва удовлетворяющей ежегодной потребности туземнаго земледѣльца [1]). Но за то здѣсь лежали обширные и во многихъ мѣстахъ дремучіе лѣса [2]), и множество рѣкъ и озеръ. Природа, скудно надѣлившая смоленскаго жителя предметами естественнаго производства, указала исходъ для его дѣятельности въ свойствѣ страны, обильной водами. Множество рѣкъ большихъ и малыхъ изрѣзывая мѣстность

---

1) „Матеріалы для географіи и статистики Россіи". Смоленская губернія. Спб. 1862 г. стр. 120. Для средняго урожая въ губерніи, въ одиннадцатилѣтней сложности, получаются слѣдующія приблизительныя цифры: озимаго—самъ 2, 46, яроваго 2,20, картофеля—2, 53. Что касается до пространства луговъ, то на пять десятинъ пахатной земли приходится только десятина луговой. Ibid. p. 193 и 203.

2) На обиліе лѣсовъ въ смоленской области указываетъ между прочимъ и самое имя Смоленска, нѣкоторыми, кажется, основательно производимое отъ слова „смола". Никитинъ въ „исторіи Смоленска" М. 1848 г.).

во всѣхъ направленіяхъ и образуя всѣ вмѣстѣ для смоленской области узелъ водяныхъ сообщеній, могли служить превосходными проводниками промышленности во всѣ концы Россіи. Съ сѣвера и юга это былъ великій водный путь изъ Варягъ въ Греки и отъ Чернаго моря къ Балтійскому, самый древній исторический и торговый путь въ Россіи. Онъ захватывалъ весьма значительную часть смоленскихъ владѣній—волокъ между рр. Ловатью и Торопою, гдѣ стоялъ смоленскій пригородъ Торопецъ, пограничный съ новгородскою землею (послѣ Торопецъ сталъ особеннымъ удѣломъ смоленскаго княжества; здѣсь княжилъ знаменитый герой русской земли, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой), верхнее теченіе западной двины, волокъ между этою послѣднею и Днѣпромъ и значительное протяженіе по Днѣпру. Съ востока смоленскія владѣнія непосредственно примыкали къ области верхней Волги и этимъ путемъ соединялись съ низовою, съ Камскою Болгаріею и съ Хозаріею 1); Смоленскъ былъ на пути изъ по-волжской стороны въ Кіевъ 2). Западная Двина, верхнее теченіе которой принадлежало смоленской облати, непосредственно соединяла Смоленскъ съ Балтійскимъ моремъ и съ западною Европою чрезъ земли полочанъ и латышскихъ и финскихъ инородцевъ. Такимъ образомъ „Смоленскъ можно назвать средоточіемъ или перекресткомъ древнихъ путей Россіи 3); смоленская область была открыта со всѣхъ сторонъ для торговыхъ и промышленныхъ движеній и давала ея жителямъ превосходныя средства для этихъ занятій. Естественно поэтому, что Смоленскъ съ самаго начала долженъ былъ выдвинуться на поприще торговой дѣятельности.

Для ознакомленія съ характеромъ и размѣрами смоленской торговли мы имѣемъ весьма важный документъ, правда, довольно поздняго происхожденія: это договоръ смоленскаго князя, Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готландомъ. Онъ относится къ концу разсматриваемаго времени (къ 1229 г.); но въ

---

1) Другой путь на Волгу изъ Смоленской области представлялся рѣками Москвою и Протвою, изъ которыхъ можно было пробраться въ Оку, а изъ Оки въ Волгу.

2) „Пути сообщенія въ древней Россіи“. Ст. Ходаковскаго въ историческ. сборникѣ Погодина. т. 1. к. 1. стр. 16.

3) Ibid.

немъ же, какъ увидимъ, заключаются указанія и на то, что торговля въ Смоленскѣ существовала гораздо ранѣе первой половины тринадцатаго столѣтія. Считаемъ нужнымъ высказать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній по поводу этого памятника 1).

О договорѣ Смоленска съ нѣмецкими городами высказано было Карамзинымъ 2), со словъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, мнѣніе, что онъ весьма благопріятенъ для ливонскихъ купцевъ и, разумѣется, не сталъ выгоденъ для русскихъ купцевъ.

Намъ кажется, что это мнѣніе не вполнѣ правдиво; въ договорѣ повсюду соблюдается одна правда какъ для нѣмцевъ, такъ и для русскихъ.

Подъ каждою статьею находится приписка: „тая же правда узяти русинуу Ризѣ и на Гочкомъ берегѣ“ или тако дѣлати Русину у Ризѣ и на Гочкомъ берегѣ“ и под. 3).

Договоръ Мстислава важенъ не только какъ памятникъ торговаго значенія Смоленска; онъ столько же, если не болѣе, важенъ по многимъ указаніямъ на внутреннее состояніе тогдашняго русскаго общества и, въ частности, на внутреннее устройство смоленской области. Это памятникъ на половину юридическій, подобно „Русской Правдѣ“. Такое обстоятельство показываетъ что въ древней Руси тоговля способствовала не только матеріальному благосостоянію края, но и гражданскому и нравственному развитію общества 4).

1) Договоръ Мстислава заключенъ былъ въ 1229 году. Недавно по поводу изданія русско-ливонскихъ актовъ, отъискано и напечатано 6 различныхъ редакцій этого договора, не считая той, которая находится у Карамзина (т. III, прим. 248) и также присовокуплена къ собранію актвъ. Списки эти въ сущности сходятся между собою и всѣ могутъ быть сведены къ двумъ нѣсколько различнымъ редакціямъ. Мы будемъ пользоваться списками договора, помѣщенными въ собраніи русско-ливонскихъ актовъ (стр. 420, 447).

2) Ист. Гос. Рос. III, 129 изд. Эйнерлинга.

3) Только подъ двумя статьями нѣтъ этой приписки (§ 15 и 26 по тексту А.). Въ одной говорится о присылкѣ тіуномъ людей для перевоза товаровъ чрезъ волокъ,а въ другой,—о подаркахъ тіуну и княгинѣ.

4) Въ какой степени въ составленіи этого договора участвовало нѣмецкое вліяніе? Кажется обѣ стороны—нѣмецкая и русская—имѣли здѣсь равныя силы. По крайней мѣрѣ, изъ самаго

Поводомъ къ заключенію договора 1229 года было, какъ объяснено въ немъ самомъ, „разлюбье межи Смольняны и Нѣмци“; поэтому онъ заключенъ былъ въ видахъ устраненія всевозможныхъ случаевъ ко враждебнымъ столкновеніямъ между заинтересованными сторонами: „ажъ бы миръ й былъ до вѣка; урядили пакы миръ како было любо Руси и всему латиньскому языку, ажъ бы всякій налѣзлъ правду; ажбы промежи наю бои былъ, а любо человѣка убиють до смерти, то отплатити ажбы миръ не разрушенъ былъ“.

Вотъ въ главныхъ чертахъ самое содержаніе Мстиславова договора:

1) Постановленіе о наказаніяхъ за преступленія, какъ-то: за убійство, увѣчье и побои, за обезчещеніе женщинъ, за самоуправство и воровство:

Постановленія относительно суда и расправы, какъ-то: относительно ареста или заключенія въ темницу подъ стражу, взысканія долговъ, свидѣтелей въ судѣ; относительно не вмѣшательства мѣстныхъ судебныхъ властей въ дѣла ссорящихся

памятника преобладающаго вліянія нѣмцевъ не видно. Въ двухъ редакціяхъ договора (по тексту Д и Е) находится приписка, которою выговариваются привиллегіи нѣмецкому двору въ Смоленскѣ, наприм. освобожденіе отъ посольскаго постоя; но эта статья очевидно не внесена была въ подлинный текстъ договора; подъ нею нѣтъ и обычной приписки: „тая же правда русину“ и проч. Напротивъ въ договорѣ Мстислава ясно видно вліяніе русское. Извѣстно, что въ старину у нѣмцевъ было въ обычаѣ, по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, составлять договоры отъ лица русскихъ, а потомъ предлагать имъ на утвержденіе (Костомар. „сѣверно-рус. народоправства“. 11. 185). Но въ настоящемъ случаѣ инициатива договора принадлежала собственно русскимъ. Въ грамотѣ прямо сказано: „уздумалъ князь смоленскій Мстиславъ, Давыдовъ сынъ, прислалъ въ Ригу своего лучшаго попа Ермея й съ нимъ умна мужа Пантелья изъ своего города Смоленска твердити миръ“. Множество постановленій весьма сходныхъ съ постановленіями Русской Правды. еще болѣе убѣждаютъ въ томъ. Конечно это не значитъ, что нѣмцы въ ущербъ себѣ приняли нѣкоторыя договорныя статьи: договоръ былъ разсматриваемъ и безъ сомнѣнія подвергался измѣненіямъ въ Ригѣ, а потомъ на Готландѣ (о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ и различныя редакціи памятника) и утвержденъ только послѣ строгаго соглашенія интерсовъ той и другой стороны.

иноземцевъ и проч. Здѣсь же излагаются различныя привиллегіи и права купцовъ въ дѣлахъ судныхъ, напр. освобожденіе отъ судныхъ пошлинъ (развѣ добрые и нарочитые люди присовѣтуютъ заплатить что нибудь судьѣ), призваніе только на судъ мѣстнаго князя, наложеніе ареста или взятіе подъ стражу только послѣ доклада о томъ купеческому старостѣ и проч. Вообще купцамъ по договору, даются очень важныя права; это показываетъ, какъ тогдашнее русское общество высоко ставило развитіе торговой промышленности и какъ оно старалось всѣми мѣрами содѣйствовать процвѣтанію торговли, заохочивая людей торговыхъ къ дѣятельности многими важными привиллегіями. Уже въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ постановленія, выгодныя особенно для купцевъ, какъ напр.: только купецъ можетъ занимать деньги для торговыхъ оборотовъ, не поставляя свидѣтелей займа, какъ бывало въ обыкновенныхъ случаяхъ. Кромѣ того Правда различаетъ обанкротившихся не по своей винѣ и, такъ называемыхъ нынѣ злостныхъ банкротовъ,— и первыхъ принимаетъ подъ свою защиту; долгъ получаютъ сначала иностранные купцы, а потомъ уже русскіе,—такое постановленіе, которое очевидно клонится къ тому, чтобы заманивать чужеземныхъ купцевъ въ русскую землю 1). По договору Мстислава, иностранные купцы въ Россіи и русскіе за границею пользуются еще большею личною свободою и неотъемлемостію собственности. Мы уже упоминали о томъ, что купца нельзя заключить въ темницу и нельзя приставить къ нему дѣтскаго княжаго безъ предварительнаго сношенія съ купеческимъ старостой. Купца не должно также принуждать итти на войну съ княземъ, если онъ самъ того не пожелаетъ. Иностранные купцы судяться своимъ судомъ въ случаяхъ взаимной между собою распри, и русскимъ судьямъ до этого нѣтъ дѣла. Если русскій свяжетъ безъ вины нѣмца, или на оборотъ—нѣмецъ русскаго, то виновный платитъ пеню за безчестіе, и проч. Относительно собственности такія же строгія и точныя опредѣленія. Умеръ должникъ,—долгъ уплачиваетъ наслѣдовавшій его имѣніе; попавшій подъ опалу князя отплачивается княземъ, который потомъ можетъ дѣлать съ своимъ человѣкомъ, что хочетъ (можетъ охолопить его со всѣмъ

1) Карамз. ист. Г. Рос. 1. 33.

свойствомъ). Если должникъ отказывается уплатить долгъ, то заимодавецъ идетъ къ тіуну и проситъ у него дѣтскаго; если дѣтскій въ теченіе 8 дней не успѣетъ выправить долга, то должникъ обязанъ представить за себя поручителей. Если купеческое общество не хочетъ выдать товарища, то оно уплачиваетъ долгъ сообща. Точно также весьма важны собственно торговыя привиллегіи купцевъ.

Въ статьяхъ о торговлѣ можно различать три рода постановленій: а) о торговыхъ путяхъ и о передвиженіи по нимъ товаровъ, б) собственно о торговлѣ, или о производствѣ торговъ и в) о торговыхъ или о вѣсовыхъ пошлинахъ и о вѣсѣ.

Относительно перваго договаривающіяся стороны установляютъ свободный проѣздъ по Двинѣ—по берегу и по водѣ—для всѣхъ купеческихъ судовъ (для тѣхъ, кто правый купецъ) и на всемъ протяженіи отъ Смоленска до Готланда въ другіе нѣмецкіе города (до Травны), равно какъ изъ Смоленска въ другіе русскіе города. Съ обѣихъ сторонъ не платятъ дорожныхъ пошлинъ, когда ѣдутъ не по своей землѣ. Если случится, что купеческое судно потонетъ или разобьется, то хозяину предоставляется полная безопасность и свобода управляться съ своими товарами на мѣстѣ, а въ случаѣ нужды принанять рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей, по условленной цѣнѣ. Когда нѣмецкій купецъ пріѣзжаетъ на двинскій волокъ, то волочскій тіунъ немедленно высылаетъ людей для перевоза товаровъ чрезъ волокъ. Въ случаѣ прибытія къ волоку нѣсколькихъ купцевъ одновременно, они кидаютъ жребій о томъ, чей товаръ прежде отвозить въ Смоленску; но иностранные купцы во всякомъ случаѣ ѣдутъ впереди русскихъ купцевъ (таже правда соблюдается для русскаго въ нѣмецкой землѣ). Если при перевозкѣ товаровъ чрезъ волокъ случится пропажа, то за утраченный товаръ платитъ вся община волочскихъ перевозчиковъ: постановленіе весьма важное въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что общинное начало глубоко проникло въ строй смоленской жизни.

Торговля производится свободно, безъ всякихъ задержекъ, въ Смоленскѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, въ Ригѣ и на о-вѣ Готландѣ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, поименованныхъ въ договорѣ. Если русскій купилъ товаръ у нѣмца и отвезъ его къ себѣ на дворъ, то не можетъ отдать его назадъ,

а долженъ заплатить за товаръ деньги; такъ же и нѣмецъ не можетъ принудить русскаго купленный нѣмцемъ товаръ взяти обратно.

Торговыя пошлины платили у насъ въ древности не продавцы, а покупатели. По договору полагается: за двѣ капи (24 пуда) платить вѣсовыхъ денегъ куну смоленскую, 1) за гривну купленнаго золота—ногату, за гривну серебра—двѣ векши, за серебряный сосудъ отъ гривны—куну и т. д. Для повѣрки вѣсовъ одна капь хранится въ русской церкви Богоматери на горѣ, а другая въ нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ; съ этимъ вѣсомъ должны и жители волока свѣрять пудъ, данный имъ отъ нѣмцевъ.

Торговля смоленская была очень обширна: въ ней участвовали, кромѣ Смоленска, другіе русскіе города—какіе, въ договорѣ не упомянуто,—и кромѣ Риги и Готланда, многіе германскіе города, именно: Любекъ, Данцигъ, Мюнстеръ, Гринингенъ, Дортмундъ, Бременъ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ ѣздили купцы въ Смоленскъ и смоленскіе купцы бывали въ нѣмецкой землѣ.

Само собою разумѣется, что, по обширности торговыхъ оборотовъ, Смоленскъ нельзя поставить на ряду съ древнѣйшими торговыми пунктами въ Россіи, Новгородомъ и Кіевомъ, изъ которыхъ одинъ служилъ центромъ ганзейской и вообще западноевропейской торговли, а другой—греческой; но вслѣдъ за ними Смоленску безъ сомнѣнія принадлежитъ самое видное мѣсто между торговыми мѣстностями въ древней Руси. Что смоленская торговля существовала гораздо ранѣе того времени, къ которому относится разсмотрѣнный нами памятникъ, на это находимъ доказательства въ немъ самомъ. Умѣнье, съ какимъ составлены и изложены договорныя статьи, показываетъ большую опытность и навыкъ въ торговыхъ сношеніяхъ—то, что можно бы назвать торговымъ тактомъ. Здѣсь все предусмотрѣно, что могло бы послужить ко взаимнымъ недоразумѣніямъ и распрямъ, и приняты

---

1) Здѣсь замѣтимъ, что денежная система въ Смоленскѣ была отлична и отъ кіевской и отъ новгородской (Погод. „Изслѣдов. и лекціи.“ Т. VII, стр. 343). Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ въ нѣкоторой степени о самостоятельномъ значеніи Смоленска въ финансовомъ отношеніи, т. е. что экономическое развитіе Смоленской области шло своими особенными путями.

самыя строгія и точныя опредѣленія во избѣжаніе этого; притомъ многія статьи договора свидѣтельствуютъ о частыхъ и давнихъ сношеніяхъ договаривающихся сторонъ, потому что обнаруживаютъ знаніе мѣстныхъ обычаевъ и постановленій. Вотъ примѣры на то и на другое: въ грамотѣ назначается пеня за оскорбленіе женщины; но этого мало: тутъ же установляется различіе между такою женщиною, которая до сихъ поръ жила честно, и такою, которая жила нечестно, и сообразно съ этими опредѣляется не одинаковая пеня за оскорбленіе. Или другой примѣръ: въѣхавъ въ городъ, нѣмецкій гость даритъ княгинѣ кусокъ полотна, а волочскому тіуну готскія перчатки. Это очевидно русскій обычай подарковъ, и ему также отведено мѣсто въ договорныхъ статьяхъ: надобно полагать, судя по этому, что нѣмцы на мѣстѣ ознакомились съ русскими обычаями и хорошо понимали значеніе ихъ. Но кромѣ того есть и другія указанія на давнія торговыя сношенія нѣмцевъ съ Смоленскомъ въ той же грамотѣ. Изъ нея мы узнаемъ, что въ Смоленскѣ въ это время существовала своя нѣмецкая церковь, въ которой хранились нѣмецкіе вѣсы; были даже особые нѣмецкіе дворы; наконецъ была особая нѣмецкая контора, подобная той, какая существовала въ Новгородѣ (и независимая отъ новгородской конторы): „а что немѣчкыхъ дворовъ и дворищъ у Смоленьскѣ куплѣныхъ и церкве ихъ,—сказано въ припискѣ къ договору,—не надобѣ никомужѣ.“ Но къ этому предмету мы возвратимся послѣ.

Мы уже сказали, что договоръ смоленскаго князя съ нѣмецкими городами не есть только торговый трактатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическій памятникъ: это сборникъ разныхъ постановленій, подобно Русской Правдѣ, о судѣ и расправѣ, о привиллегіяхъ, правахъ и повинностяхъ купеческаго сословія, такъ что этимъ путемъ можно видѣть, какъ общіе законы страны видоизмѣнялись сообразно съ мѣстными потребностями. Разсматривая Мстиславову грамоту съ этой стороны, мы должны признать для смоленской области значительную степень прогресса, сравнительно съ временемъ Ярославова законодательства. Такъ смертная казнь, или право родственниковъ мстить смертію убійцѣ, замѣняется, по договору 1229 г., вообще денежною пенею; далѣе—встрѣчаются болѣе строгія и точныя опредѣленія относительно

личной свободы и безопасности, на прим. связавшій безъ вины другаго платитъ за это гривну серебра. Въ грамотѣ находимъ нѣкоторыя новыя узаконенія, которыя служатъ характеристическимъ оттѣнкомъ своего времени: посолъ и священникъ приравниваются въ договорныхъ статьяхъ съ княжескимъ дружинникомъ; за нихъ берется удвоенная пеня. Наконецъ включается въ законоположенія совершенно новая статья, неизвѣстная Русской Правдѣ,—объ оскорбленіи женщинъ. Нельзя конечно не признать въ этомъ случаѣ нѣмецкаго вліянія на русскіе нравы и законы; но очевидно здѣсь это вліяніе было благотворно, и въ свою очередь такіе торговыя пункты, какъ Смоленскъ, должны были оказывать не менѣе полезное вліяніе на другія мѣстности Россіи и вообще на развитіе русской цивилизаціи.

Такой же почти порядокъ сношеній русскихъ съ нѣмцами, какой значится въ мстиславовой грамотѣ, мы находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами, около 1199 г. 1) Но еще яснѣе излагается одинаковость отношеній къ нѣмцамъ въ Новгородѣ съ отношеніями въ Смоленскѣ въ проектѣ договора нѣмцевъ съ новгородцами, писанномъ около 1230 года. Во-первыхъ, относительно суда: ежели новгородецъ и нѣмецъ имѣютъ тяжбу другъ съ другомъ, то должны представить двухъ свидѣтелей нѣмцевъ и двухъ новгородцевъ (какъ и въ договорѣ 1229 г., гдѣ требуются свидѣтели также съ обѣихъ сторонъ); а ежели новгородецъ и нѣмецъ не согласны въ свидѣтеляхъ, то дѣло рѣшается жребіемъ. Во 2-хъ о долгахъ: прежде должно платить нѣмцу, а послѣ того уже новгородцу. Въ 3-хъ о торговлѣ: торговля свободная въ новгородскихъ земляхъ и въ Новгородѣ на нѣмецкомъ дворѣ какъ для русскихъ, такъ и для нѣмцевъ; вѣсы нѣмецкаго двора повѣряются два раза въ годъ. Въ 4-хъ, о проѣздѣ нѣмецкихъ гостей съ товарами по новгородской землѣ постановляется: когда нѣмецкіе гости будутъ на Ижорѣ, то таможній тіунъ высылаетъ имъ проводниковъ, за что перевощикамъ дается купцами опредѣленная плата. Въ случаѣ кораблекрушенія жители не должны грабить гостей, а подавать имъ помощь. 2) Такое существенное схотство въ отношеніяхъ Новгорода и

1) Русско-Ливон. Акты. Стр. 1.

2) Ист. г. Рос. III, прим. 244.—Разсказы изъ рус. истор. Бѣляева. М. 1861 г. стр. 356.

Смоленска къ нѣмецкимъ купцамъ приводитъ къ тому заключенію, что торговля русскихъ съ нѣмцами имѣла по всюду одинаковый характеръ [1]), а далѣе, что внутренній строй смоленской жизни имѣлъ большое сходство съ общественнымъ устройствомъ въ новгородской землѣ. Въ доказательство послѣдняго мнѣнія вотъ еще одинъ примѣръ. Извѣстно, что торговля въ древности производилась у насъ цѣлыми корпораціями. По грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича (ок. 1135 г.),

1) Для сравненія торговыхъ договоровъ Полоцка съ нѣмецкими городами см.: „Русско-Лив. ак. № XXVI, стр. 13 и № CLIII, стр. 119 и 209.

Въ самое недавнее время, по поводу изданія русско-ливонскихъ актовъ, найденъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстный договоръ съ Ригою и Готландомъ, заключенный однимъ изъ непосредственныхъ преемниковъ Мстислава Довыдовича (кѣмъ именно, неизвѣстно,—равно какъ неизвѣстно и самое время составленія этого памятника, которое вообще полагаютъ между 1230—1270 г.). Онъ напечатанъ въ томъ же собраніи актовъ (с. 451—453). Договоръ начинается словами: „а рядъ мой съ нѣмци таковъ"; и затѣмъ излагаются статьи Мстиславова договора въ сокращенномъ видѣ и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ статей (наприм. статьи Мстиславова договора § 15, 16, 23 и 26, по тексту А, только напоминаются въ двухъ словахъ: „а на волоце, како то есть пошло"; постановленія о сборѣ вѣсовыхъ пошлинъ, § 27—32, совсѣмъ опущены, точно такъ же, какъ условіе о томъ, чтобы купцу не ѣхать на войну съ княземъ—§ 22, и о вспомоществованіи разбитымъ лодкамъ—§ 35).—Укажемъ нѣкоторыя различія его съ договоромъ 1229 г. Въ послѣднемъ полагается за убійство вообще денежная веня; въ позднѣйшемъ договорѣ это постановленіе ограничивается: „аже убьютъ мужа вольнаго, то выдати разбойникы, колико то ихъ будеть было; не будетъ разбойниковъ (т. е. не отъищутъ ихъ), то дати за голову 10 гривенъ серебра (какъ во Мстиславовой грамотѣ). Это извѣстный „потокъ" Русской Правды. Въ договорѣ 1229 г. сказано: „послу и попу что учинять, за двое того узяти, два платежа; въ позднѣйшемъ памятникѣ прибавлено: „убьютъ тивуна княжа, городьскаго, 20 гривенъ серебра, како и послу. Это опять тоже, что и въ Русской Правдѣ.—Грамота кончается такъ: „тоже есть съ вами рядъ свой доконьчалъ про свое мужи и про свое Смольняны. Ажъ въѣдешъ братъ мои которыи въ Смольньскъ, а учинится вамъ свада съ ихъ мужьми, вамъ ся вѣдати съ ними самѣмъ; или гость ис которое земли приедеть въ мои Смольльскъ, а будешь ва съ ними свада, а вѣдаите ся съ ними сами". Здѣсь ясно полагается различіе между земскими людьми,

[1]) данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, купцы раздѣлялись на „пошлыхъ“ и „не пошлыхъ“. Для того, чтобы сдѣлаться пошлымъ купцемъ, надобно было внести въ общую купеческую кассу одновременно пятьдесятъ гривенъ серебромъ; но разъ внесшій эту сумму пріобрѣталъ званіе пошлаго купца и для своихъ потомковъ. Пошлымъ купцамъ предоставлены были очень важныя права: они имѣли въ торговыхъ дѣлахъ свой судъ и управу независимо отъ суда княжескаго; [2]) купеческіе

которые называются „мои Смольняны“ и княжими мужами, или дружиною.

Любопытенъ самый характеръ изложенія этаго новаго договора по сравненію съ прежнимъ. Тамъ условія предлагаются и со стороны нѣмцевъ и со стороны русскихъ, а иныя статьи очевидно составлены и утверждены послѣ взаимныхъ совѣщаній обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ Мстиславовой грамотѣ обычны выраженія при началѣ отдѣльныхъ статей: „русину не упирати латинянина.... Русину не звати латинянина на полѣ биться; или: „аще латинянинъ дастъ княжю холопу въ заемъ“, то получитъ удовлетвореніе такимъ-то способомъ; „аще латиньскій усхочетъ ѣхати и Смольньска, про то князю не держати“, и проч. Форма условія показываетъ, что оно предложено было нѣмецкою стороною, принято и подтверждено русскою. Въ позднѣйшей грамотѣ со всѣмъ иной характеръ изложенія: всѣ статьи предлагаются отъ имени только смоленскаго князя и смольнянъ; на первомъ планѣ стоитъ вездѣ русскій купецъ,—установляются его права, имѣется въ виду его безопасность; нѣмецкое же купечество вездѣ отодвигается на вторый планъ или о немъ и совсѣмъ не упоминается. „Или руському гостю притьча ся прогодить въ Ризѣ или на Готьскомъ березѣ, никако же его въ дыбу всадити“: слѣдовало ожидать, что тоже условіе выговорено будетъ и для нѣмцевъ въ Смоленскѣ; но о немъ умолчано, хотя безъ сомнѣнія оно и подразумѣвается. Статей, изложенныхъ въ такой формѣ, какъ наприм. слѣдующая статья изъ Мстиславова договора: „Ажъ межю русиномъ и латиньскимъ свяжеть другъ друга белъ вины, за то платити 3 гривны серебра“, гдѣ сопоставленіе обѣихъ сторонъ разомъ показываетъ, что статья написана послѣ взаимнаго совѣщанія, совсѣмъ нѣтъ въ позднѣйшей грамотѣ.

1) Дополн. акт. ист. № 3, стр. 2.

2) И язъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцевъ два старосты, управливати имъ всякіе дѣла иванская, и торговая и гостинная, и судъ торговый; а (Мирославу) посаднику въ то не вступатца... ни бояромъ Новгороцскимъ. Ibid.

старосты выбирались только изъ пошлыхъ купцевъ. [1]) Тоже различiе въ купеческомъ сословiи существовало и въ Смоленскѣ; здѣсь купцы раздѣлялись на „правыхъ“ и „не правыхъ.“ Въ грамотѣ мстиславовой прямо сказано, что свободный путь по Двинѣ, т. е. вообще заграничная торговля, допускается только для тѣхъ, кто „правый“ купецъ.

Съ котораго времени началась торговля въ Смоленскѣ? мы не будемъ писать обстоятельную исторiю смоленской торговли, потому что это не относится прямо къ предмету нашихъ разсужденiй. Притомъ нужно замѣтить, что это дѣло очень нелегкое и требуетъ нарочитаго изслѣдованiя: торговля Смоленска, существуя и развиваясь рядомъ съ торговлею другихъ областей, особенно съ богатымъ Новгородомъ и Кiевомъ, какъ бы поглащалась и покрайней мѣрѣ заслонялась торговлею этихъ городовъ, такъ что представить ее отдѣльно отъ послѣднихъ почти невозможно. Извѣстно, что Смоленскъ, по своему географическому положенiю, составлялъ среднiй пунктъ между двумя крайними или пограничными пунктами Россiи, Новгородомъ и Кiевомъ. Итакъ намъ остается только указать вообще на давность смоленской торговли, [2]) именно, что она существовала задолго до нашествiя на Россiю татаръ.

Слѣды торговой промышленности въ странѣ смоленскихъ кривичей указываютъ еще гораздо ранѣе пришествiя въ Русь Рюрика, именно въ доказательство этого указываютъ на расположенiе къ племени кривичей городовъ, построенныхъ съ одной стороны въ мѣстахъ самыхъ удобныхъ для торговли, а съ другой очень ловко приноровленныхъ для ближайшихъ сношенiй съ сосѣдями [3]).

Въ лѣтописи читаемъ: „идоша за морѣ къ Варягомъ къ Руси и рѣша Руси чудь, Словени и Кривичи: „вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣть нами.“ Здѣсь ясно видно, что между означенными племенами существовалъ союзъ: вопросъ въ томъ,

1) А не пошлымъ купцомъ старощенья имъ не держати Ibid.

2) „Временникъ“. Кн. 8, стр. 44—46: „Русь предъ пришествiемъ Рюрика“. Ст. Бѣляева.

3) Лавр. Л. стр. 8.

что было побужденіемъ къ союзу между ними? Совокупное дѣйствіе трехъ племенъ въ дѣлѣ, касающемся одинаково всѣхъ ихъ, было бы еще понятно для насъ, если бы всѣ они принадлежали къ одной народности;. но между Славянами упоминаются Меря и дучь племена Финскія. Значитъ, здѣсь были какіе-то другіе, общіе всѣмъ имъ, интересы. Дѣло объяснится само собою, если мы обратимъ вниманіе на географическое положеніе этихъ племенъ. Извѣстно, что торговый путь изъ варягъ въ греки лежалъ отъ Балтійскаго моря къ Черному по озерамъ Ладожскому и Ильменю рѣкою Днѣпромъ. Первое племя, какое встрѣчалось на этомъ пути, именно и была Чудь, прилегавшая къ Балтійскому морю: такимъ образомъ Чудь держала въ своихъ рукахъ ключи великаго воднаго пути въ Грецію. Къ югу отъ Чуди непосредственно шли поселенія Славянъ Ильменскихъ, во владѣніи которыхъ находились другіе, столь же важные пункты его, именно устье Невы, Ладожское озеро, Волховъ и Ловать. Наконецъ еще къ югу отъ Ильменскихъ Славянъ была область Кривичей, которымъ принадлежали волокъ отъ Ловати до Днѣпра и Днѣпровское верховье. Естественно по этому, что поименованныя племена примкнули къ общему союзу между собою, который требовался ихъ торговыми выгодами, и надобно думать, что это были именно торговыя выгоды.

Далѣе полагаютъ, что въ этотъ давній періодъ началась торговля Кривичей и съ Литовскими племенами, жившими по Нѣману, гдѣ Кривичи имѣли подручный себѣ городъ Новогродекъ. По крайней мѣрѣ на блишайшія и дѣятельныя сношенія Кривичей съ латышскими племенами указываетъ съ одной стороны до сего времени сохранившаяся привычка Латышей называть всѣхъ Русскихъ Кривичами и Русскую землю Кривскою землею, а также множество названій разнымъ урочищамъ, совершенно одинаковыхъ съ названіями урочищъ въ Кривскою и именно въ смоленскихъ владѣніяхъ, каковы: Смоленскъ, Смоленица, Смоляки, Смолянки, Смолевичи и прч.; мѣстечки: Кривичи, Крево и т. п. Съ другой еще сильнѣе подтверждаетъ это послѣдующая исторія Литвы, которая такъ тѣсно связана съ исторіею кривскихъ городовъ, особенно Полоцка и Новогородка, что ее даже мудрено отдѣлить; мелкія литовскія племена были въ это время болѣе или менѣе всѣ подчинены и платили дань кривичамъ.

Лѣса литовской земли богаты были пушными звѣрями, составлявшими важнѣйшій предметъ въ торговлѣ древней Россіи. Наконецъ есть указанія на то, что Литовская земля управлялась по образцу новгородской и смоленской земли: именно многія мѣстности въ минской и частію въ виленской губерніи носятъ названіе погостовъ, хотя объ административномъ дѣленіи литовской земли исторія уже не помнитъ 1).

Первое ясное указаніе на торговлю Смоленска принадлежитъ греческому императору Константину Багрянородному (X в.). Онъ говоритъ: суда ихъ (русскихъ) приходятъ въ Царь-градъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя однодревками, ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. 2) Для насъ свидѣтельство Багрянороднаго важно еще въ томъ отношеніи, что Смоленскъ поставляется въ немъ на ряду съ торговыми городами Новгородомъ и Кіевомъ, участвуетъ въ торговлѣ послѣднихъ, такъ что по этому мы имѣемъ полное основаніе подразумѣвать участіе Смоленска въ этой торговлѣ и тогда, когда о немъ прямо не упоминается, но гдѣ, по своему положенію на линіи одного торговаго пути, онъ долженъ былъ участвовать въ ней.

Торговля Руси съ Византіею оживилась въ X вѣкѣ (по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, торговыя сношенія съ греками были въ это время ежегодныя) и получила твердую

---

1) Очеркъ исторіи сѣверо-зап. края. „Бѣляева. Вильно. 1867 г. стр. 9—10.—Рус. земля предъ пришествіемъ Рюрика. Стр. 50. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ. Вильно, Ковно, Троки и др. Вильно 1843 г. Введеніе.

— Боричевскій прямо называетъ между другими русскими городами, производившими торговлю съ Литвою, Столенскъ. Жур. Мин. Нар. Пр. ч. 42, отд. II, стр. 47—48.

2) Ист. Г. Рос. 1,47. Изъ этого же свидѣтельства Константинова мы узнаемъ и о промышленномъ характерѣ Смоленскихъ жителей и объ отличительномъ свойствѣ Смоленской промышленности (лѣсной и производившейся въ лѣсахъ, т. е. пчеловодствѣ и звѣроловствѣ, потому что обиліе лѣсовъ предполагаетъ и то, и другое). Онъ говоритъ, что въ верховьяхъ Днѣпра Славяне рубятъ лѣсъ и строятъ лодки, спуская ихъ внизъ по Днѣпру.

опору въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками; вмѣстѣ съ другими городами въ ней участвовали купцы изъ Любеча Смоленска и друг. Торговыя сношенія въ Греками постоянно продолжались и въ XI вѣкѣ; въ XII в. лежала дорога въ Херсонесъ, и на пути днѣпровскомъ находились поселенія, служившія притономъ проѣзжимъ купцамъ и складочнымъ мѣстомъ товаровъ, какъ на прим. близъ морскаго берега городъ Олешье. 1) Только со времени татарскаго ига непосредственныя сношенія русскихъ купцевъ съ Греками ослабѣваютъ, и въ торговлѣ Россіи съ южною Европою становятся посредниками венеціанскіе купцы, которые основываются при устьяхъ Дона.

О торговыхъ сношеніяхъ Смоленска съ востокомъ свидѣтельствуютъ арабскія (куфическія) монеты, VIII—X в., особенно въ огромномъ количествѣ находимыя въ мѣстности, изъ которой вытекаютъ рѣки Двина, Ловать, Днѣпръ, Волга и Ока, т. е. въ области Кривичей. 2) О мѣнѣ русскихъ товаровъ на монеты въ Хозаріи говоритъ Ибнъ—Фоцланъ. 3)

Неизвѣстно, съ котораго времени началось торговое движеніе по Двинѣ со стороны Смоленска; но по всей вѣроятности очень рано. Первый русскій лѣтописецъ, Несторъ уже зналъ о двинскомъ пути, что онъ ведетъ на западъ и въ море Варяжское: „тѣмже изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима.“ 4) По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что уже во время норманскаго періода русской исторіи Двина была сообщительнымъ путемъ для городовъ Полоцка, Витебска и Смоленска. 5) Но особенно дѣятельныя сношенія русскихъ

1) „Промышленность древней Руси“. Аристова. спб. 1866 г. стр. 183.

2) Ibid. Прим. 591.

3) „Сказанія иностран. писателей о Россіи“. Макушева с. 212. Ист. Г. Рос. 1, прим. 364.—Изъ разсказа арабскихъ писателей X вѣка (Ибнъ Фоцланъ) объ обычаяхъ русскихъ, видѣнныхъ въ Болгаріи, можно думать, что эти русскіе были именно кривичи,—по крайней мѣрѣ, племя славянъ, бывшее по сосѣдству съ Литвою. Въ этомъ разсказѣ упоминается наприм. объ обычаѣ сожигать тѣла умершихъ, который былъ и у литовцевъ и, какъ полагаютъ, заимствованъ ими у славянъ (Р. земля предъ прибытіемъ Рюрика“. Бѣляева).

4) Лар. а. стр. 3.

5) Русско-лив. акты: anhang № 1, стр. 405.

съ иностранцами по Двинѣ начались съ половины XII вѣка, когда бременскіе купцы, прибитые на кораблѣ къ устью Двины, побѣдили бросившихся на нихъ ливовъ, стали производить съ ними мѣновую торговлю и основали тамъ купеческія конторы— Уекскуль и потомъ Даленъ. 1) Съ той поры начались прочныя и постоянныя сношенія русскихъ торговцевъ по Двинѣ съ Ригой, Готландомъ и другими ганзейскими городами.

Здѣсь очень важно было бы прослѣдить исторію торговыхъ сношеній Смоленска съ Нѣмцами по Двинѣ, потому что въ нихъ скрываются задатки многихъ весьма крупныхъ явленій дальнѣйшей исторіи Смоленска внутренней и внѣшней, особенно борьбы въ краѣ русскаго вліянія съ нѣмецкимъ. Мы уже знаемъ, что въ 1229 г. смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичъ заключилъ свой договоръ съ Ригою и нѣмецкими городами не только за себя и подручныхъ ему Смолнянъ, но и воимя князей витебскаго и полоцкаго. Включеніе витебскаго и полоцкаго владѣтелей въ договорныя статьи съ Нѣмцами очень понятно: нельзя было пробраться въ Смоленскъ нѣмецкимъ торговымъ людямъ, минуя полоцкія и витебскія владѣнія. Но сношенія Смоленска съ Нѣмцами по Двинѣ, какъ мы уже и замѣчали, существовали гораздо ранѣе 1229 г. При заключеніи договора Полоцка съ Ригою, въ 1210 г., Генрихъ Латышскій упоминаетъ, въ качествѣ повѣреннаго полоцкаго князя, нѣкотораго Рудольфа Смоленскаго, который, судя по его имени, былъ нѣмецкій торговый гость въ Смоленскѣ. 2) Значитъ торговля у Смоленска по Двинѣ производилась уже въ 1210 г. Въ 1212 г. Владиміръ, князь полоцкій, посредствомъ новаго мирнаго трактата предоставилъ рижскому епископу Альберту всю Ливонію, при чемъ выговорено было свободное плаваніе по Двинѣ. Неизвѣстно, принималъ ли какое нибудь участіе смоленскій князь въ договорахъ 1210 и 1212 г. Если этого не было, то остается принять, что еще до 1213 г. (по которое время жилъ въ Смоленскѣ Мстиславъ Романовичъ), существовало особое соглашеніе между Ригою и Мстиславомъ Романовичемъ смоленскимъ. О такомъ соглашеніи находится ясное упоминаніе въ договорѣ, заключенномъ сыномъ его съ

1) Аристовъ: стр. 205.
2) Русско-лив. акты Anhang 1, стр. 405—406.

Ригою и Готландомъ, ок. 1230 г. (о которомъ мы сказали прежде). Здѣсь сказано: „а како будетъ Немѣчскии гость Смолиньскѣ, а почьнѣть ся кто отъ нихъ просити въ иную землю, то како то было при моемъ отци, при Мстиславѣ при Романовиці, и при моемъ братѣ при Мстиславѣ, онемъ ся прошати, а мнѣ е по думѣ моущати.“ Какъ бы то ни было, это извѣстіе, въ связи съ извѣстіемъ Генриха Лотышскаго о Рудольфѣ смоленскомъ, несомнѣнно удостовѣряетъ въ томъ, что были сношенія у Смоленска съ Нѣмцами уже въ самомъ началѣ XIII вѣка и, какъ видно, эти сношенія были непрерывныя. Тотъ же Генригъ Лотышскій, подъ 1222 годомъ, непосредственно послѣ разсказа о битвѣ при Калкѣ и о бѣгствѣ русскихъ, извѣщаетъ, что князья смоленскій и полоцкій отправили пословъ въ Ригу, чтобы возобновить миръ „по старому постановленію“ „И прислалъ князь смоленскій и князь полоцкій и нѣкоторые другіе русскіе князья пословъ въ Ригу съ прозьбою о мирѣ. И возобновленъ былъ миръ во всемъ такъ, какъ заключенъ уже былъ прежде“ [1])

Извѣстно, что сношенія Полоцка съ Смоленскомъ были постоянны и самыя близкія, особенно со времени Ростислава Мстиславича (съ тридцатыхъ годовъ 12-го столѣт.), По этому очень вѣроятно, что между тѣмъ какъ нѣмцы, съ самаго начала пребыванія на Двинѣ, завязали дѣятельныя сношенія съ полоцкими князьями, они въ тоже время проложили торговый путь въ Смоленску, т. е. въ началѣ XIII или даже въ концѣ XII вѣка (время княженія Мстислава Романовича въ Смоленскѣ относится къ 1197—1212 г.). Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ первые же 10-ть лѣтъ по своемъ прибытіи на Двину (1158—1168) Нѣмцы проложили уже торговый путь къ Пскову и Новгороду [2]) а товары къ Смоленску по Двинѣ справлять было гораздо удобнѣе, чѣмъ къ Пскову и Новгороду.

Какое участіе Смоленскъ принималъ во внутренней торговлѣ Россіи и въ какой мѣрѣ торговое движеніе охватывало не одинъ Смоленскъ, главный городъ области, а и другія населенныя мѣстности ея, разумѣемъ по преимуществу города смоленскаго

---

1) „Выписки изъ Генриха Латышскаго. „Уч. зап. ак. по 1 и III отд. т. 1, стр. 325.

2) Повѣств. о Россіи. Арцыбаш. т. I, кн. II, стр. 369.

княжества? Несомнѣнно, что съ Новгородомъ у Смоленска были постоянныя торговыя сношенія. Въ грамотѣ Всеволода упоминаются между прочимъ купцы изъ Смоленска, жившіе въ Новгородѣ. Новгородцы добывали хлѣбъ изъ областей смоленской, полоцкой и кіевской [1]). Въ 1137 г. Мономаховичи прекратили торговлю съ Новгородомъ; не было у него мира ни съ Суждальцы, ни съ Смолняны, ни съ Полоцяны, ни съ Кіяны, и стоя все лѣто осьминка великая по 7 рѣзань [2]). Съ Кіевомъ также производилась торговля. Въ Смоленскѣ торговали тверскіе купцы; само собою разумѣется, что и смоленскіе купцы ѣздили туда. Ярославъ въ 1216 году въ Переяславлѣ запраталъ новгородскихъ купцевъ въ погребъ, въ числѣ 150, да смоленскихъ 25, гдѣ ихъ погибло множество. Вообще, говоритъ Бѣляевъ въ своихъ „разсказахъ" (стр. 349), Смоляне и Полочане вели дѣятельную торговлю съ Новгородомъ, ростовско-суздальскою землею, Кіевомъ, Черниговомъ и Волынью; ибо, по свидѣтельству лѣтописей, мы встрѣчаемъ смоленскихъ гостей во всѣхъ этихъ краяхъ.

Что касается до участія въ торговлѣ другихъ городовъ смоленской области, то опредѣленно извѣстно, что до 1150 г. была торговля въ смоленскихъ городахъ Копылѣ, Аничинѣ, Оболви, [3]) Лучинѣ, Пацини, Ржевѣ и особенно въ Торжкѣ. [4]) Изъ названій нѣкоторыхъ мѣстечекъ мы можемъ узнать отличительный характеръ промышленности обывателей ихъ, какъ на прим. Бортницы, Солодовичи—мѣстечки смоленской области; конечно онѣ производили и торговлю этими предметами, т. е. медомъ или воскомъ и солодомъ.

Итакъ мы показали давность смоленской торговли, ея пространственное распространеніе и пути которыми она производилась; ознакомились съ характеромъ и размѣрами ея. Послѣ всего сказаннаго, думаемъ, ясно для читателя, что торговое значеніе Смоленска въ древней русской исторіи не можетъ подлежать сомнѣнію; а вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію то вліяніе, какое Смоленскъ, по своему торговому характеру, имѣлъ на

---

1) Промышленность др. Руси. стр. 176.
2) 1 Новг. Л. 1137 г.
3) Акт. ист. т. 1, № 7.
4) Погод. „изслѣд. и лекціи". т. IV, стр. 276.

развитіе древне-русской цивилизаціи; такъ какъ эта то[р]говля имѣла не только экономическое значеніе, т. е. не бы[ла] только средствомъ накопленія богатствъ и увеличенія матер[і]альнаго благосостоянія края, но и значеніе цивилизующа[го] элемента (для образованія нравовъ и развитія просвѣщен[ія] и гражданственности въ народѣ). Значеніе древнерусской то[р]говли опредѣляется вообще тѣмъ, что Россія служила посредниц[ею] въ торговлѣ между сѣверомъ и югомъ Европы съ одной сторон[ы], а съ другой между Европою и Азіею, такъ что произведен[ія] одной части свѣта находили свой сбытъ чрезъ Россію; Смоленскъ, какъ извѣсгно, былъ срединнымъ пунктомъ въ эт[ой] торговлѣ. Ганзейскіе города и Новгородъ возвысились и обог[а]тились, благодаря своей торговой предпріимчивости. Что касае[т]ся до Смоленска, то нѣкоторыя понятія о его богатства[хъ] можетъ дать ростиславова грамота, (1150 г.), въ котор[ой] количество княжескихъ доходовъ въ смоленской области, [не]смотря на ея сравнительно малое протяженіе, опредѣляется б[о]лѣе, чѣмъ въ 300 гривенъ, или по вѣсу до 555 фунто[въ] серебра; да притомъ доходы здѣсь не всѣ исчислены, и торгов[ля] съ того времени начала еще болѣе процвѣтать въ Смоленскѣ [1]. Въ описываемое время торговыя пошлины составляли од[ну] изъ прибыльныхъ статей княжескаго дохода, тѣмъ болѣе, ч[то] походы въ чужія страны для завоеваній и покоренія племен[ъ], бывшіе прежде однимъ изъ главныхъ источниковъ для обог[а]щенія князей и дружины, теперь прекратились. Вотъ поче[му]

---

1) Впрочемъ, говоря о выгодахъ торговли не слѣдуетъ пр[е]увеличивать ихъ. Извѣстно, что эксплуатація русской торгов[ли], особенно со стороны нѣмцевъ, наносила весьма чувствительн[ый] ущербъ нашимъ купцамъ. Нѣмецкія конторы располагали по свое[му] произволу цѣнами товаровъ и нѣмецкіе товары продавали какъ мож[но] дороже, а русскіе покупали какъ можно дешевле. Такимъ обр[а]зомъ производительность края вознаграждалась очень скупо. Н[а]примѣръ новгородская торговля была выгодна болѣе для нѣмце[въ], чѣмъ для туземнаго населенія, такъ „что не смотря на прод[о]жительную торговлю, богатство края не увеличивалось (сѣвер[о]рус. народоправства“. Костом. 11, 202). Что сказано о нов[го]родской торговлѣ, то въ одинаковой степени можетъ быть от[не]сено и къ смоленской, потому, что характеръ той и другой бы[лъ] одинаковъ.

и сами князья старались всячески покровительствовать торговлѣ: такъ между ними бывали договоры такого рода, что купцы могутъ производить безпрепятственно свои промыслы и въ военное время, и воюющія стороны не должны ихъ трогать. Значитъ, было въ обществѣ по крайней мѣрѣ сознаніе того, что слѣдуетъ давать просторъ торговой предпріимчивости, хотя на практикѣ это конечно не всегда выполнялось; о томъ же свидѣтельствуютъ и законодательныя мѣры того времени, о которыхъ мы говорили выше.

Торговля, какъ сказано, имѣла большое вліяніе и награжданственность русскую. Общество воспитывало посредствомъ нея свою гражданскую свободу, выработывало формы общественныхъ учрежденій. Духъ корпорацій, свойственный торговлѣ тогдашняго времени, способствовалъ развитію общиннаго самоуправленія и прочности отдѣльныхъ общинныхъ міровъ, которые были признаваемы и государственною властію со всѣми ихъ правами и взаимными обязательствами. Вотъ почему въ исторіи встрѣчается то явленіе, что духъ свободы и общиннаго самоуправленія особенно присущъ былъ торговымъ городамъ и мѣстностямъ древней Россіи, какъ наприм. новгородской землѣ, частію полоцкой и другимъ.

Но торговля имѣла еще одно важное значеніе въ древней отечественной исторіи; съ нею соединено было первоначальное заселеніе земель, колонизація славянскаго племени, и распространеніе славяно-русскаго вліянія на сосѣднія инородческія племена. Жажда пріобрѣтеній побуждала предпріимчивыхъ людей пускаться въ отдаленныя области для собиранія продуктовъ внѣшняго сбыта. Такимъ путемъ Новгородъ увеличилъ государство территоріальными пріобрѣтеніями на сѣверо-востокѣ Европы. Такимъ образомъ торговля изъ мирнаго промышленнаго занятія, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, пріобрѣтала значеніе государственное. Борьба національная и политическая на окраинахъ Россіи, устраненіе препятствій къ образованію одного независимаго государства, одной великой націи на всемъ протяженіи его, выработка средствъ къ самобытному развитію, есть важнѣйшая и существенная задача нашей древней исторіи, къ которой примыкаетъ все историческое движеніе той эпохи. Съ этой стороны торговля пограничныхъ русскихъ областей пріобрѣ-

таетъ въ нашихъ глазахъ чрезвычайный интересъ по тѣмъ от-ношеніямъ, въ какихъ торговые обыватели этихъ областей нах-дились къ своимъ сосѣдямъ.

Смоленская торговля немогла дѣлать территоріальных пріобрѣтеній для государства, подобно новгородской, потому ч Смоленскъ находился внутри русскихъ владѣній; она мог. только распространять вліяніе „русское" на иноземцевъ и пр. томъ въ одну сторону—на западъ. Но и эту миссію Смоленсі получилъ преемственно отъ Полоцка, съ того времени, как стало ясно, что послѣдній, вслѣдствіе внутреннихъ неурядиц въ княжествѣ и фальшиваго отношенія къ остальной Руси, і можетъ выполнить своей исторической задачи, которая состоя. въ томъ, чтобы подчинить славяно-русской народности инород ческія племена, обитавшія на западныхъ окраинахъ Россі Тогда-то Смоленскъ выступаетъ на его дорогу, и торговля е служитъ здѣсь однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ пособій д политическихъ дѣлъ, содѣйствуя ознакомленію и взаимно сближенію племенъ, т. е. будучи съ одной стороны проводн комъ русскаго вліянія къ западнымъ инородцамъ, а съ друг оплотомъ противъ нѣмецко-латинскаго вліянія на ихъ земл Смоленскъ дѣйствительно успѣлъ сдѣлать многое въ это отношеніи, прежде чѣмъ исторія подчинила его литовски государямъ: въ договорѣ 1229 г. мы уже видимъ, что витебск и полоцкіе князья находятся въ зависимости отъ смоленска князя. Значитъ, въ это время Смоленскъ уже какъ бы непосре ственно примыкалъ къ западнымъ границамъ государства и мо свободно распространять такъ русское вліяніе на инородцевъ.- Но къ этому предмету, въ которомъ торговля сходится съ п литикою, мы еще возвратимся при обзорѣ политической истор смоленскаго княжества, а теперь перейдемъ къ очертан внутренняго состоянія его.

Относительно фактовъ областнаго управленія замѣчатель время Ростислава Мстиславича, того самого Мономахова вну съ котораго начинается преемство смоленскихъ князей въ е родѣ, извѣстныхъ подъ именемъ Ростиславичей. Ростисла положилъ прочное основаніе политической власти смоленска княжества, такъ что княженіе его составляетъ начало нов

эпохи въ исторіи Смоленска. Съ его времени Смоленскъ начинаетъ играть весьма замѣтную роль въ общей политической исторіи Россіи, принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ судьбахъ ея, особенно въ судьбѣ южной кіевской Руси.

Отъ времени Ростислава сохранились до насъ уставныя граматы, данныя епископіи смоленской, въ которыхъ опредѣляются доходы на содержаніе церкви и клира и установляются права епископа относительно церковныхъ имуществъ и суда церковнаго.

Грамота писана была въ 1150 г., [1]) при Смоленскомъ епископѣ Мануилѣ. Ознакомимся съ содержаніемъ этого весьма важнаго въ историческомъ отношеніи документа.

На содержаніе епископа съ клиромъ грамота назначаетъ:

1) Доходъ съ прощениковъ (особаго класса людей, отпущенныхъ на волю или получившихъ какую нибудь необыкновенную милость отъ Бога [2]); ихъ отдаетъ князь въ непосредственное распоряженіе епископа съ судомъ надъ ними: „се даю Святѣй Богородици и епископу прощеники съ медомъ и съ кунами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому человѣку.“

2) Десятину деньгами („истыхъ кунъ,“ какъ сказано въ граматѣ) отъ всѣхъ даней смоленскихъ, кромѣ продажи и кромѣ виры (судныхъ и уголовныхъ пошлинъ [3]) и кромѣ полюдья. При этомъ перечисляются разные мѣстечки, съ которыхъ должно получать дань епископу, съ показаніемъ, сколько откуда идетъ денегъ въ казну княжескую и съ обозначеніемъ разныхъ видовъ княжескихъ доходовъ, наприм: „у Вержавлянѣхъ у Великихъ (отъ Ржева, какъ думаетъ Погодинъ) 9 погостъ, а въ тихъ погостѣхъ во всѣхъ сходится дани осмьсотъ гривенъ, а передмѣра (особой торговой пошлины) сто гривенъ, а на истужницѣхъ (слово темное) сто гривенъ: то ти изъ того взяти епис-

1) Напечатана въ Дополненіи къ Актамъ Историческимъ, Т. 1 № 4.

2) Историко - статистич. описаніе Смоленской епархіи. СПБ. 1864 г. с. 74.

3) Очень хорошее и популярное объясненіе этихъ древнихъ терминовъ можно видѣть въ книгѣ Бѣляева: „Разсказы изъ Р. исторіи. М. 1861 г. стр. 210—213.

копу къ Святѣй Богородици сто гривенъ." Вотъ это-то пе
численіе разныхъ городовъ и мѣстечекъ смоленской области,
которыхъ идетъ дань въ княжую казну, съ указаніемъ прито
на разные виды этой дани и съ обозначеніемъ самаго количе
ва (въ гривнахъ) взимаемыхъ податей и представляетъ д
историка особенную важность; оно проливаетъ ясный свѣтъ
внутреннее состояніе смоленскаго княжества, знакомитъ насъ
характеромъ внутренняго управленія, съ отношеніями княжес
власти къ земской и наоборотъ. Но объ этомъ мы еще с
жемъ.

Въ 3-хъ на содержаніе епископу и духовенству князь назнача
села и угодья, которыя поступаютъ во владѣніе епископа: „
ло Дросенское со изгои (невольными людьми) и съ землею, С
тѣй Богородици и епископу, и село Ясенское, и землю въ I
гоновичахъ, иозера нимикорская и съ сѣножатами, и уѣз
княжъ, и на Сверковыхъ лугахъ сѣножати, и уѣздъ кня
озеро Колодарское, Святѣй Богородици. Всѣхъ даней епис
скихъ насчитывается болѣе 300 гривенъ; если присовокупи
сюда поземельные доходы и частные вклады, то надобно п
знать что положеніе духовенства, которое во всякомъ случаѣ
могло быть многочисленно для того времени было достато
обезпечено въ матеріальномъ отношеніи 1).

Далѣе въ ростиславовой грамотѣ мы находимъ опредѣле
правъ епископа относительно суда. Судъ церковный пре
ставляется исключительно епископу: „ажъ церковный челов
дойдетъ до чего, то своему епископу." Но кромѣ суда надъ
ховными людьми, епископу предоставляется судъ надъ люд
не принадлежащими къ клиру, въ дѣлахъ, касающихся сем
ныхъ отношеній и семейной нравственности, а также судъ на
чародѣями и колдунами: „зелья и душегубства (слѣдствія
лявованія) тяжа епископья." Въ нѣкоторыхъ случаяхъ епис
пу отдается только половина судной пошлины, а другая ид
въ пользу князя: „ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметь кня
съ епископомъ на-полы, или посадникъ что возметь свои тя
то епископомъ на полы."

---

1) Подобное же опредѣленіе о десятинѣ въ пользу церкви вст
чаемъ въ Новгородской области, въ грамотѣ Святослава Ольго
ча, 1137 г.

Такимъ образомъ мы видимъ попытки къ точному опредѣленію отношеній между церковною и свѣтскою или княжескою властію, какъ вообще разсматриваемый періодъ русской исторіи отличается регулирующею дѣятельностію въ сферахъ административной и гражданской и частной жизни. Конечно такія попытки не всегда увѣнчивались успѣхомъ и, въ большей части случаевъ, были не полны и слабы; но во всякомъ случаѣ, отъ чего бы ни зависѣлъ этотъ неуспѣхъ, мы не можемъ не цѣнить историческихъ заслугъ тѣхъ дѣятелей и тѣхъ обществъ, которые, или по мѣстнымъ потребностямъ или по какимъ нибудь другимъ, можетъ быть, и стороннимъ побужденіямъ, ставили и по возможности рѣшали эти и подобныя задачи, вошедшія въ сознаніе народа и стоявшія на пути его прогресса.

Чѣмъ вызвана была Ростиславова грамота. Ростиславу, который положилъ прочное начало отдѣльному существованію Смоленскаго княжества, естественно было желать столь же независимаго положенія и духовной власти для Смоленской области. На эту статью грамота ударяетъ съ особенною силою, присовокупляя угрозу: „паки ли приложитъ кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи, завистію, а разрушитъ сію епископью смоленскую: то князь отъиметъ свое опять, еже былъ установилъ епископу.“ А епископъ прибавляетъ отъ себя: „да буди ему клятва: да будетъ ему Богъ противенъ, въ день судный и святая Богородица, да будетъ проклятъ отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ 300 и 18,“ — клятва, равносильная той, которая полагается за нерадѣніе и передачу въ чужую собственность церковныхъ и епископскихъ имѣній (1).

---

1) Заслуживаетъ вниманія самая форма условій, въ которыя вступаютъ между собою князь и епископъ. Князь торжественною грамотою возвѣщаетъ и закрѣпляетъ права епископа и клира „за себя и за своихъ преемниковъ, присовокупляя: „дажъ кто разрушитъ ю (епископью), да самъ отвѣчаетъ святѣй Богородици, и сія клятва святыхъ Отецъ (нижеписанная рукою епископа) буди на немъ, а язъ буду безъ грѣха.“ Епископъ съ своей стороны письменно же скрѣпляетъ выговоренныя условія своего пребыванія на Смоленской каѳедрѣ и произноситъ на самомъ дѣлѣ ту клятву, о которой упомянулъ князь. Но какъ князь не одинъ самъ по себѣ распорядился уставною грамотою, а съ совѣта дружины, „сдумавъ съ людьми своими: такъ и епископъ не одинъ самовластно прини-

Здѣсь въ немногихъ словахъ мы скажемъ о просвѣщеніи и нравахъ смоленскихъ жителей, прежде чѣмъ перейдемъ къ обозрѣнію прочихъ частей внутренняго состоянія области.

Тѣ же самые памятники внутренней исторіи Смоленска, которые мы уже разобрали, т. е. Ростиславова грамота и договоръ Мстислава Давыдовича съ нѣмцами, знакомятъ насъ съ нѣкоторыми чертами нравовъ и обычаевъ смоленскихъ жителей. Нужно однако замѣтить, что нѣкоторыя выраженія Ростиславовой грамоты характеризуютъ не совсѣмъ съ хорошей стороны населеніе смоленской области въ отношеніи семейныхъ нравовъ. Такъ наприм. мы узнаемъ изъ нея, что тогда было въ обычаѣ имѣть двухъ женъ (эта статья отдается на судъ епископа), вступать въ бракъ не по христіанскому закону, умыкать дѣвицъ для замужества [1]),—черта, уже знакомая намъ изъ описанія нравовъ Кривичей преподобнымъ Несторомъ [2]). Это показываетъ, что христіанская вѣра не глубоко еще тогда проникла въ народныя массы и не успѣла изгладить его языческихъ обычаевъ и воззрѣній. Впрочемъ мы имѣемъ факты и обратнаго свойства, свидѣтельствующіе о томъ, что христіанство производило глубокое дѣйствіе надъ нѣкоторыми избранными лицами. Со временемъ же княженія Ростислава въ Смоленскѣ совпадаютъ христіанскіе подвиги преп. Авраамія смоленскаго, мужа, исполненнаго глубокаго благочестія, и ревностнаго проповѣдника слова Божія. Изъ описанія жизни этого угодника Божія [3]) видно, что смоленскіе жители весьма охотно склоняли свой слухъ къ проповѣданію христіанскихъ истинъ; но что духовенство, ув-

---

маетъ высказанныя въ грамотѣ условія и произноситъ клятву на нарушителей, а съ согласія и утвержденія митрополита Кіевскаго, который такимъ образомъ является высшею инстанціею въ обсужденіи церковныхъ дѣлъ: „се азъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Мануилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ Михаиломъ, утвержаевѣ, еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ Св. Духа поставленикомъ моимъ митрополитомъ Русскимъ киръ Михаиломъ.“

1) А четвертая тяжа уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку.

2) Лавр. Л. стр. 6.

3) Житіе его напечатано въ Минеи Четьи. Августъ 21 день. Подробнѣе о состояніи христіанства въ Смоленской области см. въ историко-статистич. описаніи Смол. епарх. стр. 14—17 и д.

зекаясь завистію къ славѣ преп. Авраамія и множеству приходящихъ у него поучаться, распускало о немъ клеветы въ народѣ, запрещало святому поучать, а народу слушать его. Въ Смоленскѣ существовали уже тогда нѣсколько монастырей въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ его [1]). О Климентѣ смоленскомъ у лѣтописца говорится, что онъ возведеъ былъ на митрополичью (кіевскую) каѳедру „изъ заруба" или, какъ объясняетъ это Никонова лѣтопись, изъ молчальныя кельи, „бѣ бо книжникъ и философъ такъ, якоже въ русской земли не бяшеть [2])." Договоръ Мстислава упоминаетъ о нѣмецкой церкви въ самомъ Смоленскѣ; это показываетъ, что смоленскіе жители усвоили себѣ въ области религіи начало вѣротерпимости.

Слѣды существованія училищъ въ Смоленскѣ встрѣчаются весьма рано. Въ первой половинѣ XII вѣка преп. Авраамій учился вмѣстѣ со многими сверстниками, которыхъ онъ превосходилъ понятливостію и прилежаніемъ. Во второй половинѣ того же вѣка смоленскій князь Романъ Ростиславовичь учредилъ училища на свой счетъ, въ которыхъ обучали латинскому и греческому языку [3]). На полезныя мирныя учрежденія этотъ князь до того истощилъ свою казну, что, по смерти его, смоляне погребли его на общественныя деньги. При заключеніи торговаго договора съ Нѣмцами въ 1229 г. упоминаются священники Іеремія и Андрей, которымъ поручено было участвовать въ заключеніи условій; очевидно, что это порученіе требовало знанія иностраннаго языка.

Рядомъ съ княжескою властію стояла земская власть, или

---

1) Любопытно производство суда надъ преп. Аврааміемъ въ присутствіи епископа и князя. Во дворъ епископскій собралось множество народа и съ нимъ городское духовенство: „и предста неповинный осужденникъ епископу и князю на судъ, всѣмъ на него вопіющимъ и вадящимъ. „Доносы оказались или ложными или недоказательными; поэтому епископъ отложилъ приговоръ до другаго дня. На слѣдующее утро епископъ опять сталъ выслушивать доносъ отъ клеветниковъ. „Аще же и необрѣтахуся вины его, обаче повинна творяху неповиннаго. Епископъ убо, „утоляя мятежъ" ихъ, отосла преподобнаго отъ града въ прежней монастырь, идѣже постриже́ся". Вотъ образецъ смоленскаго вѣча!

2) Ипат. Л. 1147.

3) Ист. Россіи. Сол, III, 88.

вѣчевая. Лѣтописныя извѣстія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Смоленскѣ существовало вѣче: „новгородцы бо изначала, и смольняне, и кіяне, и полочане, и вся власти (волости) якоже на думу, на вѣча сходятся 1).“ Выраженіе „изначала“ указываетъ на очень давній обычай сходиться на вѣча; а сопоставленіе съ Новгородомъ и Полоцкомъ убѣждаетъ въ этой мысли еще болѣе, потому что вѣчевое устройство ни одной городской земли позднѣе, чѣмъ сколько можетъ запомнить исторія.

Но кромѣ этого общаго свидѣтельства, относящагося ко всѣмъ русскимъ областямъ, есть прямыя указанія на смоленское вѣче. Въ 1185 году смоляне отправились съ княземъ своимъ Давыдомъ къ Кіеву помогать южнымъ князьямъ, Рюрику и Святославу, на половцевъ. Достигнувъ Треполя, они отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія половцевъ. „Смолняне, разсказываетъ лѣтописецъ, начали вѣче дѣлать, говоря: мы пошли только до Кіева, если бы непріятель встрѣтился, мы бились бы, но искать его далѣе мы не можемъ, мы изнемогли.“ Лѣтопись, правда, не сохранила ни одного извѣстія, въ которомъ бы упоминалось о вѣчѣ въ стѣнахъ самого Смоленска, хотя не разъ говоритъ объ общественной дѣятельности Смолнянъ. Такъ въ 1175 г. они „изгнали“ Ярополка, котораго оставилъ у нихъ князь ихъ, Романъ Ростиславичь, уходя въ Кіевъ, и „призвали“ дядю его Мстислава Ростиславича; въ 1196 году они „не пріняли“ Олега (у нихъ тогда княжилъ братъ его Давыдъ). Подъ 1186 годомъ находимъ въ лѣтописи такое извѣстіе: „въстань бысть Смоленьскѣ промежи князя Давыда и Смольняны.“ Это несогласіе князя и гражданъ улеглось не скоро и очень ослабило Давыда. Въ 1195 году оно ободряетъ черниговскихъ князей напасть на Давыда. Олегъ Святославичь приводитъ брату своему, Ярославу черниговскому, такое доказательство въ пользу этой войны: „сказывали мнѣ, что смоляне не добре живутъ съ Давыдомъ; болѣе удобнаго времени не будетъ; выступай немедля, теперь-то мы возмемъ честь свою 2).“

Такимъ образомъ не смотря на то, что въ Смоленскѣ и

1) Лавр. л. 1176 г.
2) „Вѣче и князь“. Сергѣевича: м. 1867 г. ст. 6.

видимъ такихъ народныхъ волненій изъ-за споровъ о князьяхъ, какіе очень часто бывали въ Новгородѣ или въ Кіевѣ, участіе гражданъ въ княжескихъ дѣлахъ здѣсь не подлежитъ сомнѣнію. Смолняне питали особенное расположеніе къ племени Мономахову; отрасль его, Ростиславичи, пріобрѣла наслѣдственность въ смоленскихъ владѣніяхъ; этимъ-то и объясняются мирныя отношенія гражданъ къ своимъ князьямъ. Здѣсь очевидно было обоюдное согласіе, если не всегда опредѣленно высказываемый, то всегда подразумѣваемый „рядъ" между княземъ и народомъ, по которому народъ соглашался держать у себя такого-то князя, а князь обязывался съ своей стороны не простирать своей власти далѣе того, сколько позволяли народные обычаи и вольности. На это именно намекаютъ приведенные выше примѣры, что смоляне въ одинъ разъ изгнали Ярополка, а въ другой поссорились съ Давыдомъ. Тотъ и другой князь одинаково принадлежали къ племени Ростиславичей, которые считали Смоленскъ своею отчиною; но ни наслѣдственныя права, ни привязанность смолянъ къ Ростиславову роду не попрепятствовали послѣднимъ возстать противъ своихъ князей, когда они, какъ надобно думать, стали нарушать обычныя права народа [1]). Значитъ, смол-

---

1) Со смертію Мстислава Давыдовича (1229 г.), кажется, измѣнились отношенія смолнянъ къ потомству Ростислава Мстиславовича, и смоленская земщина едвали нехотѣла остаться безъ князя, или, подобно Новгороду, не думала ли имѣть у себя выборныхъ князей изъ другихъ княжескихъ родовъ. Ибо во второй годъ послѣ смерти Мстислава Давыдовича мы имѣемъ въ лѣтописи извѣстіе (Новг. 1 л. 1232 г.), что Святославъ Мстиславовичъ внукъ Романа Ростиславича, при помощи полочанъ, взялъ Смоленскъ на щитъ, изсѣкъ смольнянъ и сѣлъ на тамошнемъ княжескомъ столѣ. Потомъ чрезъ шесть лѣтъ по взятіи Смоленска Святославомъ, Ярославъ Всеволодовичъ суздальскій приходилъ въ Смоленскъ на Литву, взялъ ихъ князя, урядилъ смолнянъ и посадилъ имъ въ князья Всеволода Мстиславича, роднаго брата Святославу, а самъ со множествомъ полона и съ великою честію возвратился домой (Воскр. л. 1239 г.). Это послѣднее извѣстіе намекаетъ, кажется, на то, что Святославъ, насильно занявшій Смоленскъ и страшно опустошившій его, былъ вытѣсненъ оттуда смоленскою земщиною, и, вѣроятно бѣжавши оттуда въ Полоцкъ, снова подступилъ къ Смоленску съ Литвою. „Разсказы изъ р. ист." Бѣляева. Стр. 330.

няне, подобно новгородцамъ, были вольны въ своихъ князья и избирали, кого хотѣли; только они добровольно огранич это право вольнаго избранія однимъ родомъ Ростиславичей, добно тому, какъ Полоцкіе земскіе люди первоначально но себѣ избирать князей изъ одного племени Изяславичей, пот ковъ Рогволда Полоцкаго. Впрочемъ участіе смоленскихъ з цевъ въ княжескихъ дѣлахъ обнаружилось не въ однихъ вр дебныхъ столкновеніяхъ съ князьями, а гораздо болѣе въ общ дружныхъ дѣйствіяхъ съ ними. Уже Ростиславъ Мстиславі на приглашеніе князей занять Кіевъ отвѣчалъ посольствомъ, торое должно было договориться объ условіяхъ, на какихъ принимаютъ его на Кіевское княженіе; въ этомъ посольствѣ ходились отъ смолнянъ мужъ Иванъ Ручечникъ, да отъ н городцевъ Якунъ 1). Здѣсь Ростиславъ занимаетъ Кіевъ о видно съ совѣта смолнянъ. Съ теченіемъ времени смоленс земцы еще тѣснѣе примыкаютъ къ своему князю, образуя кругъ него постоянную дружину, которая участвуетъ во всі его походахъ; самое имя „дружины“ изчезаетъ изъ лѣтописны сказаній и замѣняется общимъ выраженіемъ „смолняне“. войнахъ Андрея Боголюбскаго противъ Новгорода и Кіева у минаются вообще смолняне съ своимъ княземъ (Романомъ) [2]; выдъ Ростиславичъ (1180—1197) въ войнахъ съ полочанам черниговскими князьями дѣйствуетъ вмѣстѣ съ смоленскими в сками [3]); въ липецкой битвѣ съ Ярославомъ Суздальскимъ см няне самымъ энергическимъ образомъ заявили свое участіе дѣлахъ своихъ князей и даже въ интересахъ чужихъ областей И такихъ примѣровъ по лѣтописямъ очень много.

— Но если смоленскіе земцы оказывали содѣйствіе и пом своимъ князьямъ въ нужныхъ для нихъ случаяхъ, то и князья естественно дорожили ихъ расположеніемъ и стара жить въ согласіи съ народомъ.

— Отношенія князя и вѣча будутъ для насъ яснѣе, когда

1) Ипат. л. 1159 г.

2) Новг. л. 1167 г. Воскр. л. 1169. 1 Новг. л. 1168 г. Л л. 1168 г. Ипат. л. 1170—1171 г. Воскр. л. 1170 г.

3) Новг. 1. л. 1185 г. Воскр. л. 1186 г. Ипат. л., Нов. 1. 1195 г. Лавр. Воскр. л. 1196 г.

4) Новг. 1. л 1216 г.

разсмотримъ другія области внутренней жизни въ смоленской землѣ.

Главному вѣчу въ Смоленскѣ 1) подчинены были вѣка въ смоленскихъ пригородахъ; 2) они обязаны были слушаться рѣшеній смоленскаго вѣча: „на что старѣйшіи (т. е. вѣча главныхъ городовъ) сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ,“ говоритъ лѣтописецъ. Къ каждому городу смоленской области приписано было по нѣскольку погостовъ, которые службою и данію тянули къ своему городу. Ростиславова грамота прямо говоритъ о раздѣленіи области на погосты: [3]) „У Вержавлянѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ тыхъ погостѣхъ во всѣхъ сходится дани осмьсотъ гривенъ [4]) и т. д. Въ городахъ для управленія и суда были посадники и тіуны; но не извѣстно, поставлялись ли они однимъ княземъ или при участіи граждань. Смоленская земля, въ административномъ отношеніи, дѣлилась во время Ростислава на 40 волостей, или, по нашему, уѣздовъ, съ которыхъ шло до 12-ти видовъ княжескихъ доходовъ ([5]).

Судомъ распоряжался князь съ своими тіунама и намѣстниками [6]); но рядомъ съ княжескимъ судомъ существовалъ еще

---

1) Время построенія Смоленска неизвѣстно; но вѣроятно относится къ очень древнему періоду. Несторъ уже знаетъ его главнымъ городомъ Кривичей (Лавр. л. стр. 5), а это племя жило въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги задолго до пришествія Рюрика. О древности его поселенія въ этой странѣ свидѣтельствуетъ то, что Кривичи, будучи первоначально выселенцами полочанъ (ibid.), ко времени Рюрика до того возрасли и умножились, что заслонили собою своихъ родоначальниковъ, полочанъ, которыхъ Несторъ уже называетъ Кривичами, по господствующему племени. Основываясь на этомъ, построеніе Смоленска надобно отнести къ очень давнему, до—историческому времени.

2) О городахъ Смоленскаго княжества см. „Изслѣдов. и лекціи“ Погод. т. IV.

3) Дѣленіе на погосты и зависимость погостовъ отъ городовъ (или пригородовъ) есть, какъ извѣстно, признакъ общиннаго устройства. См. наприм. „Русск. народъ и государство“. Лешкова. М. 1858 г. стр. 111—114.

4) Другое техническое выраженіе для обозначенія мѣстечекъ отъ пригородовъ было „погородіе“: „а се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ“, сказано въ той же грамотѣ.

5) „Разсказы изъ р. ист.“ Бѣл. с. 213.

6) У тіуновъ въ свою очередь находились въ распоряженіи

земскій или общинный судъ. „Русину же не лзѣ позвати Не
чича на опчій судъ, развѣ на смоленьского князя,“ читаемъ
договорѣ съ Нѣмцами 1229 г. Въ судѣ княжескомъ, кро
бояръ или дружинниковъ, участвовали также земскіе люди, и
выборные изъ народа. Въ томъ же памятникѣ сказано: „кот
рое орудіе (тяжа) окончено будетъ у Смоленьскѣ межю Русью
межю латиньскимъ языкомъ, предъ судьями и предъ добры
людьми (вар. „или у князя, или у тіуна, или урядили буду
добрые мужи“) болѣ того не починати у Ризѣ и на Гочко
берегѣ.“ Здѣсь добрые люди или мужи, т. е. смоленскіе земп
ясно различаются отъ княжескихъ людей или судей, тіуновъ.
Для суда съ иностранцами требовались свидѣтели и изъ ру
кихъ, и изъ иностранцевъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ, к
да тяжущіяся стороны не могли порѣшиться обыкновеннымъ
домъ (чрезь княжескихъ тіуновъ или чрезъ выборныхъ отъ
щины), допускался судебный поединокъ или же испытаніе
средствомъ раскаленнаго желѣза; но то и другое строго восп
щалось по отношенію къ иноземнымъ гостямъ. Купеческое
словіе, или правые купцы, имѣли свой судъ и управу, независ
мо отъ княжескаго суда. Жители погостовъ и мѣстечекъ т
нули судомъ и управою, такъ же какъ и податями, къ свои
городамъ.

Съ суда въ пользу князя и княжескихъ чиновниковъ ш
пошлины, которыя назывались „продажами“ и „вирами“. Д
гіе княжескіе доходы состояли изъ обыкновенной подати, кот
рая взималась, по раскладкѣ, съ погостовъ,—изъ полюдья
почестья 1), изъ пошлинъ съ различныхъ промысловъ и ремес
какъ наприм. торговой или гостинной дани въ разныхъ ея
дахъ—передмѣръ , перевозъ, корчмиты; дань съ ремесленнико
наприм. съ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и проч.

„дѣтскіе“, которые представляли собою нѣчто въ родѣ нынѣ
нихъ полицейскихъ чиновниковъ; тіунъ наприм. отдавалъ дѣтс
му подъ надзоръ должника, пока онъ не выплатитъ своего д
га.—Догов. 1229 г.

1) А се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почес
гривна и три лисицы; а се отъ копосы 6 гривенъ урока и
лисицы, а почестья 35 кунъ: „Д. А. и 1, с. 8.

2) „Аще латиньскій дастъ серебро пожигати, дати ему
гривны серебра куна смоленская“. Р.-лив. Акты. Стр. 436.

Ростиславова грамота знакомитъ насъ съ весьма любопытною чертою, составляющею особенность того времени сравнительно съ прежнимъ: это—точное опредѣленіе княжескихъ доходовъ, собираемыхъ съ извѣстной области или округа: „у Вержавляняхъ у великихъ 800 гривенъ, а въ Жижци дани 130 гривенъ, на Путтинѣ присно платятъ 4 гривны" и т. д., такъ что князьямъ заранѣе уже было извѣстно, какая волость, какое мѣстечко сколько приноситъ доходу 1). Это весьма важный шагъ впередъ въ исторіи развитія и опредѣленія отношеній правительственной власти къ областному населенію.

—Но что особенно замѣчательно въ грамотѣ, такъ это то, что изъ нея мы видимъ, что не только обычная подать съ дворовъ уплачивалась въ княжескую казну въ опредѣленномъ количествѣ, но даже такія денежныя повинности, количества которыхъ заранѣе нельзя было опредѣлить, наприм. пошлины съ уголовнаго суда, гостинныя дани, могли быть уплачиваемы тоже по напередъ составленной росписи. Такъ въ одномъ мѣстѣ грамоты сказано: Дѣдичи (мѣстечко, а въ немъ сходится) и дань и „вира" 15 гривенъ, „гость" (торговая пошлина) 7 гривенъ, а изъ того святѣй Богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ." Это значитъ, что князья отдавали свои доходы въ завѣдываніе общинъ, такъ что отдѣльныя общины сами уже распоряжались сборомъ даней и разныхъ пошлинъ и высылали ихъ князю въ условленномъ напередъ количествѣ.

Въ такомъ именно смыслѣ нужно, кажется, понимать распредѣленіе по погостамъ судныхъ и торговыхъ пошлинъ.

Весьма важны слѣдствія, какія вытекаютъ отсюда для характеристики княжеской и земской власти. Получая судныя и уголовныя пошлины въ опредѣленномъ количествѣ прямо отъ общины, князь чрезъ это самое какъ бы отстранялъ себя отъ

---

1) Количество даней бывало впрочемъ не всегда одинаковое; оно могло уменьшаться отъ раззоренія области войною или физическими бѣдствіями. Въ такомъ случаѣ князья лишались части своихъ доходовъ, которая, какъ видно, не зачиталась въ недоимки. „Се же нынѣ съ Божьею помощью и со святою Богородицею, въ си дни полны дани, а по семъ что Богъ устроить: по Божью строю чи которая дань оскудѣетъ, или ратью, или коимъ образомъ, посилѣ что почнетъ давати тыи дани, а изъ того десятина святѣй Богородици", сказано въ грамотѣ.

вмѣшательства въ судебныя дѣла, которыя такимъ образомъ отходили въ кругъ дѣятельности общиннаго управленія. Слѣдов. въ показанныхъ случаяхъ судъ зависѣлъ уже не отъ князя, а отъ земщины, которая сама могла оправдать и обвинить подсудимаго, помимо князя.

Цифра княжескихъ доходовъ, собираемыхъ въ видѣ подати и разныхъ пошлинъ съ смоленскаго княжества, представляется весьма почтенною: однихъ доходовъ, обозначенныхъ въ грамотѣ, насчитывается 3150 гривенъ, или до 555 фунтовъ по вѣсу. [1]) Если вспомнимъ, что въ грамотѣ обозначены не всѣ доходы (сюда не вошли наприм. полюдье, вира и продажа, отъ которыхъ епископъ не пользовался десятиною), то надобно допустить, что экономическое состояніе смоленской области въ описываемое время было очень удовлетворительно, не смотря на скудость естественныхъ произведеній въ краѣ.

Итакъ вкороткѣ мы разсмотрѣли характеръ церковнаго и свѣтскаго управленія въ смоленскомъ княжествѣ, ознакомились съ судебною сферою и съ экономическимъ состояніемъ области: вездѣ—и въ администраціи, и въ судѣ, и въ финансовомъ управленіи—мы видѣли на ряду съ княжескою властію присутствіе земскаго или общественнаго элемента. Князья волей-неволей должны были мириться съ этою новою силой народнаго вмѣшательства въ дѣла областнаго управленія, которая становилась поперегъ ихъ единоличной власти; въ нужныхъ случаяхъ они сами опирались на народъ, который вмѣстѣ служилъ опорою для своихъ князей во враждебныхъ столкновеніяхъ съ другими русскими князьями. Такимъ образомъ если народъ принималъ дѣятельное участіе во внутренней политикѣ княжества, то естественно, что это не должно остаться безъ вліянія и на внѣшнюю политику князей. И во—первыхъ, это должно было имѣть вліяніе на нравственное воспитаніе и на характеръ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на складъ ихъ политическихъ воззрѣній, и на политику княжескихъ дѣйствій. Смоленское княжество сплошь населено было славянскимъ племенемъ; [2]) кромѣ того

1) Погодинъ: „Изслѣдов....“ VII. 19. Бѣляевъ: ibid. с. 213.

2) Самое многолюдное племя въ смоленской области были кривичи; кромѣ ихъ по Сожѣ и Деснѣ жили Радимичи, по Угрѣ и Протвѣ—Голядь, одноплеменники Литвы; они занимали небольшой уголокъ земли. Ист. Рос. 1, 44—48.

оно со всѣхъ сторонъ и окружено было славянскими же землями. Извѣстно, что частая или постоянная борьба съ враждебными сосѣдями весьма сильно располагаетъ къ сосредоточенію власти въ одномъ лицѣ; по этому для смоленской области, которая, вообще говоря до послѣдняго времени не испытывала серьезной борьбы съ инородческимъ элементомъ (до 13-го вѣка), одинъ весьма сильный поводъ къ возвышенію княжеской власти на счетъ народныхъ вольностей совершенно устранялся. Князья, сдерживаемые въ своихъ властительскихъ притязаніяхъ общинныхъ самоуправленіемъ волостей, естественно и сами привыкали смотрѣть на участіе народа въ княжескихъ дѣлахъ, какъ на нѣчто неизбѣжное и вполнѣ законное. Притомъ они знали, что это участіе выгодно даже въ собственныхъ ихъ интересахъ; потому что народъ не покидалъ своихъ князей, которые умѣли съ нимъ ладить, даже во время частныхъ войнъ ихъ съ другими князьями за княжескую честь и за право владѣнія какою нибудь волостію. Естественно, что когда борьба между князьями сосредоточится на вопросѣ о томъ, должна ли быть въ Россіи самодержавная власть или прежніе вѣчевые порядки, признающіе за народомъ право вмѣшательства въ княжескія дѣла и въ администрацію, то бойцами за принципъ вѣчевыхъ учрежденій явятся тѣ князья, которые воспитались въ духѣ этихъ учрежденій и привыкли видѣть въ нихъ и собственную пользу. Вотъ, по нашему мнѣнію, объясненіе того, почему, послѣ того какъ въ борьбѣ съ суздальскими князьями за первенство сѣверовосточной Руси надъ югозападною и за господство самодержавія въ русской землѣ испытали пораженіе Кіевъ съ Волынью и Новгородъ, на сцену выдвигается Смоленскъ, и его князья, знаменитые Мстиславы, становятся во главѣ южной Руси поборниками вѣчеваго начала. Конечно, Смоленскъ и безъ того долженъ былъ примкнуть къ Кіевской Руси, потому что уже по физическимъ вліяніямъ онъ долженъ былъ сильнѣе тянуть къ Новгороду и Кіеву, чѣмъ къ Суздалю; но и нравственный мотивъ, руководствовавшій князьями, которые считали Смоленскъ своею отчиною, не долженъ быть совершенно опускаемъ изъ вниманія, при объясненіи историческихъ явленій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

III.

VIII ТОМЪ „АРХЕОГРАФИЧЕСКАГО СБОРНИКА,“ изданнаго при управленіи Виленскаго учебнаго округа.

Осьмой томъ „Археографическаго Сборника“ составленъ изъ документовъ кейданскаго архива князей Радивиловъ, за исключеніемъ „Инвентаря упитской волости“, который взятъ изъ рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки. Кейданы,—нынѣ мѣстечко въ 47 верстахъ отъ Ковны,—входили въ составъ обширныхъ родовыхъ имѣній на Жмуди князей Радивиловъ, въ родѣ которыхъ они оставались до 1812 года, т. е. до заключенія сдѣлки между графомъ Чапскимъ и повѣреннымъ князя Доминика Радивила, Каминскимъ, по которой Кейданы перешли къ графамъ Чапскимъ. Послѣдній владѣлецъ Кейданъ, Маріанъ Чапскій, сосланъ за участіе въ мятежѣ 1863 года, и имѣніе его конфисковано. Вмѣстѣ съ другимъ движимымъ имуществомъ въ Кейданахъ найдены библіотека и архивъ, или вѣрнѣе—нѣсколько связокъ разбросанныхъ, полуистлѣвшихъ рукописей, которыя переданы были въ распоряженіе Виленскаго учебнаго округа. Д. Ѳ. Кашир инъ, передавая библіотеку, просилъ позволенія разсмотрѣть и разобрать рукописи въ Ковнѣ. Получивъ на то согласіе б. попечителя Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова, г. Каширинъ, совмѣстно съ Л. Ѳ. Лукашевичемъ и Ю. С. Чеховичемъ, разобрали весь архивъ, привели его въ порядокъ, составили описи рукописей въ немъ находящихся, и тогда уже явилась мысль объ изданіи нѣ-

которыхъ изъ нихъ въ видѣ отдѣльнаго тома „Археографическаго сборника". Мысль эта была сочувственно принята б. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, и наконецъ осуществилась при Николаѣ Александровичѣ Сергіевскомъ. Благодаря его просвѣщенному вниманію и сочувствію къ продолженію „Археографическаго сборника" при округѣ, изданіе тома вполнѣ обезпечено было тотчасъ же по пріѣздѣ Николая Александровича въ Вильну.

Изъ собранныхъ документовъ въ составъ VIII тома вошло 118. По содержанію всѣ документы, вошедшіе въ томъ, раздѣлены на слѣдующіе пять отдѣловъ: I) Описаніе Жмудской земли. II) Владѣнныя записи. III) Процессы жмудскихъ кальвинистовъ съ католиками. IV) Права и привилегіи, данныя Кейданамъ и V) переписка Януша и Богуслава Радивиловъ съ управляющими.

I. **Описаніе жмудской земли.** Въ этомъ отдѣлѣ помѣщенъ „инвентарь упитской волости въ жмудской земли", составленный около 1554 г. Онъ заключаетъ въ себѣ описаніе мѣстечекъ Шадова и Поневѣжа, 56 войтовствъ съ 359 селами и многими застѣнками, составляющими нынѣ части уѣздовъ: поневѣжскаго, ковенскаго, вилкомірскаго, ново-александровскаго и шавельскаго. Въ „инвентарѣ" обозначены: количество земли въ мѣстечкахъ, селахъ, границы, чиншъ, имена войтовъ, земянъ и бояръ, населявшихъ деревни и застѣнки, въ описаніи границъ поименованы смежные землевладѣльцы, указаны р.-католическія плебаніальныя земли и земли дворянъ. Между многими именами землевладѣльцевъ, упоминаемыхъ въ „инвентарѣ", есть имена чисто русскія, какъ напр.: боярка Александрова, Гавриловъ Павелъ бояринъ, Голосъ и т. п.; нѣкоторые же землевладѣльцы названы только по имени и отчеству (Павелъ Андрѣевичъ). Подлинный „инвентарь", хранившійся въ королевскомъ архивѣ, составленъ около 1554 г. [1]) ре-

1) Около того же времени составлены были и другіе инвентари въ Литвѣ и на Жмуди. Такъ Балинскій (Starozytna Polska T. III, стр. 526) упоминаетъ объ инвентарѣ староства Плотельскаго, составленномъ въ 1585 г. Іосифомъ Ивановичемъ

визоромъ Яномъ Крадовскимъ, настоящая же копія съ него „выдана изъ скарба ясневельможному Ярошу Воловичу, генеральному старостѣ земли жомоитской, державцѣ шавельскому, кобринскому и упитскому для вѣдомости и обороны грунтовъ короля его милости земли упитской", въ Вильнѣ въ 1624 г.; въ 1699 г. досталась она Казиміру съ Миштекъ Щесновичу отъ дяди его Юрія Завадскаго, стольника смоленскаго, а Щесновичъ передалъ его Аннѣ Завадской, урожд. Бѣлозоровой (стр. 120).

II. Владѣнныя записи. Изъ документовъ напечатанныхъ,въ этомъ отдѣлѣ болѣе обращаютъ вниманія: 1) Продажная запись Павла Станковича, данная Петру Татарину, кейданскому мѣщанину, на участокъ земли. Это единственный документъ, свидѣтельствующій о существованіи въ Кейданахъ въ началѣ XVI ст. православной церкви во имя св. Юрія, о которой не упоминаетъ ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ польскихъ историковъ писавшихъ о Кейданахъ [1]). 2) Запись гетмана польнаго Христофора Радивила и жены его Анны—фундуша для кальвинскихъ сборовъ, построенныхъ ими въ Биржахъ и Бойнаровѣ, и на другія богоугодныя заведенія. Большая часть документовъ, вошедшихъ въ этотъ отдѣлъ, на русскомъ языкѣ (10), остальные (4) на польскомъ языкѣ.

III. Процессы жмудскихъ кальвинистовъ съ католиками. Въ этотъ отдѣлъ вошли слѣдующіе документы:

а) Процессъ ксендза Матѳея Кобылинскаго съ владѣль-

Козицкимъ. Въ Ошмянѣ люстрація произведена въ 1537 г. Для приведенія въ извѣстность собственности королевской, помѣщичьей и крестьянской, и для огражденія интересовъ каждой страны, Сигизмундомъ Августомъ издавна въ 1557 г. Sprawa wloczna, moca której Piotr Falczewski dokonal pod sterem Mikolaja Czarnego Radziwila i Eustachego Wolowicza i za pomoca rozeslanych po kraju miczników i rewizorów, wielkiej reformy w gospodarstwie ziemianskim na Zmudzi i Litwie. Балинскій, Т. III стр, 498; Ярошевичъ Obraz Litwy 117—229 276.

1) Объ этой церкви см. примѣчаніе къ № 4 стр. 431.

цемъ Кейданъ Станиславомъ Станиславовичемъ Кишкой, витебскимъ воеводичемъ, а потомъ съ Христофоромъ Радивиломъ, о кейданскомъ Св. Юрьевскомъ костелѣ.

б) 2 письма нотаріуса вел. к. литовскаго Христофора Деспота-Зеновича къ князю нейбургскому Карлу Филиппу о введеніи іезуитовъ въ Кейданы (№ 34, 35).

в) Письмо провинціала кармелитскаго ордена въ Литвѣ Ангела Стоинскаго къ тому же князю нейбургскому о дозволеніи построить костелъ и монастырь кармелитскій въ Кейданахъ (№ 36).

г) Прошенія жмудскихъ кальвинистовъ къ князю нейбургскому и къ прусскому королю о защитѣ ихъ отъ притѣсненій со стороны католиковъ (№№ 37, 38, 39, 50).

д) Два письма прусскаго короля по дѣлу литовскихъ реформатовъ къ князю нейбургскому (№ 41 и 59); къ виленскому епископу Константину Бржостовскому, (№ 55); къ тайн. совѣт. фон.-Кезерлингу (№ 57).

е) Отвѣтныя письма князя нейбургскаго къ провинціалу іезуитскому Матѳею Милунскому (№ 43); къ Деспоту-Зеновичу (№ 44); къ прусскому королю (№ 60).

ж) Отвѣтъ виленскаго епископа Константина Бржостовскаго прусскому государственному Совѣту.

з) 8 писемъ жмудскаго суперинтендета Самуила Битнера къ совѣтникамъ прусскаго короля (№№ 44, 45, 46, 47, 48, 49, 52, 54).

и) 2 позва къ трибунальному суду: провинціала іезуитовъ Доукшу и кейданскихъ кармелитовъ, по жалобѣ на нихъ князя де-Зульбаха о разныхъ насиліяхъ и грабежахъ, произведенныхъ ими въ Кейданахъ (№№ 64 и 65) и др.

Процессъ ксендза Кобылинскаго съ владѣльцами Кейданъ продолжавшійся 27 лѣтъ, довольно любопытенъ какъ въ историческомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніи. Дѣло было вотъ въ чемъ. Елизавета изъ острожскихъ Радивилъ по смерти перваго своего мужа Яна Кишки, анабабтиста, сдѣлавшись пожизненною владѣлицею Кейданъ, кальвинскій кейданскій сборъ обратила въ костелъ, и назначила къ нему ксендза Якова Воро-

нецкаго, а послѣ его смерти—ксендза сосѣдняго ясвойнскаго прихода Матѳея Кобылинскаго [1]). По смерти Елизаветы, Кейданы перешли къ прямымъ наслѣдникамъ Яна Кишки, къ брату его Станиславу Станиславовичу Кишкѣ. Ст. Кишка, какъ хозяинъ въ своемъ имѣніи и какъ кальвинистъ, пожелалъ имѣть у себя кальвинскаго проповѣдника, и потому приказалъ своему управляющему кейданскому отнять у ксендза М. Кобылинскаго костелъ и обратить его по прежнему въ кальвинскій сборъ, что управляющій и исполнилъ въ точности. Ксендзъ Кобылинскій въ 1600 г. позвалъ Станислава Кишку въ ковенскій гродскій судъ за насильное изгнаніе изъ кейданской плебаніи и костела, въ которомъ онъ „отъ часу не малаго (два года) за порученьемъ старшихъ своихъ, въ покою держалъ и службу хвалы Божое спокойне отправлялъ" (№ 17). Вотъ на чемъ основалъ ксендзъ Кобылинскій свои права на кейданскій костелъ. Повѣренный Станислава Кишки, на основаніи литовскаго статута и сеймовыхъ конституцій, доказывалъ, что ксендзъ Кобылинскій не можетъ быть истцомъ въ этомъ то дѣлѣ, такъ какъ костелъ кейданскій есть собственность Кишки. „Вѣдь не безъ основанія, говорилъ онъ въ судѣ, предки наши подтвердили миръ между разномыслящими въ вѣрѣ; и это сдѣлали они съ тою именно цѣлью, чтобы всякій въ своемъ имѣніи могъ безопасно содержать учителя вѣры такого вѣроисповѣданія, къ какому принадлежитъ самъ владѣлецъ. Ибо преемникъ, получающій наслѣдство по родственному праву на основаніи артикула 17-го разд. III и артик. 14-го разд. V, не лишается права раздачи бенефицій изъ своего наслѣдства, т. е. какого вѣроисповѣданія наслѣдникъ имущества, такой религіи предоставляется ему право имѣть у себя проповѣдника слова Божія". Затѣмъ повѣренный Кишки привелъ въ примѣръ Евстафія Воловича, Виленскаго каштеляна, который, какъ кальвинистъ, при

1) См. № 20 стр. 184—презентація, данная Елизаветою изъ Острожскихъ ксендзу Матѳею Кобылинскому 9 Іюля 1598 г. также № 11.

жизни своей содержалъ въ Ольшанахъ кальвинскаго проповѣдника, а когда, по смерти его, имѣніе перешло во владѣніе католика, то и прежній церковный фундушъ отданъ былъ р.-католическому ксендзу. Но особенно повѣренный Кишки настаивалъ на томъ, чтобы это дѣло по своей важности, отослано было на рѣшеніе сейма, такъ какъ оно въ сущности касается не одного только Станислава Кишки, но всей рѣчи посполитой. Повѣренный ксендза Кобылинскаго, напротивъ, доказывалъ, что это дѣло подлежитъ разсмотрѣнію и рѣшенію гродскаго суда. Ковенскій судъ опредѣлилъ отослать это дѣло на рѣшеніе сейма, предоставивъ жалующейся сторонѣ право апелляціи въ трибуналъ духовнаго суда (№ 18). Ксендзъ Кобылинскій дѣйствительно подалъ апелляцію въ трибуналъ вел. кн. литовскаго compositi judicii на это рѣшеніе ковенскаго гродскаго суда. Трибуналъ призналъ дѣло это подлежащимъ рѣшенію ковенскаго гродскаго суда, и потому обратно препроводилъ его въ ковенскій гродскій судъ „на разсмотрѣніе". Такимъ образомъ дѣло о кейданскомъ костелѣ вторично разсматривалось (въ 1601 г. авг. 7), въ ковенскомъ гродскомъ судѣ. Повѣренный Станислава Кишки и въ этотъ разъ явился въ судъ съ протестомъ (обмовою) о не подлежательности этого дѣла гродскому суду, и что ксендзъ Кобылинскій, по смыслу законовъ, не можетъ быть истцомъ въ этомъ дѣлѣ. Ковевскій судъ въ этотъ разъ призналъ Кобылинскаго истцомъ, жалобу его нашелъ основательною и опредѣлилъ возвратить ему кейданскій костелъ и плебанію съ принадлежащимъ къ ней фундушомъ, если только ксендзъ подтвердитъ свои показанія и права на кейданскій костелъ присягою, на что онъ изъявилъ свое согласіе, а Станиславу Кишкѣ присудилъ уплатить 25 копъ грошей штрафа въ пользу Кобылинскаго за насильное изгнаніе изъ плебаніи. Судъ однако долженъ былъ пріостановить исполненіе своего опедѣленія, такъ какъ Станиславъ Кишка позвалъ его къ трибунальному суду за не правильное и незаконное рѣшеніе этого дѣла въ пользу Кобылинскаго (№ 20). Кобылинскій также подалъ жалобу въ главный трибуналъ велик. кн. литовскаго на

ковенскій гродскій судъ, что онъ не приводитъ въ исполненіе опредѣленія своего о возвратѣ ему кейданскаго костела (№ 22). Главный трибуналъ „видя, что врадъ (ковенскій) надъ науку въ артикулѣ 19 и 92 описанную, безъ показанья жаднаго права поссесіи правное, ксендза Кобылинскаго за актора узнавши рѣчь самую вказалъ,—въ томъ ихъ судъ яко не правный касовалъ и отмѣнилъ“ (№ 23). Жалоба же ксендза Кобылинскаго на ковенскій гродскій судъ разбиралась въ трибуналѣ compositi judicii. При разбирательствѣ этой жалобы присутствовалъ только ксендзъ Кобылинскій; обжалованная же сторона, т. е. гродскій ковенскій судъ и Станиславъ Кишка, какъ и слѣдовало ожидать, не явились въ судъ, потому что дѣло это считали порѣшеннымъ въ главномъ трибуналѣ свѣтскаго суда. Когда пришла очередь къ разбирательству этой жалобы, „судьи трибунальные коля свѣтскаго, не судечи тое справы, прочь отышли. А судьи трибунальные кола духовнаго, е. м. Кишку и врадъ ковенскій гродскій, яко на року завитомъ, въ нестанномъ здавши“, подтвердили декретъ гродскаго ковенскаго суда о возвращеніи ксендзу Кобылинскому кейданскаго костела, а затѣмъ „тую справу на дальшій розсудокъ, водле науки правное, до его королевской милости отослали. (№ 27 стр. 205). Королевскій судъ (декретомъ отъ 11 Іюня 1614 г.), признавъ приговоръ духовнаго трибунала о возвратѣ ксендзу Кобылинскому кейданскаго костела законнымъ, исполненіе этого приговора возложилъ на ковенскій гродскій судъ. Кобылинскій былъ призванъ въ судъ (въ 1615 г. авг. 5) для снятія съ него присяги въ томъ, что онъ дѣйствительно владѣлъ кейданскою плебаніею, а Станислава Кишку судъ позвалъ только „для прислуханя присеги“. Вмѣсто Станислава Кишки явился въ судъ повѣренный князя Христофора Радивила съ заявленіемъ, что Кейданы принадлежатъ уже не Стан. Кишкѣ, а Христофору Радивилу, который не признаетъ Кобылинскаго истцемъ въ этомъ дѣлѣ, что князь и докажетъ въ свое время на судѣ, а теперь онъ не можетъ явиться самъ лично въ судъ, потому что состоитъ въ комиссіи для заключе-

нія трактата съ Россіей. Повѣренный Радивила затѣмъ просилъ судъ отложить это дѣло до болѣе благопріятнаго времени. Гродненскій судъ не принялъ въ уваженіе этого заявленія повѣреннаго Радивила, допустилъ къ присягѣ ксендза Кобылинскаго и затѣмъ опредѣлилъ ввести его во владѣніе кейданскою плебаніею (№ 27): По снятіи присяги съ ксендза Кобылинскаго въ ковенскомъ гродскомъ судѣ, подстароста ковенскій Николай Пашкевичъ отправился съ вознымъ и „стороною" (свидѣтелями) въ кейданскую плебанію для передачи ксендзу Кобылинскому. По прибытіи ихъ въ Кейданы, повѣренный ксендза Кобылонскаго спрашивалъ: „естли бы тутъ у плебаніи е. м. Стан. Кишка або хто отъ его милости былъ для уступленья и поданя чрезъ врадъ гродскій ковенскій князю Кобылинскому костела и плебаніи кейданской зъ мѣщаны, съ поддаными и зъ маетностію забраною"…. Но вмѣсто Ст. Кишки или его повѣреннаго опять явился повѣренный Христофора Радивила и объявилъ отъ имени князя, что онъ не дозволитъ ввести ксендза Кобылинскаго въ кейданскую плебанію, пока дѣло объ ней не будетъ рѣшено въ главномъ трибуналѣ. Подстароста, составивши „актъ отправы", возвратился обратно въ Ковну (№ 28). Кобылинскій опять подалъ жалобу въ трибуналъ compositi judicii „на Ст. Кишку, яко принципала, и на его княжачую милость пана гетмана польнаго (Христ. Радивила), яко третюю особу, о спротивенство декретови короля его милости и декретови суду головнаго трибунальнаго въ непоступеню поданя въ держанье плебаніи кейданское"….а подстаросту ковенскаго „о невдане е. м. гетмана польнаго въ той справѣ яко третьей особы, за спротивнаго"….(№ 29). Христофоръ Радивилъ въ свою очередь апеллировалъ въ главный трибуналъ в.-к. литовскаго на незаконное постановленіе ковенскаго гродскаго суда о допущеніи ксендза Кобылинскаго къ присягѣ и затѣмъ ко вводу его во владѣніе кейдавскою плебаніею, на основаніи незаконнаго декрета духовн. трибунала, подписаннаго „тремя только духовн. особами, приватне, а не на судехъ спольныхъ духовныхъ съ свѣтскими одержаного…. безъ подпису руки писарское, ко-

торый и справы тое не слухалъ и при духовныхъ на томъ судѣ не былъ"…. (№ 30, стр. 225, столб 2-й). Главный трбуналъ (декретомъ 1617 г. іюня 27) отмѣнилъ постановленіе гродскаго ковенскаго суда о возвратѣ кейданской плебаніи ксендзу Кобылинскому и сверхъ того присудилъ 20 копъ грошей штрафа въ пользу Христ. Радивила. Не смотря на это опредѣленіе главнаго трибунала литовскаго, рѣшившаго дѣло о кейданскомъ костелѣ въ пользу Хр. Радивила, королевскій судъ, состоявшій по преимуществу изъ духовныхъ лицъ, вышеупомянутый „декретъ кола духовнаго" призналъ законнымъ и опредѣлилъ: кейданскую плебанію съ принадлежащимъ къ ней фундушемъ и съ костеломъ возвратить ксендзу Кобылинскому.

Послѣ этого декрета тяжущимся сторонамъ, очевидно, ничего больше не оставалось, какъ заключить мировую сдѣлку, въ переговорахъ о которой прошло около 10 лѣтъ; наконецъ съ согласія папы, она была заключена въ 1627 г. авг. 30 (№ 33) между Хр. Радивиломъ съ одной, и виленскимъ р.-католическимъ епископомъ съ другой стороны. Обѣ стороны, какъ сказано въ актѣ сдѣлки, въ прекращеніе дальнѣйшихъ споровъ и судебныхъ издержекъ и ради общественнаго спокойствія, порѣшили кончить это дѣло миромъ на слѣдующихъ условіяхъ: князь Хр. Радивилъ обязался передать навсегда въ вѣденіе р.-католической вилен. капитулы кейданскій каменный костелъ, оставивъ за собою право патронатства и донаціи („подаваня костела"); при передачѣ костела князь Радивилъ обязался дать 5 морговъ земли и 7 т. злотыхъ польск. На эти деньги вилен. епископъ или ксендзъ пробощъ обязаны были купить имѣніе или положить ихъ на проценты, такъ чтобы кейданскіе настоятели на вѣчныя времена получали по 500 зл. польск. годичнаго дохода. Обезпечивая матеріально рим.-кат. приходъ въ Кейданахъ, населенныхъ по преимуществу кальвинистами, Хр. Радивилъ позаботился хоть сколько нибудь обезпечить на будущее время свободу другихъ вѣроисповѣданій, особенно кальвинскаго. Съ этою цѣлью онъ въ упомянутой сдѣлкѣ положилъ необходимымъ условіемъ, „что бы ни епископъ виленскій и его

преемники, ни настоятель кейданскій, ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяли монахамъ кокого бы то ни было ордена имѣть временное пребываніе при кейданскомъ костелѣ, тѣмъ болѣе строить монастыри и основывать свои общины. „Епископъ и капитула виленская обязались за себя и за своихъ преемниковъ свято и во всемъ ненарушимо соблюдать этотъ договоръ. Спустя 3 года послѣ этой сдѣлки Хр. Радивилъ основалъ въ Кейданахъ два каменные сбора для кальвинистовъ, училище, богадѣльню и сиротскій домъ, въ обезпеченіе которыхъ положилъ на имѣніи кейданскомъ 25 т. зл. поль. Изъ двухъ пасторовъ кейданскихъ, одинъ долженъ былъ совершать богослуженіе на литовскомъ, другой на польскомъ языкѣ. Онъ основалъ также два деревянные сбора въ принадлежащихъ Кейданамъ деревняхъ Биржахъ и Бойнаровѣ (№ 14). При преемникахъ Христофора II Радивила, Янушѣ и Богуславѣ, католицизмъ въ Радивиловскихъ имѣніяхъ не имѣлъ преоблающаго характера. Р.-католическій епископъ, прибывшій въ Кейданы на праздникъ „Божія тѣла", просилъ позволенія у старосты кейданскаго совершить крестный ходъ въ Кейданахъ, на что староста изъявилъ свое согласіе, непозволилъ только строить алтаря противъ кальвинскаго сбора и участвовать въ процессіи цехамъ, какъ желалъ того епископъ. По смерти Богуслава (1669 г.) всѣ огромнѣйшія имѣнія Радивиловъ на Биржахъ и Дубинкахъ достались по наслѣдству единственной дочери Богуслава Каролинѣ-Людвигѣ, вышедшей замужъ за курфирста бранденбургскаго, протестанта, а послѣ его смерти (1687 г.),—за князя нейбургскаго Карла Филиппа, ревностнаго католика. Съ этого времени начинается систематическое преслѣдованіе католиками жмудскихъ кальвинистовъ. Князь нейбургскій, вопреки договору Христ. Радивила съ виленскоюр.-католическою капитулою, дозволилъ ввести въ Кейданы іезуитовъ и кармелитовъ. (№№ 39, 42, 43, 44). Не смотря на всѣ усилія жмудскихъ кальвинистовъ остановить наплывъ въ Кейданы р.-католич. орденовъ, въ Кейданахъ въ скоромъ времени основали свои общины кармелиты, іезуиты и доминиканцы. (№№ съ 34 по 65). Всего

оригинальнѣе втерлись въ Кейданы іезуиты. Въ 1725 г. мая 2, іезуитъ Франдискъ Волминскій, по распоряженію своего провинціала, отправился въ Кейданы подъ видомъ проѣзжаго. Прибывши въ Кейданы, подъ предлогомъ поздняго времени, онъ остановился на ночь въ домѣ кейданскаго бургомистра Кверовича. Переночевавши, Волминскій объявилъ хозяину дома, что онъ не намѣренъ выѣзжать изъ его дома; а затѣмъ съ толпою соумышленниковъ сталъ подобнымъ же образомъ отнимать дома и у другихъ жителей Кейданъ. (№ 64). Волминскій, сообразивши, вѣроятно, что поступокъ его съ Кверовичемъ не пройдетъ безнаказанно, заключилъ съ нимъ сдѣлку, по которой Кверовичъ уступилъ ему свой домъ на три года подъ залогъ за 400 тынфовъ. (№ 63). Князь Карлъ-Іосифъ де-Зульцбахъ, отъ имени жены своей Елисаветы-Августы Нейбургской, одновременно началъ процессъ съ іезуитами и кармелитами кейданскими. (№ 64, 65). Чѣмъ кончился этотъ процессъ, неизвѣстно. Каково было положеніе кальвинистовъ, а съ ними и другихъ диссидентовъ въ Кейданахъ въ началѣ XVIII в., лучше всего видно изъ письма жмудскаго суперинтендента Самуила Битнера къ совѣтнику прусскаго короля: „пріѣхавши въ Тильзитъ, пишетъ суперинтендентъ, я нашелъ здѣсь многихъ значительныхъ купцовъ, бѣжавшихъ изъ Кейданъ; одни изъ нихъ вывезли товары, но ихъ отняли на дорогѣ, а у другихъ отняли еще дома—въ Кейданахъ. Право, въ нашей Литвѣ хуже, чѣмъ въ Содомѣ и Гоморѣ.... Всѣ бросились на грабежи. Нѣтъ совѣсти, не боятся Бога. Призвавъ Бога на помощь, я отправляюсь въ Кейданы, хотя и не найду тамъ уже моихъ слушателей, ибо всѣ они разъѣхались, и уже не возвратятся.... Монахи (католическіе) будутъ имѣть прекрасный случай утвердиться тамъ, такъ какъ сопротивленія они уже ни въ комъ не встрѣтятъ". (№ 45). „Обыватели кейданскіе, пишетъ Битнеръ въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, до того угнетены, что далѣе уже выносить не могутъ.... Кармелиты публично совершаютъ богослуженіе; іезуиты расхаживаютъ по улицамъ и бываютъ во всѣхъ домахъ, стараясь совращать всѣхъ въ свою религію." (45 №).

IV. Права и привилегіи данныя Кейданамъ.

Помѣщенные въ этомъ отдѣлѣ документы подтверждаютъ мнѣніе польскаго историка Балинскаго, по словамъ котораго, Кейданы, по своимъ муниципальнымъ учрежденіямъ, ни въ чемъ не уступали тогдашнимъ европейскимъ городамъ [1]. Первая привилегія на магдебургское право дана Кейданамъ Сигизмундомъ III въ 1590 г. апр. 15, на варшавскомъ вальномъ сеймѣ, по просьбѣ и во вниманіе къ заслугамъ тогдашняго владѣльца Кейданъ Яна Кишки, виленскаго каштеляна. По этой привилегіи „всѣ литовскія и русскія права, которыя могли бы стѣснять и ограничивать магдебургское право, отнынѣ не распространяются на Кейданы". Верховный судъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, предоставляется владѣльцу Кейданъ или уполномоченному имъ лицу. Мѣщанамъ кейданскимъ дозволяется, какъ въ городѣ, такъ и внѣ города, строить и открывать торговыя лавки (клетки) № 70) и пр. Въ началѣ XVII ст. Кейданы переходятъ во владѣніе Христофора II Радивила, женившагося на дочери Станислава Кишки Аннѣ. Оба они, и Христофоръ и Анна, заботились о расширеніи Старыхъ Кейданъ и о заселеніи Новыхъ Кейданъ или Янушова (№ 69). Преемникъ Христофора II Янушъ Радивилъ, по справедливости можетъ считаться вторымъ основателемъ Кейданъ. Онъ особенно заботился о расширеніи правъ, предоставленныхъ Кейданамъ привилегіею Сигизмунда III; съ этою цѣлью онъ выхлопоталъ у Владислава IV, сверхъ подтвержденія привилегіи Сигизмунда III, новыя „права и вольности" какъ Старымъ такъ и Новымъ Кейданамъ. (№ 70). По этимъ привилегіямъ, равно какъ и по „дополнительнымъ къ нимъ пунктамъ" Януша Радивила, мѣщанамъ кейданскимъ предоставлялась полная свобода въ выборѣ двухъ бургомистровъ и другихъ членовъ магистрата, которые, какъ и всѣ вообще должностныя лица должны были избираться изъ всѣхъ націй, безъ различія вѣроисповѣданія (nullo gentis aut

---

1) Starozytna Polska T. III. p. 565.

religionis habito respectu. (№ 68 стр. 294). Тѣмъ же мѣщанамъ предоставлялось право выбора войта изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ магистратомъ изъ шляхты литовской. „Въ предупрежденіе всякихъ безпорядковъ, крику и грабежа въ ночное время, Янушъ „учреждаетъ въ Кейданахъ ночные караулы, каковые обязаны отправлять всѣ безъ исключенія мѣщане по очереди". „Во избѣжаніе скопленія людей праздношатающихся, причиняющихъ въ городѣ наиболѣе безпорядковъ, каждый домохозяинъ объ имени гостя или проѣзжаго, у него остановившагося, откуда и по какому дѣлу прибылъ онъ, и долго-ли намѣренъ оставаться въ городѣ..., долженъ объявить бургомистру". (№ 72 стр. 308). Преемникъ Януша, братъ его Богуславъ Радивилъ учреждаетъ особую коммиссію для пересмотра привилегій и дополнительныхъ къ нимъ пунктовъ Януша Радивила, искаженныхъ, какъ оказалось, нѣкоторыми злоумышленниками, (№ 76, 77, 79), и въ то же время устанавливаетъ постоянныя вѣсы и мѣры, опредѣляетъ размѣры пеней и доходовъ въ пользу суда войтовскаго и магистрата, опредѣляетъ также, права и обязанности евреевъ. „Всѣ кейданскіе евреи, по всѣмъ дѣламъ и жалобамъ, подлежатъ исключительно суду замковому кейданскаго намѣстника или старосты е. м. князя" (XXII). Евреи въ улицахъ особыми привилегіями имъ не предоставленныхъ [1]), строить дома, пріобрѣтать ихъ въ собственность, брать въ аренду.... не могутъ; за долги, штрафы и пени по дѣламъ текущимъ въ пользу евреевъ, осѣдлость мѣщанъ не переходитъ въ ихъ владѣніе:—взысканія производятся съ движимаго имущества мѣщанъ (XXIII). Магистратъ „никакихъ записей отъ христіанъ на недвижимое имущество въ пользу евреевъ въ городскіе акты не долженъ принимать (XXIV). Ремесленники евреи на равнѣ съ ремесленниками изъ христіанъ, подчиняются всѣмъ постановленіямъ и обычаямъ цеха, относящимся къ увеличенію цеховой казны и т. п.; отъ всѣхъ же цеховыхъ повинностей, обуслов-

1) Привиллегія эти, какъ видно изъ документа, даны Янушомъ Радивиломъ.

ливаемыхъ вѣрою и обрядами христіанскими, евреи освобождаются (XXXI). Евреи, наконецъ, подобно христіанамъ, не освобождаются отъ ежегодныхъ военныхъ состязаній.

Въ этотъ же отдѣлъ вошли еще: привилегія данная Сигизмундомъ III Станиславу Кишкѣ на право сбора мостоваго мыта (№ 66), и привилегія Христофора II Радивила данная Кейданскимъ реформатскимъ церквамъ, по которой предоставляется „право свободнаго совершенія обрядовъ исповѣданій аугустанскаго, гельветическаго и саксонскаго.„

V. Переписка Януша и Богуслова Радивиловъ съ управляющими. Изъ писемъ, напечатанныхъ въ этомъ отдѣлѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія письма Януша Радивила къ Кейданскому старостѣ Лаврентію Кохансвому (9 писемъ). Янушъ Радивилъ, столько заботившійся, какъ мы видѣли выше, объ устройствѣ внутренняго порядка и хорошаго управленія въ Кейданахъ, не менѣе заботился и о внѣшнемъ благолѣпіи и благосостояніи этого города. Кейданы, какъ видно изъ письма Януша отъ 2 Іюня 1652 г. (№ 87), около этого времени сгорѣли. Янушъ приказываетъ старостѣ Кейданскому убѣждать погорѣвшихъ мѣщанъ, „чтобы они строили каменные дома, если средства имъ позволятъ; а если нѣтъ, то пусть отдаютъ свои пустые плацы болѣе состоятельнымъ людямъ;“ съ этою цѣлью приказываетъ старостѣ давать мѣщанамъ на извѣстный срокъ землю подъ кирпичные заводы. Изъ всѣхъ Радивиловъ одинъ только Янушъ заботился о водвореніи въ Кейданахъ русскихъ поселенцевъ, для которыхъ также приказываетъ отвести земли подъ кирпичные заводы, если они пожелаютъ строить дома (№ 88); строитъ для нихъ новую деревянную церковь (№ 84), посылаетъ изъ Борисова для этой церкви иконостасъ (№ 83), назначаетъ ежегодное содержаніе для двухъ іеромонаховъ и двухъ послушниковъ, которые имѣли быть при этой церкви (№ 81, 82). Наплывъ русскихъ поселенцевъ въ Кейданы, какъ видно, былъ до того великъ, что построенная для нихъ церковь вскорѣ оказалась тѣсною, и Янушъ сталъ подумывать о постройкѣ новой, болѣе обширной (№ 88), каменной церкви, для чего и отдаетъ въ распоря-

женіе своей православной супруги Маріи, дочери молдавскаго господаря Могилы, кирпичный заводъ для заготовленія кирпича въ постройкѣ этой церкви [1] (№ 87). Для тѣхъже русскихъ поселенцевъ Янушъ основываетъ даже особую слободу (Виліополь) и указываетъ мѣсто для построенія церкви въ этой слободѣ (№ 106 стр 399 [2]).

Не лишены также интереса письма къ Богуславу Радивилу старосты Кейданскаго Стефана Оборскаго (12 писемъ), Кейданскаго войта Павла Прозора, Исаака Гасса, ревизора Радивиловскихъ имѣній (2 письма) и членовъ Кейданскаго магистрата. Въ этихъ письмахъ преимущественно сообщаются Богуславу разные слухи и вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ войскъ во время войны Алексѣя Михайловича съ Польшею. Изъ этихъ писемъ, между прочимъ, видно, что въ это время Литва и Жмудь больше страдала отъ своеволія и безчинства своихъ польскихъ войскъ, чѣмъ отъ непріятельскихъ дѣйствій русскихъ войскъ. „Апрѣля 28, пишетъ Кейданскій войтъ къ князю въ письмѣ отъ 2 Мая 1661 г., русскія войска сдѣлали нападеніе изъ Ковны, сожгли 3 деревни и 6 шляхетскихъ домовъ, перебили немало мужиковъ и шляхты и 5 шляхтичей взяли въ плѣнъ. А наши войска собираютъ въ шляхетскихъ домахъ провіантъ; если не находятъ хлѣба, то послѣдній скотъ забираютъ, самихъ же шляхтичей и шляхтянокъ бьютъ,—и вообще дѣлаютъ, что хотятъ... Вотъ до какихъ

---

1) По случаю преждевременной смерти Януша Радивила и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, мысль Януша о постройкѣ каменной православной церкви въ Кейданахъ не осуществилась. Вызванные имъ поселенцы русскіе, тоже вскорѣ послѣ его смерти, какъ видно, бѣжали изъ Кейданъ, такъ что въ 1682 г. здѣсь было всего двое православныхъ и два іеромонаха, а церковь деревянная почти совершенно сгнила (№ 114).

2) Осуществилась ли и эта мысль Януша Радивила, неизвѣстно. Староста Кейданскій, Л. Коханскій, въ письмѣ къ Богуславу Радивилу отъ 18 Февр. 1663 г. пишетъ, что онъ, въ бытность свою въ Виліополѣ, не могъ приступить къ измѣренію плаца назначеннаго подъ церковь, по причинѣ глубокихъ снѣговъ; „мѣсто однакожъ указалъ игумену то самое, которое было отведено блаж. памяти княземъ (Янушомъ) подъ церковь надъ Виліей, при дорогѣ ведущей изъ Виліополя въ Кейданы.“ Только намъ и извѣстно объ этой церкви.

временъ мы дожили!“ (№ 103). „Виленскій гарнизонъ выпущенъ для фуражовки, пишетъ Исаакъ Гассъ, подъ начальствомъ маіора Гесса. Этотъ гарнизонъ сильно разорилъ деревню Бержи, въ теченіи двухъ ночей вымолачивая хлѣбъ... Требовалъ я у маіора удовлетворенія... Маіоръ отвѣчалъ мнѣ, что теперь таковъ обычай у военныхъ:—брать все, что и гдѣ можно взять...“ (№ 110). Еще болѣе характеристичпо въ этомъ отношеніи донесеніе членовъ Кейданскаго магистрата о нападеніи на Кейданы въ ночное время, подъ именемъ русскихъ, отряда польскихъ войскъ, подъ предводительствомъ ксендза Ясвойнскаго (№ 94). А сколько погибло невинныхъ жертвъ своеволія и разнузданности польскихъ войскъ, безъ всякаго суда и расправы. Въ Вильнѣ были схвачены и казнены литовскими войсками подскарбій и маршалокъ Жеронскій. „При арестѣ Жеронскаго, пишетъ Оборскій (№ 105 стр. 396, присутствовали два товарища изъ короннаго войска для наблюденія—такъ ли подвизается здѣсь литовское войско, какъ они у себя, потому что и тамъ (въ Коронѣ) уже не одного пана отправили на тотъ свѣтъ: говорятъ—около семи или осьми. Казнь надъ ними совершенна въ Ловичѣ. Изъ Варшавы привезли палача съ завязанными глазами. Когда ввели его въ избу, скомандовали военной музыкѣ играть. Между тѣмъ пришло нѣсколько десятковъ людей въ маскахъ и привели съ собой осужденныхъ на смерть—тоже въ маскахъ; постлали ковры, палачу развязали глаза, прочитали декретъ и затѣмъ приказали снять осужденнымъ головы...“ (№ 105).

Кромѣ писемъ вышеупомянутыхъ лицъ, въ этотъ отдѣлъ вошли письма слѣдующихъ лицъ: 2 письма вдовы Януша Родивила Маріи къ Кейданскому старостѣ Коханскому, 1 письмо Богуслава Радивила къ тому же старостѣ Коханскому, въ которомъ, между прочимъ, князь приказываетъ доставить въ Пруссію два орудія или затопить ихъ въ рѣкѣ, которыя и были отправлены по Нѣману, но задержаны въ Ковнѣ по приказанію Виленскаго р.-католическаго епископа (№ 92, 109), письмо Христофора Стрижки о сдачѣ Биржъ гетману Гонсѣвскому, и наконецъ „завѣщаніе Богу-

слава Радивила". Между движимостью, упоминаемою въ „завѣщаніи", обращають вниманіе, „жезлъ царя Тирана" и „чудесный ножъ" вынутый изъ желудка живаго человѣка.

Въ дополненіи къ Кейданскимъ привилегіямъ помѣщены: Привилегія данная Станиславомъ Кишкой Кейданскимъ мѣщанамъ на право сбора мыта со всѣхъ предметовъ привозимыхъ въ Кейданы и вывозимыхъ изъ Кейданъ (№ 116); Предписаніе генералъ-маіора А. П. Тормасова къ бригадиру Фекельну о закрытіи магистрата въ Кейданахъ № 117 и универсалъ Михаила-Іеронима Радивила жителямъ Кейданъ о томъ же (№ 118).

Томъ снабженъ необходимыми примѣчаніями къ нѣкоторымъ документамъ.

Составленіемъ тома занимались *Л. Ѳ. Лукашевичъ, Ю. С. Чеховичъ* и *Д. Ѳ. Каширинъ,* изданіемъ завѣдывалъ *О. В. Щербицкій* [1]).

---

1) Большая часть переводовъ польскихъ документовъ на русскій языкъ, примѣчанія и предисловіе составлены издателемъ тома. Указатель составленъ Л. Ѳ. Лукашевичемъ.

IV.

ЯГАЙЛО

историческій романъ.

Въ 4-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 3-ая.

ГЛАВА 6-ая.

Кейстутъ хитростію овладѣваетъ Вильною.

Въ ту же ночь, къ Вильнѣ, съ разныхъ дорогъ подъѣхало множество подводъ.

— Кто?—что? откуда? спрашивали дозорные у возницъ.

— Изъ Витебска, изъ Полоцка, говорили одни.

— Изъ Трокъ, изъ Мѣдникъ, отвѣчали другіе.

— Съ чѣмъ?

— Съ хлѣбомъ, великому князю Ягайлѣ.

И ворота отворялись.

Всѣ подводы безъ труда въѣхали въ *кривой градъ* и расположились у житнаго великокняжескаго двора.

— Гой-да, гой-да!! кричали латники—дозорные, находившіеся на сторожевыхъ башняхъ Нижняго замка,—и успокоивались послѣ того, какъ ворота снова заперли.

Все, что пробудилось отъ въѣзда подводъ, снова заснуло крѣпкимъ сномъ и неподозрѣвая того, что вмѣсто хлѣба въ подводахъ находились воины Кейстута.

---

*) См. „Вѣстникъ Зап. Россіи“ 1869 г. кн. 11 и 1870 г. кн. 7.

— Хлѣба-то,—хлѣба-то навезли сколько, на цѣлый годъ осады хватитъ, говорилъ одинъ дозорный другому.

—Годъ урожайный, отвѣчалъ второй.

— Ну нѣтъ, братъ, это не отъ того много навезли.....

— А отъ чего?

— Къ войнѣ....

— Съ кѣмъ воевать-то?

— Слышъ съ княземъ Кейстутомъ....

Второй латникъ лопнулъ со смѣху.

— Ты чего смѣешься?

— Да на тебя,—говоришь такіе рѣчи....не разумные.....

— Какъ не разумные?....

— Да такъ,—будетъ тебѣ нашъ великій князь Яковъ Андреевичь воевать съ роднымъ дядей..... Что ты угорѣлъ что-ли?—такъ очнись....

— А вотъ увидишъ, что будетъ, помяни мое слово....

— Очнись, говорятъ....

— Нѣтъ ужъ ты лучше очнись, а я знаю что знаю....

— Что ты знаешь-то?

— А то, что нашъ князь сердитъ на Кейстута за то, что онъ мѣшается въ его дѣла....

— Такъ что жъ что мѣшается,—можно его и послушаться, онъ дядя ему доводится, да и голова то такая, какой по всему свѣту не сыщешь.... Покойный нашъ великій князь Ондрей Гедиминовичъ,—царство ему небесное,—жилъ съ нимъ дружно, о раздорѣ и помину не было, а этотъ не успѣлъ вокняжиться да ужъ и поссорился съ Кейстутомъ! Неладно, братъ, потому неладно, что князь Кейстутъ худаго для него не пожелаетъ, онъ человѣкъ старый, бывалый, послушаться его не обидно,—говорилъ латникъ своему товарищу.

— Не ладно-то, не ладно, да ничего не подѣлаешь....Тутъ всему причиной Войдыйло, таинственно и почти шопотомъ замѣтилъ первый.

— Да это такъ, Войдыйло путитъ всѣ дѣла....Вылѣзъ изъ холоповъ въ боярскую знать, да женился на княжнѣ Марьѣ Ондрѣевнѣ, такъ до него теперь и рукой не достанешь. Дѣлаетъ все, какъ ему вздумается, ворочаетъ всѣмъ княжествомъ такъ

какъ хочетъ, судитъ и казнитъ кого хочетъ; князь его слушаетъ и ни въ одномъ словѣ не перечитъ ему.....

— Обошелъ князя, въ недобрый часъ.

— Обошелъ, обошелъ....

— А вѣдь въ пекарнѣ на побѣгушкахъ былъ...

— Ну вотъ поди ты....

Оба замолчали и начали зѣвать.

— Если нашъ князь вздумаетъ воевать съ Кейстутомъ, то насъ побьютъ, сказалъ второй послѣ молчанія.

— Побьютъ, это вѣрно, замѣтилъ первый.

— Потому что противъ Кейстута во всемъ свѣтѣ другаго ратнаго воеводы нѣтъ....

— Нѣту, нѣту!...

Оба опять зѣвнули.

— О—охъ, зѣвается больно....

— Пойдемъ въ обходъ, зѣваться небудетъ....

— Пойдемъ....

— Гойда! закричалъ первый, дѣлая нѣсколько шаговъ по крѣпостной стѣнѣ.

— Гойда! повторилъ второй, слѣдуя за нимъ.

— Гой-да! слышалось по всѣмъ башнямъ и раскатилось эхомъ въ антокольской рощѣ.

Затѣмъ снова воцарилась тишина, только въ хлѣбномъ обозѣ слышался какой-то неясный шумъ и бродили человѣческія тѣни, перешептываясь между собою.

Изъ окна спальни Ягайла пробивался тусклый свѣтъ лампады.

На мягкой пушистой постели, укутанный разными покрывалами, лежалъ нашъ Ягайло.

— Не спалось ему почему то; закинувъ руки за голову, онъ не закрывалъ глаза и думалъ о многомъ. Сердце его замирало, точно чуяло близкую бѣду.

У дверей его спальни дремалъ каморникъ.

Ягайло хлопнулъ три раза въ ладоши и каморникъ поспѣшно подошелъ къ постели.

— Что прикажешь, великій князь? спросилъ онъ, преклоняясь передъ Ягайломъ.

— Поди въ покои боярина Войдыйло и вели его раз-

будить. Скажи, что я его зову, приказалъ Ягайло Ольгердовичъ.

Каморникъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился къ своему князю.

— Ну что, разбудилъ, идетъ? спросилъ онъ у каморника.

— Нѣтъ, нейдетъ.... Говоритъ: „я спать хочу да и женѣ моей“ говоритъ: „княгинѣ Марьѣ Ондрѣевнѣ что то недужится“. отвѣчалъ каморникъ.

— Что же это онъ выдумалъ?!.... Когда я, великій князь, зову его, онъ долженъ сейчасъ же идти ко мнѣ, сказалъ Ягайло сердито, но сейчасъ же успокоился. Войдилло былъ его любимецъ и потому прощалъ ему многое.

— Такъ ступай, позови Пояту, сказалъ онъ каморнику; послѣдній повиновался.

Героиня наша не заставила себя долго дожидаться.

— Ты звалъ меня, я здѣсь передъ тобой, сказала Поята радостно и почти шопотомъ.

— Я не хочу чтобы ты была только передомною, а вмѣстѣ со мною, процедилъ сквозь зубы Ягайло.

— Въ твоихъ горячихъ объятіяхъ я готова всю жизнь провести, не разставаясь ни на одинъ мигъ; какъ я счастлива что ты вспомнилъ сегодня обо мнѣ! говорила Поята, бросаясь дѣйствительно въ раскрытыя объятія Ягайлы.

— Мнѣ спать не хочется, ну вотъ я и позвалъ тебя,— сказалъ онъ зѣвая и цѣлуя Пояту.

— Хорошо бы было, если бы ты каждую ночь спать нехотѣлъ....

— Отъ чего?....

Чаще бы за мной присылалъ, милый ты мой, дорогой ты мой, шептала Поята, страстно цѣлуя своего милаго.

— Мы и такъ не рѣдко видимся съ тобою....

— Все бы я хотѣла чаще миловать тебя.... Дозволь мнѣ быть твоимъ каморникомъ, ласково и шутя сказала Поята....

Она любила сильно Ягайлу, даже ни разу не вспомнила ему о данной клятвѣ,—взять ее въ супруги. Ей было довольно и этого счастія. Съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе привязывалась къ нему и положительно сдѣлалась рабой его прихотей и капризовъ. Напротивъ онъ охладѣлъ къ ней

почти совершенно. Въ загадочной Поятѣ онъ теперь не любилъ идеальную красоту, потому что время сдѣлало изъ обворожительной Пояты женщину очень обыкновенную, безъ дѣвственной свѣжести. На лицѣ ея уже кой гдѣ образовались складки, и щеки не рдѣли маковымъ цвѣтомъ. Теперь ему нужна была женщина—любовница и только. Будь это Пояте или другая на ея мѣстѣ, ему все равно.

— Ночнымъ каморникомъ, изволь я сдѣлаю тебя, сказалъ, смѣясь, Ягайло.

— Твоя воля, какъ хочешь такъ дѣлай.... Я вся твоя.... Скажи мнѣ, чтобы я умерла, я умру благословляя и любя тебя, хочешь, я покончу съ собой?...

— Зачѣмъ? спросилъ смущенный Ягайло?...

— А за тѣмъ, что бы развязать тебя, мой милый ландышъ, мое солнце красное....

— Отъ чего развязать?

— Отъ меня. Тебѣ нужна въ подруги природная княгиня, а не безродная сиротинка Поята,—сказала Поята, да такъ нѣжно и съ такою покорностью, что Ягайло невольно поцѣловалъ ее искренно.

Понятна сдѣлалась ему теперь душа Пояты.

— Неужели ты такъ сильно меня любишь,—что по одному моему слову лишишь себя жизни? спросилъ онъ, лаская ее.

— Брошусь въ рѣку Вилію, только скажи; клянусь тебѣ Христомъ, отвѣчала Поята: ты мнѣ дороже неба и земли....

Что ты, что ты? Господь съ тобою!... Грѣшно такъ говорить....

— Нѣтъ, любить такъ сильно и чисто, какъ я тебя люблю, не грѣшно....

— Скажи мнѣ Поята, отъ чего я такъ сегодня тоскую?

— Да такъ что нибудь.... пройдетъ, Богъ дастъ, тоска. Дозволь я тебя согрѣю....

— Не поможетъ, голубка: мнѣ такъ давеча скучно было, что я два раза плакать принимался....

— Христосъ съ тобою, что ты милый!...

— Прошедшею ночью я видѣлъ тревожный сонъ, мнѣ снился мой покойный князь—батюшка. Такой сердитый видъ его былъ, что я дрожалъ отъ страха. Все попрекалъ меня дядей

Кейстутомъ. „За что, за что ты съ нимъ ссоришься, за чѣі ты осквернилъ руку свою подписью на тайномъ уговорѣ съ нѣ мецкой поганью? Стыдъ и срамъ тебѣ, я прокляну тебя, ес ты не разорвешь этотъ уговоръ", говорилъ онъ, да такъ стра но и много, что меня и до сихъ поръ морозъ по ко подираетъ. Потомъ онъ показывалъ на небо, и чудилось ми что будто бы по небу отъ Трокъ шла грозная кровавая туч прямо на Вильну. Сначала все было тихо, а потомъ забл стѣла молнія, загрохоталъ громъ и полился кровавый дожд Поднялся вихръ, да такой страшный, что и по сей мигъ сви титъ въ ушахъ моихъ. Ахъ, Поята, ты неповѣришъ, какъ уж сенъ былъ этотъ сонъ,—заключилъ Ягайло глубокимъ вздохо разсказъ свой.

— Милый ты мой, успокойся и не вѣрь снамъ: все э одинъ обманъ. Въ жизининикто не знаетъ кромѣ Бога, что будетъ вп редъ, замѣтила Поята.

— Ну нѣтъ, Поята, я всему вѣрю: сонъ ли вѣщунъ пр снится, ворожея ли наколдуетъ, все такъ и выйдетъ....

— А выйдетъ такъ, какъ Богу угодно, судьбы своей минешь....

— Ахъ, Поята! милая ты моя, сердце чуетъ, что быть х ду; это я знаю, душа моя такъ болитъ, что ты и предс вить не можешь....

— Успокойся въ моихъ объятіяхъ, голубчикъ мой, сказа Поята, покрывая его своими поцѣлуями, и крѣпко прижим его къ себѣ.

— А что, Поята, если въ этомъ снѣ есть правда, ес и въ самомъ дѣлѣ дядя Кейстутъ ратной тучей пойдетъ и Трокъ на Вильну? спросилъ Ягайло свою подругу какъ задумчиво и грустно.

— Ну полно, полно тревожиться, милый ты мой, зачѣ ему ратной тучей на тебя двигаться, что ты ему сдѣлалъ?

— Какъ что? Да развѣ не знаешь ты? жалобно прос налъ Ягайло.

— Незнаю....

Да вѣдь я заключилъ тайный уговоръ съ нѣмцами п тивъ дяди Кейстута, на гибель его....

Зачѣмъ? кто научилъ тебя? съ ужасомъ спросила Поята.

— Войдыйло. прошепталъ Ягайло.

Въ это время, въ коррндорѣ, ведущемъ въ спальню нашего героя, что то тяжелое упало на полъ и вслѣдъ за тѣмъ послышалось человѣческое храпѣніе и легкій стонъ.

Наши герои отскочили другъ отъ друга.

— Что это тамъ дѣлается? испуганно прошепталъ Ягайло.

— Незнаю, голубчикъ мой, отвѣчала шепотомъ Поята.

Ягайло началъ звать каморника.

Дверь растворилась и на порогѣ ея, вмѣсто каморника, появился вооруженный человѣкъ, довольно толстый собою, въ шлемѣ съ опущеннымъ забраломъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ окровавленный мечь.

— Тише, Ягайло, каморника своего не кличь, онъ не услышитъ тебя, я убилъ его, вотъ кровь его дымится на мечѣ моемъ, сказалъ полушепотомъ неизвѣстный.

— Кто ты? кто здѣсь? Спасайте!! закрычалъ въ страшномъ испугѣ Ягайло, трясясь, какъ въ лихорядкѣ.

— Не кричи, Ягайло, не губи себя и Пояту; я спасу васъ....

У Ягайлы стучали зубы, онъ болѣе неслыхалъ ничего, кровь бросилась ему въ голову.

— Кто ты и что тебѣ отъ князя надо? спросила Поята заслоняя собою Ягайлу.

— Поята! Будь благоразумна, спасай себя и своего милаго Ягайлу; время дорого, я пришелъ не за княземъ, а за тобою.... Мать твоя просила спасти тебя, я далъ ей клятву и вотъ, въ минуту твоей гибели, я пришелъ выручить тебя,—говорилъ неизвѣстный.

— Моя мать?! Что ты сказалъ? Ужъ не шутитъ ли сомною злой чернобогъ?.... У меня есть мать? спрашивала озадаченная Поята.

— Есть и она ждетъ тебя....

— Заклинаю тебя, скажи мнѣ, кто она?

— Бармида... Она твоя родная мать.... Но время терять нельзя, сама Бармида тебѣ откроетъ тайну твоего рожденія, а теперь я скажу вамъ обоимъ, что великокняжескимъ замкомъ овладѣлъ князь Кейстутъ со своей дружиной. Всѣ входы и

караулы заняты трокской дружиной, всѣ здѣшніе дружинники перевязаны и заперты. Кейстутъ золъ на тебя, князь Ягайло, и пощады не дастъ, спасайся бѣгствомъ.... Я васъ спасу, идите за мною, и храните гробовое молчаніе, говорилъ скоро неизвѣстный.

— Куда ты поведешь насъ? спросилъ очнувшійся Ягайло.

Тайными подземными ходами я выведу васъ въ антокольскіе горы; тамъ ждетъ васъ Бармида,—отвѣчалъ неизвѣстный, Ягайло проворно соскочилъ съ постѣли.

— Но кто ты, спаситель нашъ? спросила Поята неизвѣстнаго.

— Послѣ узнаешь, а теперь не къ чему; спѣшите за мною и бросайте все, иначе погибли вы,—сказалъ неизвѣстный, указывая рукою на дверь.

— Идемъ, идемъ.... Только бы мнѣ хотѣлось взять съ собою Войдыйлу, я пойду потихоньку и розбужу его,—замѣтилъ Ягайло, которому казалось все видѣнное сновидѣніемъ.

— Войдыйлу?! О нѣтъ, ни за что.... Войдыйло завтра долженъ быть казненъ, безъ того изъ Вильны не выйду, чтобы не полюбоваться его трупомъ,—отвѣтилъ неизвѣстный съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ.

— Такъ?! онъ погибнетъ? жалобно прошепталъ Ягайло.

— Погибнетъ непремѣнно, погибнешь и ты, если еще останешься въ своемъ покоѣ....

— Какъ быть, Поята? что дѣлать? спросилъ съ мольбою Ягайло.

— Бѣжать, отвѣчала она.

— Ну бѣжимъ скорѣе, обратился Ягайло къ неизвѣстному.

Храните гробовое молчаніе, идите тихо за мною и не робѣйте. Ну идемъ, сказалъ неизвѣстный,—выходя первый вонъ изъ покоя.

За нимъ послѣдовали наши герой и героиня.

Въ корридорѣ Ягайло наткнулся на трупъ своего каморника и вскрикнулъ, чуть не упалъ на него.

— Тише.... Это твой мертвый каморникъ, это кровавая жертва принесена мною для твоего спасенія. Не убей его я, онъ разбудилъ бы всѣхъ, и ты не успѣлъ бы мигнуть, какъ былъ бы уже въ когтяхъ трокскаго орла,—говорилъ неизвѣстный.

— Что, Поята? вотъ сонъ-то не даромъ приснился, сказалъ Ягайло Поятѣ?

— Господи! У меня есть мать и я скоро увижу ее, шептала Поята, не слушая Ягайлу.

По уходѣ ихъ, въ корридорѣ и покоѣ воцарилась мертвая тишина. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, на дворѣ заигралъ рожокъ, въ то же мгновеніе страшный гулъ поднялся въ мнимомъ хлѣбномъ обозѣ и множество вооруженныхъ людей,—засвѣтивъ смоляныя головни, съ крикомъ бросились въ разные пункты нижняго замка. Первымъ вошелъ въ крорридоръ ведущій въ покой Ягайлы Кейстутъ, за нимъ оруженосецъ его Григорій Русинъ, потомъ Витовтъ Кейстутовичъ и много знатныхъ бояръ, въ полномъ вооруженіи и съ факелами.

— Что это? здѣсь кровью пахнетъ? сказалъ Кейстутъ и наткулся на мертвеца.

— Гриша! свѣти подъ ноги; я на что то наступилъ, добавилъ онъ же.

Григорій Русинъ нагнулъ факелъ; каморникъ плавалъ въ собственной крови.

— Кто этотъ убитый? стараясь разглядѣть мертвеца, спросилъ Кейстутъ.

— Одинъ изъ каморниковъ Ягайлы, отвѣчалъ Витовтъ всмотрѣвшись въ лице убитаго.

— Дѣло не чисто, заключилъ Кейсутъ: ну посмотримъ живаго, добавилъ онъ и поспѣшно бросился въ спальню Ягайлы.

— Мнѣ измѣнили, кто нибудь увѣдомилъ Ягайлу о моемъ прибытіи.... Но кто же этотъ измѣнникъ, кто? отвѣчайте, закричалъ въ гнѣвѣ Кейстутъ, осмотрѣвъ покой, и обращаясь къ боярамъ.

Всѣ молчали и въ недоумѣніи пожимали плечами.

— Ужъ не ты ли Витовтъ? ты вѣдь другъ слабоумнаго Ягайлы, замѣтилъ Кейстутъ.

Витовтъ отрицательно покачалъ головою и съ большимъ презрѣніемъ отвѣчалъ: измѣна чужда мнѣ.... Положимъ что Ягайло другъ мой, но не забывай, что ты мой отецъ.

Кейстутъ началъ соображать что то и потомъ обратившись къ Витовту сказалъ: ступай, любезный сынъ мой, въ покои кня-

гини, обыщи всѣ углы и приведи сюда княгиню Ульяну Александровну.

Витовтъ поспѣшно вышелъ вонъ.

— А гдѣ же Друальдъ? спросилъ Кейстутъ своего оруженосца.

— Я здѣсь, великій князь, отвѣчалъ Друальдъ, пробиваясь черезъ толпу бояръ.

Онъ былъ въ полномъ вооруженіи.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ его Кейстутъ.

— Тамъ гдѣ ты великій князь, отвѣчалъ Друальдъ.

— А отъ чего у тебя на бранныхъ доспѣхахъ кровь?

— Отъ того.... я.... давеча шелъ подслушать къ великокняжеской гридни, что дѣлалось въ ней, только.... подхожу я къ дверямъ, слышу говоръ, смѣхъ, ликованіе, а потомъ.... вдругъ слышу что кто то за мною ходитъ, ну вотъ я обернулся и вижу латника здѣшняго: „ты что за человѣкъ“? спросилъ онъ меня хватая за руку, а я вынулъ мечь свой да и отправилъ его на тотъ свѣтъ, къ дядѣ Пеклосу,—отвѣчалъ Друальдъ не связно, скрывая то обстоятельство, что онъ и есть настоящій убійца каморника.

Теперь читателю ясно, что неизвѣстный рыцарь былъ Друальдъ.

— А гдѣ тотъ сундукъ, въ которомъ хранится этотъ тайный уговоръ? спросилъ Кейстутъ Друальда.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на сундукъ возлѣ постѣли.

— Сломай замокъ и открой его, сказалъ Кейстутъ, и, обратившись къ Григорію Русину, началъ отдавать шепотомъ какіе то приказанія.

Оруженосецъ, молча поклонился и поспѣшно вышелъ вонъ.

Друальдъ, благодаря своей силѣ и своему мечу, живо исполнилъ приказаніе Кейстута.

— Вотъ этотъ подлый уговоръ, сказалъ онъ, вынувъ изъ сундука свертокъ изъ пергамента, на которомъ висѣли двѣ восковыя печати. Кейстутъ развернулъ его и началъ читать.

— По окончаніи чтенія онъ подробно осмотрѣлъ печати.

— Ягайло хотѣлъ погубить меня, но мои боги любятъ и охраняютъ меня, они разрушили заговоръ, заключилъ Кейстутъ.

-- Вѣдь это всё пройдоха Войдыло смутилъ великаго Ягайлу, замѣтилъ сердо больно Друальдъ.

— А Войдыйлу сейчасъ же взять и повѣсить, на Лысой горѣ, приказалъ Кейстутъ.

— Великій князь, дозволь мнѣ этимъ распорядиться, я ублаготворю Войдыйлу, сказалъ Друальдъ, кланяясь передъ Кейстутомъ, какъ бы прося чего нибудь особеннаго.

Кейстутъ не много подумалъ, потомъ отвѣчалъ.

— Войдыйлу я отдаю тебѣ въ распоряженіе, повѣсь его хоть своими руками, но до моей племянницы Марьи пальцемъ несмѣй дотрогиваться.... Ступай,—допытай все что нужно отъ этого предателя и потомъ повѣсь его на Лысой горѣ,—сказалъ Кейстутъ садясь на сундукъ.

Друальдъ поспѣшно вышелъ вонъ.

— Дозорные на башняхъ замка и у воротъ всѣ перевязаны и замѣнены нашими? обратился Кейстутъ къ своимъ боярамъ съ вопросомъ.

— Вездѣ наши, отвѣчали бояре.

Вошелъ Витовтъ Кейстутовичъ.

— Князь батюшка! княгиню тетушку ведутъ сюда а брата Ягайлы ни гдѣ не нашли, доложилъ онъ Кейстуту.

— Я смекнулъ куда онъ скрылся и послалъ за нимъ Грину въ погоню.... Ну а ты, защитникъ его, посмотри полюбуйся какъ твой другъ уговоры подписываетъ на жизнь твоего родного отца,—сказалъ онъ подавая грамоту Витовту.

Молодой князь началъ читать, и на лицѣ его выражалось негодованіе.

— Я отрѣкаюсь отъ дружества съ нимъ, но увѣряю, что подпись на этомъ уговорѣ не самого Ягайлы, онъ писать почти не умѣетъ а это рука его любимца Войдыйлы,—отвѣчалъ Витовтъ.

— А печать Ягайлы видишь? продожалъ Кейстутъ.

— Вижу....

— Ну такъ прикуси себѣ язычекъ....

— Да что мнѣ-то? я только хочу сказать, что во всемъ этомъ виноватъ Войдыйло, а не Ягайло.

— А для чего же Ягайло не обращался за совѣтомъ ко мнѣ,—къ родному своему дядѣ, которому онъ порученъ родителемъ,

а выбралъ себѣ въ совѣтники конюха, холопа, гадину скверную,—для чего это? спрашивалъ настойчиво Кейстутъ.

— Князь батюшка! Ягайло не разуменъ, но онъ добрый, прости ему, прошу тебя. Казни Войдыйлу и тогда увидишь, что со смертью его всѣ козни вражескія кончатся сами собою, говорилъ Витовтъ.

— Витовтъ! я старъ и дряхлъ уже, все что я дѣлаю, то это для тебя, для твоего спокойнаго великаго княженія. За Ягайлу же больше не проси меня, сегодня же я лишу его великаго княженія....

— Заклинаю тебя матушкой—Бирутой, прости и пощади его, настаивалъ Витовтъ.

— Сынъ мой, не гнѣви меня! сказалъ Кейстутъ и заходилъ по комнатѣ.

Но вотъ въ дверяхъ послышались женскіе голоса; толпа бояръ разступилась. Вошла великая княгиня Ульяна Александровна, со своей женской свитой и густо окруженная воинами Кейстута.

— Княгиня была одѣта какъ монахиня; лице ея было истощенное но спокойное. Войдя, она поклонилась и обнялась по родственному съ Кейстутомъ.

— Не гнѣвись, княгиня Ульяна Алесандровна, за то, что я не въ урочный часъ въ гости къ вамъ пожаловалъ; да что же дѣлать? нужда заставила?—сказалъ Кейстутъ.

— Доброму гостю я всегда рада, не чинись, князь Кейстутъ Гедиминовичъ, отвѣчала Ульяна Александровна.

— Не гнѣвись, княгиня, что приказалъ поднять тебя съ постѣли, да дѣло то нужное.... продолжалъ Кейстутъ.

— Не чинись, князь, со мною, отвѣчала Ульяна Александровна.

— Все ли въ добромъ здоровьи поживаешь, княгиня, спросилъ Кейстутъ, привставая и кланяясь ей.

— Милостью Божіей и молитвами угодниковъ Его, живу понемногу, пока Богъ грѣхамъ моимъ терпитъ. Все ли въ добромъ здоровьи ты, князь, поживаешь? спросила, въ свою очередь, Ульяна Александровна, дѣлая легкій поклонъ.

— Благодарствуй, княгиня, какъ видишь, живъ и бодръ пока, отвѣчалъ Кейстутъ. Садись княгиня, гостьей будешь моей, добавилъ онъ, слегка улыбаясь.

Княгиня присѣла.

— Грѣхъ тебѣ, княгиня, обижать меня старика, я вамъ ничего, исключая хорошаго, не сдѣлалъ. Грѣхъ тебѣ забывать завѣтъ своего покойнаго мужа, моего любезнаго брата, великаго князя Ольгерда Гедиминовича. Ты помнишь, княгиня, какъ онъ просилъ тебя о добромъ согласіи между родными; какъ просилъ меня быть вторымъ отцемъ твоему сыну а моему племяннику Ягайлѣ, я далъ въ этомъ ему клятву и свято сдержалъ ее. Но что же ты, княгиня, и твой сынъ сдѣлали со мною? Слушались ли вы меня въ чемъ нибудь? нѣтъ. Да мало того, вы съ сыномъ весь знаменитый родъ нашъ унизили тѣмъ, что выдали племянницу Марью за простаго холопа Войдыйлу, когда я возставалъ противъ этого, вы и слушать нехотѣли, сдѣлали по своему. Что слушать, дескать, старика!.. А не худо бы и старыхъ людей послушать. Вотъ теперь вашъ новый бояринъ Войдыйло такихъ дѣлъ надѣлалъ, что послѣ нихъ вамъ съ сыномъ Ягайломъ оставаться въ Вильнѣ на великомъ княженіи нельзя. Тебѣ вѣдомо, княгиня, какой тайный уговоръ съ нѣмцами заключенъ былъ твоимъ сыномъ Ягайломъ, по наущенію возлюбленнаго зятя Войдыйлы? спросилъ Кейстутъ, княгиню.

— Князь Кейстутъ Гедиминовичъ! Со дня смерти моего мужа, твоего возлюбленнаго брата великаго князя Андрея Гедиминовича,—я удалилась отъ всякихъ дѣлъ по великому княженію; сынъ мой Яковъ, управлялъ самъ княженіемъ, какъ хотѣлъ. Не мѣшалась я въ дѣла мірскія, о другомъ мірѣ помышляю и забочусь. Не все княжить и хлопотать о людскомъ: княженіе и міръ не вѣчны. На старости лѣтъ я захотѣла порадѣть Господу Богу и угодникамъ Его. Дала обѣтъ кончить жизнь свою монахиней въ святомъ градѣ Кіевѣ. Приведи только господь Богъ совершиться этому обѣту. Надѣла я на себя одежду простой монахини и не промѣняю ее ни накакую многоцѣнную парчу. Отрешившись отъ всего, что потѣшаетъ душу человѣка и радуетъ дьявола, я отдалась міру духовному. Хлопочу о благолѣпіи христіанскихъ храмовъ въ Вильнѣ и во всемъ княжествѣ и молю Христа Бога нашего о томъ, что бы онъ милосердный обратилъ въ лоно своей церкви всѣхъ невѣрующихъ въ него.... Каждый день проходитъ у меня въ пѣніи

церковныхъ пѣсенъ и молитвословіи 1), до дѣлъ же мірски
я не касаюсь,—сказала Іуліанія Александровна.

— Такъ ты, княгиня, не знаешь, что сынъ твой и м
племянникъ подписалъ уговоръ съ нѣмцами, чтобы вмѣстѣ
ними погубить меня?

— Клянусь Христомъ,—незнаю, отвѣчала княгиня.

— Ты, княгиня, грамотна и поэтому сама прочти; во
этотъ тайный и безчестный уговоръ на жизнь мою,—сказа
Кейстутъ, подавая княгинѣ пергаментъ.

Витовтъ взялъ пылающій факелъ и началъ свѣтить. Кн
гиня прочитала, и поблѣднѣвъ заплакала. Пергаментъ вы
лился изъ рукъ ея, князь Кейстутъ поднялъ его.

— Не плачь, княгиня, и небойся, я не звѣрь, а свой ро
ной человѣкъ.... Лучше выслушай меня, что я тебѣ скажу, з
мѣтилъ онъ.

— Говори, князь, я слушаю....

— Ты сама во всемъ, княгиня, виновата. Ты избалова
своего сына Ягайлу и сдѣлала его скудоумнымъ; а такой кн
не можетъ самъ править великимъ княжествомъ, ему нуж
совѣтники, а гдѣ много совѣтниковъ, тамъ нѣтъ толку, од
неурядица пойдетъ. Каждый изъ совѣтниковъ будетъ хлоп
тать о себѣ и о своихъ друзьяхъ. Не слѣдовало тебѣ, кн
гиня, стараться вокняжить его на великое наше дѣдовск
княженіе, прославленное громкими дѣлами. Вспомни, княгин
какъ трепетали насъ,—литовско-русскихъ князей, наши сосѣд
какой ужасъ наводили наши дружины на враговъ нашей зем
Отъ моря до моря мы были побѣдителями. Съ каждымъ г
домъ наше великое литовско-русское княжество увеличивало
и крѣпло. Любовь, богатство и свобода царили въ нашей зе
лѣ. Всѣмъ жилось хорошо, какъ христіанину греческаго за
на, такъ и язычнику. Кривичи, литовцы, русины и ятвяги с
ставляли одну родную семью отъ Ковна до Кіева. Сдавало
мнѣ, что сами боги наши хлопочутъ о счастіи нашего княж
ства. Но вотъ вступаетъ на дѣдовскій великокняжескій пр

---

1) Княгиня Іуліанія Алекхсандровна любила очень церковн
пѣніе и имѣла при себѣ громадный женскій хоръ, состоявшій и
придворныхъ боярынь и сѣнныхъ дѣвушекъ.

столъ твой сынъ Ягайло и все пошло прахомъ. Отъ его слабоумія начинается раздоръ семейный. Братья его Андрей и Димитрій бѣгутъ въ Москву, къ князю Димитрію, просить его защиты.... На меня онъ тайно, какъ ночной убійца, поднимаетъ руку и заключаетъ договоръ съ нѣмецкой поганью, чтобы скорѣе извѣсти меня со свѣта. Пусть бы онъ лучше одинъ возсталъ противъ меня, только съ своими подданными, мнѣ не было бы такъ больно какъ теперь. Что говорятъ теперь *бѣлые ястреба* въ Маріенбургѣ о нашихъ семейныхъ дѣлахъ? Эти грабители—крестоносцы, навязывающіе свою латинскую вѣру огнемъ и мечемъ, рады всякой неурядицѣ нашей. Горе и стыдъ мнѣ моего племянника. Свой своего же предаетъ!... О боги мои! я не переживу этого позора; мое сердце никогда, ни при какой опасности не скорбѣло тать какъ теперь.... Родную землю отдавать на грабежъ, разореніе и посрамленіе, врагамъ, которые и безъ того заграбили у насъ Куровъ, Ливовъ и Эстовъ, все поморье? Для этого нужно быть врагомъ родной земли, а не правителемъ ея,—заключилъ престарѣлый Кейстутъ, утирая скатившуюся слезу.

Великая княгиня Ульянія Александровна громко рыдала.

— Князь Кейстутъ Гедиминовичъ, взмилуйся надо мною, прости ты моему сыну Якову, онъ молодъ, глупъ.... Вразуми ты его и постращай;—только молю тебя, не губи его.... Пощади ты меня вдову бѣдную,—говорила княгиня въ рыданіяхъ, опускаясь передъ Кейстутомъ на колѣна.

— Э, полно тебѣ, княгиня, унижаться.... Не срами себя и меня, я не звѣрь, а родной тебѣ,—поспѣшно сказалъ Кейстутъ, подымая княгиню и усаживая возлѣ себя.

— Гдѣ же онъ то.... мой милый сынъ то.... Яшинька то? заливаясь слѣзами, спросила Іуліанія Александровна.

— Не знаю, княгиня, мы его здѣсь не нашли, Богъ вѣсть гдѣ онъ,. отвѣчалъ Кейстутъ.

Княгиня всплеснула руками, и громкій вопль вырвался изъ груди ея.

— Не нашли?! Да гдѣ же онъ, мой свѣтикъ ясный?... Ужъ не наложилъ бы онъ на себя руки?... Ахти мои батюшки, бѣдная я безталанная!...

— Не безпокойся, княгиня, не наложитъ: онъ, мнѣ сдается,

былъ увѣдомленъ о моемъ прибытіи какимъ нибудь измѣннико
и бѣжалъ черезъ подземный ходъ въ антокольскія горы,—то
самый ходъ, по которому скрылся отъ насъ съ Ольгердомъ т
кой же слабоумный братъ нашъ Явнутій; но Ягайлѣ неудаст
скрыться, я послалъ туда кого слѣдуетъ за нимъ. Другими вы
дами нельзя скрыться, вездѣ и всюду мои воины.... Его пр
ведутъ живаго, онъ на свою жизнь не покусится, онъ трусъ
Да и зачѣмъ ему покушаться,—худаго я ему не сдѣлаю. I
мое наказаніе будетъ въ томъ, что я вмѣсто великаго княз
нія отдамъ ему въ княженіе Витебскъ и Крево. На велик
княженіи съ этого часа я самъ до времени остаюсь, п
Ягайло не исправится. Ты, княгиня, съ нимъ отправишь
чтобы учить его уму разуму. Завтра, вмѣстѣ съ нимъ и п
мянницей Марьей, васъ я отправлю пока въ Кревскій замокъ,
говорилъ Кейстутъ неутѣшной Ульяніи Александровнѣ.

— А какъ же храми-то хритіанскіе и монастыри остан
ся въ Вильнѣ безъ моего присмотра? Кто же будетъ рад
о ихъ благолѣпіи? заливаясь слезами, спрашивала благочес
вая княгиня.

— Успокойся, княгиня; не для одной тебя настроено сто
ко христіанскихъ церквей въ Вильнѣ, были они и до те
будутъ и послѣ тебя. Ты ихъ увеличила число, правда;
не забудь, княгиня, что и число христіанъ увеличилось еи
но. Теперь въ Вильнѣ большая половина состоитъ изъ х
стіанъ, нашихъ подданныхъ и гостей русскихъ. Бояре и т
говый людъ замѣнятъ тебя.... У меня въ дружинѣ и при д
рѣ на половину христіанъ наберется, начиная съ оруженс
моего Григорія; такъ чего же тебѣ безпокоиться, княгиня? сп
силъ Кейстутъ.

— А кто же будетъ славить и молить Господа на ме
лѣ моего любезнаго мужа, въ Пречистенскомъ соборѣ?

— Всѣ христіане и духовенство виленское, замѣтилъ К
стутъ.

Боже мой милостивый! разлучаютъ меня съ тѣмъ, что
роже жизни моей.... Увозятъ меня отъ роднаго деревца; от
ваютъ отъ святыни Божіей.... Мати Пресвятая Богород
возьми меня скорѣй туда, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыха
ломая себѣ руки продолжала убитая горемъ, княгиня Іулі

Александровна. Въ этотъ мигъ въ покой съ страшнымъ воплемъ вбѣжала Марія Ольгердовна, Волоса ея были растрепаны; она была почти въ одной рубашкѣ.

— Добрые люди, кто вѣруетъ въ Бога?!.. Спасите защитите.... Мужа моего увели злодѣи.... бьютъ его, спасите его скорѣй, кричала неистовымъ голосомъ Марія Ольгердовна, обращаясь ко всѣмъ.

— Здравствуй, горемычная моя племянница, сказалъ Кейстутъ, обращаясь къ ней: поди сюда и успокойся.

— А дядюжка! Ты здѣсь.... Спаси моего мужа, моего милаго мужа, его утащили отъ меня, ругаютъ его, бьютъ.... Заклинаю тебя небеснымъ царствіемъ, спаси его.... Вѣдь по твоему вѣленью его взяли и потащили, куда, не знаю... Князь-дядюшка, родной ты мой! не оставь мольбы твоей горькой племянницы, недай ты мнѣ опять осиротѣть,—говорила Марія Ольгердовна, упавъ передъ Кейстутомъ на колѣна и обнимая его ноги.

— Встань, несчастная моя племянница, сказалъ Кейстутъ и поднялъ ее: мнѣ жаль тебя, сердце надрывается, видя твою скорбь, но что же дѣлать, вѣрно такое предопредѣленіе самаго Правжиноса,—вѣрно нужно твоему мужу погибнуть отъ лютой казни.... Да ты не плачь и не горюй о немъ, онъ не стоитъ тебя; холопъ безродный не можетъ быть мужемъ природной княгини....

— Дядюшка! дорогой ты мой! Выслушай меня бѣдную горемычную....

— Хорошо, выслушаю, только ты прикройся чѣмъ нибудь, а такъ то неловко.... сказалъ Кейстутъ, указывая ей на обнаженные руки и ноги ея.

— Охъ, дядюшка ты мой милый, не до одежды мнѣ теперь; скорбь затемняетъ и стыдъ женскій и разумъ; вѣдь мужа моего бьютъ.... немилосердно бьютъ, какъ раба, какъ татя ночнаго; гдѣ мнѣ теперь думать объ одеждѣ!....

— Онъ хуже татя ночнаго и виновнѣе его, замѣтилъ Кейстутъ, прикрывая Марію Ольгердовну частью своей ферази.

— Нѣтъ, князь дядюшка.... мужъ мой добрый милый.... Какъ онъ любитъ меня.... какъ хорошо мнѣ жить съ нимъ.... О, умоляю тебя тѣнью моего отца—князя Андрея, спаси ты

моего мужа, не дай ты злымъ людямъ опозорить мою бѣдную голову, не дай врагамъ наругаться надъ тѣмъ, что мнѣ дороже жизни моей, что я цѣловала, миловала.... Дядюшка! Родной ты мой! Не попусти совершиться казни, прости ты его помилуй.... Ушли ты насъ съ милымъ мужемъ, хоть за тридевять земель, въ тридесятое царство, или заставъ насъ съ нимъ быть простыми рабами твоими и служить тебѣ днемъ и ночью.... Заключи ты насъ на всю жизнь въ темную башню, только неразлучай меня съ моимъ дорогимъ мужемъ,—продолжала молить дядю своего Марія Ольгердовна.

— Полно, любезная Марія, плакать: для дяди твоего князя Кейстута не понятна скорбь твоего сердца. Молись и плачь лучше передъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, проси Его, чтобъ онъ милосердный не покинулъ насъ въ тяжкомъ горѣ, сказала Іуліянія Александровна спокойнымъ голосомъ.

— Матушка! Матушка—княгиня! Дорогая ты моя! Ты здѣсь?! всплѣснувъ руками, закричала Марія Ольгердовна и бросилась къ ней на шею.

— Здѣсь, моя милая дочь, прошептала княгиня, прижимая ее къ себѣ.

— Спаси меня.... Спаси моего мужа!... Его увели, его бьютъ Матушка! Дорогая ты моя! Защити меня беззащитную, утѣшь меня не утѣшную. Не дай мнѣ горемычной опять вдовой остаться, говорила Марія Ольгердовна.

— Милая дочь моя, жемчужина ты моя дорогая! не могу я тебѣ теперь ничѣмъ помочь, какъ только посовѣтовать обратиться съ мольбою къ Господу Богу нашему. Онъ услышитъ тебя и помилуетъ. А я уже не великая княгиня, а смиренная монахиня и плѣнница князя трокскаго Кейстута Гедиминовича... Твой братъ Ягайло уже не великій князь, а простой бѣглецъ.... Нѣтъ его голубчика моего; быть можетъ и надъ нимъ издѣваются теперь какъ и надъ твоимъ мужемъ,—отвѣчала Іуліянія Александровна, сквозь слезы.

— Бѣдная я несчастливая!... Дядюшка Кейстутъ! еще разъ умоляю тебя, сжалься ты надомною, надъ бѣдной сиротинкой!... Спаси ты моего мужа, снова бросилась упрашивать своего дядю Марія Ольгердовна.

— Любезная племянница Марія! вотъ тебѣ мое послѣднее

слово: не проси ты меня болѣе за своего мужа, ни слезы, ни вопли не помогутъ тебѣ, твой мужъ будетъ казненъ. Онъ меменя поссорилъ съ племянникомъ Ягайломъ, онъ посѣялъ раздоръ между нами и покушался руками нѣмцевъ на жизнь мою,— онъ одинъ и долженъ поплатиться за все. Васъ же всѣхъ, по вашему слабоумiю, прощаю, а стоилибы вы всѣ смертной казни, но я не звѣрь и все мое наказанiе будетъ въ томъ, что не жить вамъ въ Вильнѣ, не управлять вамъ съ Ягайломъ великимъ литовско-русскимъ княжествомъ, а пробавляться удѣлами витебскимъ и кревскимъ,—заключилъ Кейстутъ.

— Это твое послѣднее слово? спросила Марiя Ольгердовна, бросая на Кейстута молнiеносныя взгляды.

— Послѣднее и неизмѣнное, отвѣчалъ Кейстутъ.

— Дядюшка, передумай!...

— Скорѣе блестящее Сойтвароса солнце потухнетъ, чѣмъ измѣню я рѣшенiю своему....

— Такъ будь же ты проклятъ и въ сей и въ будущей жизни, неистовымъ голосомъ закричала Марiя Ольгердовна, раздирая на себѣ рубашку и бросаясь вонъ изъ покоя.

— Держите и не пускайте ее, сказалъ Кейстутъ своимъ боярамъ.

Приказанiе Кейстута было исполнено, ее задержали.

— Добрые люди, пустите меня, ради Господа! мнѣ тошно, мнѣ больно.... смерть моя!... Я жить болѣе не хочу, рѣка Вилiя близка отъ сюда и глубока, она меня приметъ къ себѣ и убаюкаетъ а шумящiе волны надгробную пѣсню споютъ....Пустите меня, пустите!... кричала она, и сдѣлала нѣсколько судорожныхъ усилiй, чтобы вырваться изъ рукъ бояръ Кейстута.

— Прикройте, бояре, ея наготу-то чѣмъ нибудь, обратилась в. к. Iулiанiя Александровна къ толпѣ бояръ.

Одинъ изъ нихъ снялъ съ себя свою парчевую шубу и надѣлъ на Марiю Ольгердовну.

— Милый, безцѣнный мужъ мой!... гдѣ ты теперь? ужъ живъ ли ты, мой дорогой другъ? Знаешь ли ты, что я несчастная убиваюсь по тебѣ и плачу?... шептала она въ слезахъ и, ослабѣвъ, опустилась на полъ.

— Гдѣ ты, мой любезный сынъ Яковъ! со вздохомъ произнесла Іуліянія Александровна.

— Батюшка, батюшка!! Встань изъ гроба, посмотри на позоръ нашъ и защити насъ отъ кровожаднаго дяди Кейстута,—продолжала шепотомъ Марія Ольгердовна, все болѣе и болѣе ослабѣвая.

— Князь батюшка! Умоляю тебя и заклинаю милостью боговъ нашихъ прости ты Ягайлѣ, вразуми его, но оставь на великомъ княженіи.... Удалю отъ него всѣхъ его совѣтниковъ. Безъ Войдыйлы и другихъ любимцевъ, онъ будетъ править княжествомъ рачительно. О! родитель! прошу тебя, пощади его. обратился Витовтъ къ своему отцу Кейстуту, говоря на литовскомъ нарѣчіи.

— Витовтъ! У тебя доброе сердце; это похвально; но ты мало еще знаешь людей. Позволь мнѣ распорядиться съ Ягайломъ, какъ нужно отвѣчалъ Кейстутъ на томъ же нарѣчіи.

— Твоя воля, князь-Батюшка, а мнѣ жаль Ягайлу. Я казнилъ бы всѣхъ его приближенныхъ и во главѣ ихъ Войдыйлу, но оставилъ бы Ягаилу на своемъ мѣстѣ; не лишая его великаго княженія,— продолжалъ Витовтъ.

Въ это время къ Кейстуту поспѣшно подошелъ оруженосецъ его и любимецъ Григорій Русинъ.

— Ну что? спросилъ его Кейстутъ торопливо.

— Все исполнено, какъ ты приказалъ; великаго князя Ягайлу ведутъ сейчасъ, поймалъ я его тамъ, гдѣ ты указалъ мнѣ, отвѣчалъ Григорій Русинъ, запыхавшись.

— Одинъ онъ былъ?

— Нѣтъ, съ двумя женщинами....

— Кто такіе?

— Незнаю.... Женщины, не смотря на всѣ мои поиски, куда то скрылись.... Окруживъ великаго князя крѣпкимъ карауломъ, я бросился самъ въ погоню и поиски. Малѣйшій шелестъ листовъ заставлялъ меня осматривать каждый кустикъ. Вдругъ слышу людской говоръ и крики: «ну, думаю, вѣрно мои соколики схватили бѣглянокъ»—пускаю лошадь во весь опоръ, разговоръ и крики все яснѣе и слышнѣе дѣлаются. Наконецъ въѣзжаю на Лысую гору и вижу, что нѣсколько нашихъ лит-

никовъ во главѣ съ тѣмъ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, который первый тебѣ, князь, вѣсть принесъ....

— Друальдъ, неслышно прошенталъ Кейстутъ.

— Вѣшають на дерево какого точеловѣка. „Кого вы вѣшаете“? спросилъ я: „боярина Войдыйлу“ отвѣчалъ мнѣ этотъ незвѣстный и затянулъ петлю. Войдыйло началъ биться ногами и захрапѣлъ... продолжалъ Григорій Русинъ.

Услышавъ это, Марія Ольгердовна встала на ноги и выпрямившись во весь ростъ задрожала всѣмъ тѣломъ, лице ее,—и безъ того довольно непривлекательное,—тутъ окончательно исказилось бѣшенствомъ; глаза ея заблестѣли мщеніемъ; поднявъ руки къ верху, она порывалась броситься на Кейстута, но, застонавъ, упала безъ чувствъ на полъ.

— Отнесите эту несчастную въ ея покои и окружите крѣпкимъ карауломъ, приказалъ Кейстутъ своимъ приближеннымъ, указывая на Марью Ольгердовну.

Нѣсколько бояръ подняли ее на руки и вынесли изъ покоя. За ними съ плачемъ, послѣдовали сѣнныя дѣвушки Маріи Ольгердовны.

— А гдѣ же тотъ неизвѣстный человѣкъ, который повѣсилъ Войдыйлу? спросилъ Кейстутъ у Григорія Русина, не желая называть Друальда по имени.

— Повѣсивъ Войдыйлу и, удостовѣрившись что онъ умеръ, этотъ неисвѣстный обратился ко мнѣ и сказалъ: „зачѣмъ пришелъ въ родную Литву, то сдѣлалъ; кланяйся князю Кейстуту, поблагодари за хлѣбъ-соль, и скажи, что я, не мѣшкая ни минуты, иду туда, откуда пришелъ. Съ этимъ словомъ онъ пошелъ и скрылся въ ночной темнотѣ, отвѣчалъ оруженосецъ.

— Такъ онъ его не пыталъ?

— Незнаю....

Въ корридорѣ послышался шумъ и голоса. Въ покой ввели окруженнаго вооруженными людьми в. к. Ягайлу.

Одежда его была запачкана въ глину; лице было блѣдно и испуганно; глаза робко блуждали по разнымъ направленіямъ; волоса на головѣ разтрепаны въ безпорядкѣ.

Великая княгиня Іуліянія Александровна, увидавъ своего любимаго сына въ такомъ положеніи, горько и громко зарыдала.

— Господи! пошли мнѣ смерть, сквозь рыданія, произнесла она.

Витовтъ Кейстутовичъ тоже немогъ удержаться отъ слезъ.

— Здравствуй, дорогой племянникъ, началъ Кейстутъ.

Но Ягайло неотвѣтилъ на привѣтствіе, трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты не бойся меня,—я вѣдь не хищный звѣрь, не гадкій песъ изъ нѣмецкой псарни, а родной твой дядя.... Садись со мною рядомъ и отвѣчай, что я у тебя буду спрашивать: запирательство, лукавство и молчаніе тебѣ не помогутъ. Съ разсвѣтомъ дня ты будешь уже въ Кревскомъ замкѣ и вся Вильна узнаетъ, что на великомъ литовско-русскомъ княженіи сидитъ князь Кейстутъ, а не Ягайло Ольгердовичъ. Дружина и бояре твои у меня въ плѣну, замки Верхній и Нижній въ моемъ повиновеніи находятся; спасеніе твое будетъ только въ томъ, если ты будешь говорить мнѣ всю истину,—не такъ какъ великому князю, котораго ты трепещешь, а какъ родному отцу. Твое раскаяніе ускоритъ мое прощеніе. Садись же и начинай свою исповѣдь, помни, что я все знаю, замѣтилъ Кейстутъ, усаживая Ягайлу рядомъ съ собою.

— Дай ему, князь—батюшко, свой ликъ-то обмыть да оправиться харошенько: гдѣ ему теперь отвѣчать тебѣ, когда онъ смотритъ ровно безумный, сказалъ Витовтъ съ участіемъ.

Кейстутъ изъявилъ на это согласіе.

Но оставимъ пока нашего героя до слѣдующей главы, а обратимся къ несчастной Маріи Ольгердовнѣ.

Когда она очнулась, то на дворѣ уже разсвѣтало.

— Гдѣ мой мужъ? первымъ вопросомъ ея было къ окружающимъ бояришнямъ дѣвушкамъ и воинамъ Кейстута, составлявшимъ стражу Маріи Ольгердовны.

Всѣ молчали и пересматривались между собою.

— Скажите же, немучьте меня, гдѣ мой милый мужъ? снова спросила Марія Ольгердовна.

Одинъ изъ воиновъ Кейстута подошелъ къ ней и указалъ рукою черезъ слюдистое окно на Лысую гору.

— Твой мужъ вонъ виситъ на высокомъ деревѣ, что на Лысой горѣ, сказалъ онъ какъ то особенно злорадостно.

Марія Ольгердовна взглянула въ окно и грохнулась на полъ.

На одной изъ вѣтвей зеленей сосны, на толстой веревкѣ, качался по вѣтру трупъ человѣческій. Это былъ Войдылло: его стерегли воины Кейстута.

ГЛАВА 7-я.

Ягайло въ плѣну.

Въ одной изъ самыхъ обширныхъ и большихъ башень кревкаго замка [1]) былъ заключенъ в. к. Ягайло.

Комната заключеннаго, по тому времени, была отдѣлана очень хорошо и находилась какъ разъ надъ подземельемъ, куда обыкновенно запирали плѣнныхъ. У дверей комнаты стояли воины Кейстута.... Возлѣ окна на скамейкѣ сидѣлъ нашъ герой и грустно смотрѣлъ черезъ окно въ синеватую даль. Все недавно прошедшее казалось ему тяжкимъ сновидѣньемъ.

Мысли его были безпредметны, безсвязны и скоро проходящи. Боль въ сердцѣ, угризеніе совѣсти; раскаяніе въ прошедшемъ и страшная тоска тяжелымъ камнемъ давили нашего героя. По временамъ вспыхивала въ немъ злоба, и тогда онъ начиналъ кусать свои губы и стучать руками по оконному простѣнку, но злоба скоро уступала мѣсто отчаянію. Иногда онъ начиналъ дремать, но въ просонкахъ грезилось ему все ужасное и тревожное;—сладкій сонъ—утѣшитель бѣжалъ отъ него.

„Зачѣмъ я послушался Войдыйлу и заключилъ такой безчестный уговоръ съ нѣмцами?... Жилъ бы я теперь спокойно въ Вильнѣ и княжилъ бы, какъ хотѣлось, не мѣшаясь въ дядины дѣла.... А вотъ теперь и сокрушайся сердцемъ и дрожи отъ позора передъ всякимъ холопомъ“.... думалъ Ягайло, и горькія слезы выступали на глазахъ его.

Видитъ онъ изъ окна, какъ въ воздухѣ синемъ летаютъ и купаются вольныя птицы и еще тяжелѣе дѣлается у него на душѣ.

— „Лѣтаютъ они, куда хотятъ, запрету нѣтъ имъ ни въ чемъ, они на волюшкѣ, не такъ какъ я несчастный“, произнесъ Ягайло самъ себѣ подъ носъ, забывшись что его слышатъ.

---

1) Полное описаніе кревскаго замка читатель найдетъ ниже, въ главѣ „смерть Кейстута“. (Авторъ).

На горизонтѣ въ это время начали собираться черныя тучки заблѣстѣла змѣйками молнія и слышались глухіе далекія раскаты грома.

Нашъ плѣнникъ еще съ самаго ранняго дѣтства боялся молніи и грома, потому приближающаяся гроза заставила его отойти отъ окна и лечь на лежанку.

Съ языка его чуть чуть не сорвалось. „Войдыйло, укутай мою голову“, но, вспомнивъ, что онъ уже потерялъ—своего любимца, перекрестился нѣсколько разъ, прочитавъ въ слухъ“ Святъ, святъ Господь Богъ проч.»; и самъ укуталъ свою голову въ толстое одѣяло; уши зажалъ онъ пальцами, чтобы не слышать ударовъ грома.

Въ такомъ положеніи онъ крѣпко заснулъ.

Но пусть его спитъ, пусть ему снятся сладкіе грезы, а мы должны вернуться нѣсколько назадъ, чтобы расказать читателю подробности ареста Ягайлы и его любимца Войдыйлы.

Спровадивъ Ягайлу и Пояту въ подземный ходъ, Друальдъ снабдилъ ихъ горящими свѣтильниками и, разсказавъ какъ идти, простился съ ними и ушелъ.

Герой и героиня наши съ большимъ трудомъ но благополучно миновали подземный ходъ и робко вышли въ антокольскія горы. Свѣтильники были потушены при выходѣ ихъ изъ подземелья. На камнѣ отваленномъ отъ выхода, сидѣла какая то человѣческая фигура.

— Поята, ты? полушепотомъ спросила женскимъ голосомъ сидѣвшая фигура на камнѣ.

— Я.... А ты кто? робко спросила Поята.

— Бармида, отвѣчала она, вставая съ камня.

— Мать моя?!..

— Да, винюсь тебѣ теперь, что я твоя мать.

Дай же обнять тебя, моя жемчужина, моя радость и мое горе, сказала Бармида, привлекая Пояту въ свои объятія.

— Матушка, матушка! Родная ты моя!... Такъ я не безродная?... О, мое сердце давно шептало, что ты мать моя, но я не вѣрила ему, теперь вотъ ты сама сказала мнѣ,—говорила Поята, рыдая на груди у своей матери.

— Удержи на время твои слезы, наговоримся мы съ тобою еще, моя милая дочь, на свободѣ въ волю, а теперь нуж-

ю подумать о спасеніи и бѣгствѣ твоего милаго князя Ягайлы,—замѣтила Бармида и, обратившись къ нему, сказала: помнишь, великій князь, какъ нѣкогда въ храмѣ Мѣдзіойны я предрекла тебѣ, что мы съ тобой увидимся у отверстія изъ подземельнаго хода, черезъ который бѣжалъ твой дядя Евнутій?

— Да, помню.... Это ты самая и есть!... То то ты такъ похожа на Пояту, отвѣчалъ Ягайло.

— Тебѣ я еще хотѣла открыть очень многое, да такого о чемъ ничего не знаешь....

Да, да.... помню, помню....

— Ну садитесь возлѣ меня оба и отдохните, теперь мы пока еще въ безопасности. Но наступитъ день и вамъ обоимъ нужно будетъ скрываться отъ глазъ человѣческихъ....

Поята и Ягайло сѣли возлѣ Бармиды.

— Почему же ты знала мое будущее? спросилъ ее Ягайло.

— Я видѣла предопредѣленіе отца нашего Прамжиноса, начертанное на камнѣ жизни, отвѣчала Бармида.

— А не знаешь ли, что будетъ впередъ?

— Знаю....

— Говори скорѣе.... Ради Пояты говори скорѣй....

— Ты будешь изгнанникомъ въ Витебскѣ, потомъ снова вернешься въ Вильну и будешь на отцовскомъ престолѣ княжить, отвѣчала Бармида.

— Кто же меня изгонитъ въ Витебскъ? спросилъ Ягайло у Бармиды.

— Князь Кейстутъ, послышался чей то голосъ въ кустахъ и въ тоже время Ягайло былъ окруженъ вооруженными людьми.

— Кто тутъ? что за люди? испуганно закричалъ Ягайло вскакивая на ноги.

— Слуги князя Кейстута, отвѣчалъ Григорій Русинъ, зажигая головню.

— Что вамъ отъ меня нужно? продолжалъ спрашивать Ягайло.

— Взять и представить живаго къ нашему князю Кейстуту Гедиминовичу....

— Зачѣмъ....

— Да ужъ не знаю.... Ты великій князь Яковъ, не гн
вись на меня за то, что я поведу тебя къ князю.... Наше д
ло холопское, что укажутъ то и дѣлай.... Твори волю посла
шаго, прибавилъ Григорій Русинъ.

Ягайло обратилъ взоръ свой въ ту сторону, гдѣ сидѣ
Бармида и Поята, но ихъ уже не было.

— Гдѣ же онѣ? вырвалось у него съ языка.

— Кто? спросилъ оруженосецъ Кейстута.

— Да вотъ.... тутъ сидѣли, двѣ женщины со мною...

— Двѣ женщины? Да, про нихъ я и забылъ, ну, братц
въ погоню за ними, всѣ кусты осмотрите, приказалъ Григорі
Ѳмулевичъ своимъ воинамъ.

Нѣсколько латниковъ зажгли головни и бросились на поис
ки за бѣглянками.

— Кто сказалъ тебѣ, что я здѣсь нахожусь? спросилъ
Ягайло у оруженосца Кейстута.

— Самъ князь нашъ, Кейстутъ Гедиминовичъ....

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ твоемъ, покоѣ, ждетъ тебя, великій князь....

— Я не пойду къ нему, сердито и настойчиво проворчалъ
Ягайло.

— Я силой тебя потащу, замѣтилъ Григорій Русинъ.

— Да развѣ ты, халопъ негодной, смѣешь силой брать меня, великаго князя?

— Я беру тебя повелѣніемъ великаго князя Кейстута.

Ягайло нахмурилъ брови и замолчалъ.

— Я самъ къ нему приду и безъ присмотра твоихъ латниковъ, сказалъ онъ.

— Великій князь, не гнѣвись на меня, что я исполню волю моего князя въ точности, замѣтилъ Григорій Русинъ.

— Я тебя одарю богатыми парчами.... Дамъ тебѣ любаго коня съ моей великокняжеской конюшни; только пусти ты меня на свободу.... Я самъ явлюсь къ дядѣ моему Кейстуту....

— Не нужно мнѣ ничего отъ тебя, великій князь. Будь только милостивъ, не доводи до насилія.... Ступай съ нами къ нашему князю, а твоему дядѣ.

— Я подарю тебѣ нѣсколько угодьевъ, владѣй ими вѣчно и непорушно, только пусти меня, жалобно простоналъ Ягайло.

— Немогу, князь, видитъ Богъ, не могу....

— Возьми мой жемчугъ, мои всѣ камни и драгоцѣнную утварь, и позволь мнѣ одному идти въ замокъ....

— Не трать, великій князь, попусту словъ, этого сдѣлать я не могу.... Соизволь пойти лучше да поскорѣе, твой дядя а нашъ князь Кейстутъ Гедиминовичъ—не звѣрь лютый, не бойся, добродушно уговаривалъ Григорій.

— А Витовтъ тамъ? спросилъ Ягайло.

— Тамъ, онъ также ждетъ тебя, отвѣчалъ оруженосецъ Кейстута.

Много стоило труда Григорію Русину уговорить Ягайлу слѣдовать за нимъ. Наконецъ, изнуренный и испуганный, нашъ герой отправился въ нижній виленскій замокъ. Его окружали крѣпкой цѣпью воины Кейстута. Григорій Русинъ, сдавъ на руки свою добычу, бросился за двумя бѣглянками.

Читатель знаетъ, какъ онъ наткнулся на Друальда, а поэтому теперь посмотримъ, какъ этотъ послѣдній арестовалъ Войдыйлу.

Беззаботно и сладко спалъ въ эту ночь Войдыйло въ объятіяхъ своей супруги, ни сколько не подозрѣвая, что надъ нимъ нависла грозная туча. Когда постучался въ двери спальни его каморникъ в. к. Ягайлы, то Войдыйло спалъ крѣпко и проснулся только тогда, когда Марія Ольгердовна спросила: кто тамъ?

— Каморникъ великаго князя, Якова Андреевича, проситъ боярина сейчасъ къ нему пожаловать, отвѣчалъ голосъ за дверями.

— Зачѣмъ? спросилъ проснувшійся Войдыйло.

— Незнаю....

Войдыйло хотѣлъ было встать съ постели, но Марія Ольгердовна его удержала.

— Куда ты милый мой? сказала она, обнимая его.

— Зоветъ.... нельзя нейти.... промычалъ Войдыйло.

— Скажи, что нейдешь....

— Нельзя, моя дорогая....

— Можно и должно. Что Это братъ Яковъ выдумалъ ночью тревожить тебя, да и какіе такіе спѣшные дѣла у него, чтобы добрыхъ людей поздной ночью подымать съ постѣли? Не-

пущу я тебя, вотъ и все,—говорила Марія Ольгердовна, прижимая мужа къ своей груди.

— Гнѣваться будетъ, замѣтилъ Войдыйло.

— Не смѣетъ....

— Боюсь....

— Ну, останься, не ходи, прошу я тебя, милый ты мой заключила Марія Ольгердовна поцѣлуемъ, который обжогъ его уста.

— Скажи что не пойду, закричалъ онъ каморнику и бросился цѣловать свою жену.

— Ну, вотъ спасибо тебѣ, мое красное солнышко, сказала она, лаская своего мужа.

Каморникъ ушелъ.

— Радость! счастье мое! жизнь моя, шептала Марія Ольгердовна, цѣлуя своего милаго.

— А крѣпко ты меня любишь? спросилъ Войдыйло у своей жены.

— Ужъ такъ крѣпко, такъ крѣпко, что я и сказать тебѣ не могу, отвѣчала она.

— А все перваго мужа ты больше любила!?!..

— Ну нѣтъ: моего перваго мужа Бориса я точно любила, но не такъ какъ теперь тебя люблю.... Ахъ ты ненаглядный мой! сказала Марія Ольгердовна, снова охватывая его своими руками.

Въ это время, вторично кто то постучался въ дверь, да такъ сильно, что Войдыйло подумалъ, что идетъ самъ в. к. Ягайло и поспѣшно и ласково спросилъ: кто тамъ?

Но отвѣта не послѣдовало.

„Ну такъ и есть, самъ князь Ягайло пришелъ", подумалъ Войдыйло, и, надѣвъ на себя что первое попало ему подъ руку, пошелъ и отперъ дверь.

— Кто тутъ? снова спросилъ онъ, отворивъ тверь и зажигая свѣтильникъ.

— Мертвецъ! отвѣчалъ Друальдъ, появляясь съ факеломъ на порогѣ спальни.

Марія Ольгердовна, услыхавъ это, вскрикнула, а Войдыйло чуть чуть не выронилъ изъ своихъ рукъ пылающаго свѣтильника.

— Какъ мертвецъ? какой мертвецъ? спросилъ онъ и затрясся отъ неожиданности.

— А тотъ котораго ты на тотъ свѣтъ отправилъ. Помнишь, на развалинахъ Пилоны? сказалъ Друальдъ, и поднявъ забралю шлема своего, спросилъ: ну что узнаешь ли ты меня?

Войдыйло понесъ свѣтильникъ къ лицу Друальда и, выровнявъ его, хотѣлъ закричать, но отъ испугу голосъ пропалъ; онъ только могъ произнести шопотомъ: Друальдъ!?...

— Онъ самой, отвѣчалъ Друальдъ,—онъ пришелъ съ того свѣта расправиться съ тобою за старую обиду....

Войдыйло давно увѣренъ былъ въ смерти Друальда, и по своему суевѣрію, убѣжденъ былъ, что видитъ передъ собою дѣйствительно мертвеца. Волоса на его головѣ встали буквально дыбомъ, кровь застыла въ жилахъ, въ глазахъ померкъ свѣтъ Божій, и Войдыйло какъ снопъ рухнулъ на полъ.

Марія Ольгердовна начала метаться на постѣли, креститься, читать молитву, звать прислугу и визжать что есть мочи.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! кричала она.

— Не призывай Бога по напрасну, и знай что я не съ того свѣта выходецъ, а, какъ ты сама, еще живъ пока. Твой мужъ хотѣлъ меня отправить въ жизнь вѣчную, да добрыя люди спасли меня,—сказалъ Друальдъ, обратившись къ Маріи Ольгердовнѣ.

— Исчезни, нечистая сила, шептала она внѣ себя отъ испуга.

— Сила то моя теперь сила, это правда, только не нечистая а великаго князя Кейстута, который овладѣлъ виленскими замками и приказалъ мнѣ повѣсить твоего возлюбленнаго мужа, продолжалъ Друальдъ.

— Повѣсить? какъ повѣсить!? закричала она неистовымъ голосомъ, удостовѣрившись наконецъ, что не съ покойникомъ имѣетъ дѣло.

— Вѣшаютъ извѣстно какъ: въ петлю да и на дерево...! отвѣчалъ Друальдъ.

Да кто же смѣетъ повѣсить моего мужа, чья голова рѣшится взяться за это дѣло; чьи руки дерзнутъ прикоснуть-

ся къ моему мужу? грозно спросила Марія Ольгердовна, дыная руки къ верху.

— Я, моими руками повѣшу твоего любезнаго му да и петлю затяну покрѣпче. Небезпокойся, княгиня,—т услужу твоему мужу, что ни дохнетъ ни разу,—говорилъ злорадствомъ Друальдъ

Въ глазахъ Маріи Ольгердовны сверкнуло бѣшенство.

— Ахъ ты холопъ скверный! Съ кѣмъ ты такую дерз рѣчь ведешь? Ты забылъ, собака, что передъ тобой род сестра великаго князя Якова.-Ницъ передо мной, на колѣна, колѣна, холопъ презрѣнный!—бей чоломъ мнѣ о прощеніи! зала она.

— Княгиня! ступай! и проси своего дяди,—великаго к зя Кейстута о помилованіи своего мужа и челобитной на ня; но знай: что мнѣ приказано сдѣлать, я сдѣлаю, какъ у но князю Кейстуту,—и мѣшкать не буду. Сказавъ это, Д альдъ хлопнулъ три раза въ ладоши, въ комнату посп вбѣжали воины Кейстута, съ горящими факелами.

При этомъ Войдыйло очнулся и началъ подниматься ноги.

— Что вы за люди? спросилъ онъ, обводя всѣхъ мут ми глазами.

— Что, забылъ, видно, меня? лукаво спросилъ у него Д альдъ.

— Друальдъ!? Ты живъ?...

— Слава Богу, живъ... А тебѣ крѣпко хотѣлось бы бы я былъ мертвой?

— Нѣтъ, я такъ....

— Полно, не хитри, поздно.... Ты меня непомиловалъ да, теперь я непомилую тебя. Великій князь Кейстутъ Г миновичъ провѣдалъ о томъ, что ты научилъ слабоумнаго зя Ягайлу заключить тайный уговоръ съ нѣмцами противъ Уговоръ этотъ въ его рукахъ, тебя какъ перваго виновника этомъ дѣлѣ, онъ велѣлъ повѣсить. Пощады не будетъ,— ключилъ Друальдъ.

— Я плюю и на тебя и на твоего князя Кейстута, в нимъ мнѣ не страшны, нужно спросить сперва великаго

за Ягайлу будетъ ли онъ согласенъ повѣсить меня,—отвѣчалъ Войдыйло, немного оправившись.

— Поздно его спрашивать; великій князь теперь Кейстутъ, а не Ягайло; замки верхній и нижній—въ рукахъ Кейстута ...

— А дружина?...

— Перевязана и заперта....

— Что это? сонъ что ли такой я вижу или?...

— На яву видишь, договорилъ Друальдъ за него.

Войдыйло понялъ, что конецъ его насталъ, онъ поблѣднѣлъ, на лбу выступилъ холодный потъ.

— А гдѣ твой сообщникъ, витязь Лисица? спросилъ его Друальдъ.

-- Должно быть въ замкѣ, гдѣ нибудь.... Хочешь я проведу тебя къ нему, ласково сказалъ Войдыйло.

— Нѣтъ, спасибо тебѣ, бояринъ.... Ну, бояринъ, гнѣвись—не гнѣвись, а пойдемъ съ нами, продолжалъ Друальдъ.

— Куда? спросилъ Войдыйло.

— На Лысую гору....

— Зачѣмъ?...

— Что бы повѣсить тебя....

— Веди меня самого къ князю Ягайлѣ; безъ этого я тебѣ не дамся....

— Его нѣтъ, онъ бѣжалъ чрезъ подземный ходъ....

— Бѣжалъ? Ну такъ къ князю Кейстуту, сказалъ Войдыйло: ступай и ты Марья, добавилъ онъ, обращаясь къ женѣ своей.

— Пойдемъ, тамъ я научу холопа почитать меня, замѣтила гордо Марія Ольгердовна.

— Нѣтъ, бояринъ, тебѣ къ князю Кейстуту ходить незачѣмъ, не приметъ онъ тебя на свои ясныя очи, гадокъ ты ему и противенъ. Вотъ княгиня, другое дѣло, ей онъ будетъ радъ.... Пусть она сходитъ и попроситъ его за тебя, а мы здѣсь обождемъ, сказалъ Друальдъ.

— Я сейчасъ сбѣгаю и упрошу дядю, сказала Марія Ольгердовна, накидывая на себя душегрѣйку.

— Не ходи, они убьютъ меня, промычалъ жалобно Войдыйло. Тебя не смѣютъ убить, ты мужъ мой, эти ратные люди

изъ дружины Кейстута, а Кейстутъ дядя мой, отвѣчала Марі: Ольгердовна.

— Не ходи, прошу тебя, повторилъ Войдыйло.

— Ступай и проси: князь Кейстутъ добрый, онъ проститт твоего мужа, сказалъ Друальдъ.

— И вправь, вы безъ меня его убить хотите, ну такъ н(пойду, сказала Марія Ольгердовна, окидывая всѣхъ безпокой ным взглядомъ.

— Пойдемте всѣ вмѣстѣ къ князю Кейстуту, заключилт Войдыйло: тамъ я тебѣ гудошнику покажу, какъ издѣватьс: надо мной, самонадѣянно и дерзко проговорилъ Войдыйло, обращаясь къ Друальду.

— Ты мнѣ покажешь? Забавно! Измѣнникъ родной земли хочетъ показать, что надъ нимъ издѣваться нельзя!... Ха, ха, ха!... Да вспомни, какъ ты былъ въ пекарнѣ слугою, а потомъ и называй меня гудошникомъ,—отвѣтилъ Друальдъ.

Войдыйло хотѣлъ сказать что то, но, ни слова не сказавъ, плюнулъ прямо въ лице Друальда.

— Вотъ тебѣ, поганая собака, проговорилъ онъ весь побагровѣвъ отъ злости.

Друальдъ вытеръ лице свое рукою и что есть силы махнулъ по щекѣ Войдыйлу. Марія Ольгердовна вскрикнула и бросилась на Друальда.

— Княгиня! я сильнѣе тебя, прошу не трогать меня, замѣтилъ ей Друальдъ и, обратившись къ воинамъ Кейстута сказалъ: половина васъ окружите Марію Ольгердовну и отведите ее къ нашему князю Кейстуту, а другая половина пойдемте со мною; вотъ подсобите мнѣ взять боярина Войдыйлу.

Этому не бывать, закричала Марія Ольгердовна, бросаясь на латниковъ Кейстута, окружившихъ Войдыйлу.

Но, несмотря на ея вопли и слезы, Войдыйлу увели. Она хотѣла броситься вслѣдъ за нимъ, но ее не пустили и только спустя нѣсколько времени проводили къ Кейстуту. Войдыйло умеръ, какъ подлый трусъ. Дорогой онъ умолялъ Друальда отпустить его на волю, обѣщаясь за это отдать ему всѣ свои и женины сокровища. Ничто не помогло, Друальдъ его повѣсилъ. Трупъ Войдыйлы въ примѣръ и назиданіе другимъ висѣлъ цѣлую недѣлю, его стерегли воины Кейстута.

Теперь снова обратимся къ оставленному нами въ кревской башнѣ Ягайлѣ.

Гроза прошла, небо расчистилось, удары грома замолкли, а онъ спитъ крѣпкимъ сномъ. Благодаря грозѣ, онъ легъ на постель, укутался и забылся.

Не чудятся ему теперь разныя ужасы, а, напротивъ, сладкіе грезы унесли его въ поднебесную. Горькая дѣйствительность забыта. Онъ живетъ въ мірѣ призрачномъ. Себя онъ видитъ въ коронѣ прадѣдовской, красной мантіи; дружина его съ нимъ. Возлѣ себя онъ видитъ любимца своего Войдыйлу и Пояту. Опять онъ властитель всего литовско-русскаго княжества, опять душа его спокойна и сердце бьеться нормально. Иллюзія полная и роскошная.

Но увы! не надолго герой нашъ забылся въ сладкомъ снѣ. Къ вечеру того дня прибыла въ кревскій замокъ в. княгиня Іуліанія Александровна и сейчасъ же пожелала видѣть своего любимаго сына Якова.

Увидѣвъ его спящимъ, она начала будить его.

— Яша, Яшинька, милый ты мой! проснись, говорила она, съ легка толкая его въ плечо.

Онъ открываетъ глаза и долго неможетъ представить себѣ, гдѣ онъ.

— Матушка! родная ты моя! кричитъ Ягайло сваливаясь изъ поднебесья на землю.

Мать и сынъ бросились въ объятія другъ друга, и въ комнатѣ послышались громкія рыданія.

— Сынокъ мой злополучный! говорила в. княгиня Іюліанія Александровна, цѣлуя его. Не далъ тебѣ Господь Богъ счастливо покняжить; пришлось черезъ людей позоръ терпѣть.... Ну что дѣлать, вѣрно угодно Господу наказать насъ. Унывать и тѣшить черезъ сіе дьявола не нужно; Господь Богъ кого любитъ, того и наказуетъ; терпѣть нужно, ты вспомни Іова многострадальнаго....

— Помню, матушка, помню, сквозь слезы отвѣчалъ Ягайло.

— Дядя Кейстутъ,—пошли ему Господь здоровья, отпустилъ насъ съ подобающимъ почетомъ: кланяться тебѣ велѣлъ.... Изъ добра нашего ничѣмъ не попользовался; даже всѣхъ нашихъ

вѣрныхъ слугъ отпустилъ съ нами въ Витебскъ, сказала Юліанія Александровна.

— Какъ!? въ Витебскъ? спрсси́лъ Ягайло, забывая мѣсто назначенное ему для изгнанія.

Такъ, со вздохомъ отвѣчала Іуліанія Александровна, дядя твой Кейстутъ, милуетъ тебя за твои сношенія съ нѣмцами и, лишивъ тебя великаго княженія въ русско-литовской землѣ, отдаетъ тебѣ на княженіе витебскій удѣлъ и кревскій замокъ, со всѣми землями и угодьями къ нему принадлежащими.... Теперь мы уже не плѣнные, а на своей землѣ, въ кревскомъ замкѣ, сейчасъ соберется дружина твоя и придетъ къ тебѣ....

Ягайло бросилъ взглядъ на дверь, гдѣ стояли воины Кейстута, но ихъ уже не было. Присланный нарочно отъ князя Кейстута воевода удалилъ отъ Ягайлы всѣхъ своихъ латниковъ обратно въ Вильну и повелѣлъ кревской дружинѣ остаться въ замкѣ и повиноваться князю Ягайлѣ. Дружину эту пополнили много бояръ царедворцевъ, оставшихся вѣрными Ягайлѣ и изъявившихъ желаніе служить и далѣе ему же. Кейстутъ этому не препятствовалъ, даже, напротивъ, поощрялъ и ободрялъ вѣрныхъ.

Все что принадлежало покойному Ольгерду, его вдовѣ Іуліаніи Александровнѣ и ея сыну Ягайлѣ, Кейстутъ выдалъ все до ниточки. Кревскій замокъ переполнился и оживился такимъ многолюднымъ наплывомъ, какого давно не запомнилъ. На дворѣ и вокругъ замка стояли во множествѣ навьюченные повозки и паслись стада лошадей.

— А гдѣ Войдыйло? спросилъ Ягайло у своей матери.

— Войдыйло повѣшенъ, отвѣчала Іуліанія Александровна и въ слезахъ пояснила ему все дѣло.

— А сестра Марія гдѣ? спросилъ Ягайло послѣ нѣкотораго молчанія.

— Здѣсь, въ замкѣ, со мною пріѣхала, еле дышетъ.... Ужъ такъ скорбитъ, такъ убивается, что и сказать нельзя,—говорила Іуліанія Александровна.

— А отецъ архимандритъ Давидъ?...

— Здѣсь, пріѣхалъ со мною.... Всю дорогу онъ утѣшалъ меня грѣшную словомъ Божіимъ; безъ него я помѣшалась бы отъ

горя... Да вотъ онъ и самъ идетъ,—сказала Іуліанія А. сандровна, указывая на входящаго архимандрита Давида.

— Въ рукахъ святого старца находилась икона Спас и. Подойдя къ Ягайлѣ онъ благословилъ его образ

— Князь Яковъ! твое сердце переполнено скорбью. е иной разъ порождаетъ въ человѣкѣ злобу, отчаяніе и ованія на судьбу свою. А все сіе тѣшитъ и радуетъ ану,—врага рода человѣческаго. Это противно Господу ему Іисусу Христу и недостойно христіанина. Будь тве душею и, въ благоговѣйномъ смиреніи, обратись съ теп молитвою къ Тому, который сказалъ: «пріидите ко мнѣ труждающіися и обремененные и Азъ упокою вы»,—пр ерилъ съ чувствомъ архимандритъ Давидъ.

В. к. Ягайло упалъ передъ иконою на колѣна и, г и зарыдавъ, началъ молиться.

ГЛАВА 8-я.

На курганѣ Витенеса.

По правой сторонѣ теченія рѣки Виліи, въ 8 верстахъ ильны, на крутомъ берегу, находятся *Верки*.

В. князь Витенесъ зачастую посѣщалъ эту очаровательную м сть и тамъ съ вершины высокой горы, поросшей столѣтними д и, по цѣлымъ часамъ любовался великолѣпною панорамою. I ращаясь однажды въ Керново съ охоты, онъ заѣхалъ отд ть на эту гору, съ которой былъ видимъ дымъ выходя оробомъ изъ виленскаго ромнова. Въ безмолвномъ созерц хитительныхъ видовъ, слышитъ князь продолжительный п бенка, гдѣ то не подалеку отъ него. Посланный его раз ать, гдѣ и чей этотъ ребенокъ, приноситъ ему плачущаго гр го мальчика и говоритъ, что нашелъ его въ орлин ѣздѣ. Витенесъ отсылаетъ его жрецамъ въ виленское Р вэ и этотъ ребенокъ дѣлается въ послѣдствіи—криве-кри мъ, подъ именемъ Лиздейко. Мѣсто же было названо В и, что по литовски значитъ плачь.

Это преданіе записано Стрыйковскимъ и, конечно, п адлежитъ къ числу вымысловъ языческаго міра, любивш олько чудесное и сверхъестественное.

Мы представляемъ читателю другую гипотезу о томъ, почему любимая мѣстность князя Витенеса, была названа *Верки*. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Веркахъ, на площадкѣ горы, находился большой курганъ мѣшавшій возводимымъ постройкамъ. Когда начали разрывать его, то нашли человѣческій оставъ; различныя богатыя украшенія и древнее оружіе. Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, можно сказать утвердительно, что курганъ этотъ есть могила какого нибудь знатнаго литовскаго кунигаса, любимаго и почитаемаго своимъ народомъ,—смерть котораго была оплакана литовцами, отъ чего и самая мѣстность названа *Верки*, что, повторяю, по литовски значитъ: плачь.

Но кто же этотъ, кунигасъ? Народное преданіе связываетъ эту мѣстность съ именемъ Витенеса; изслѣдуемъ мимоходомъ—могъ ли онъ быть здѣсь погрѣбеннымъ?

Литовскихъ языческихъ князей, хоронили преимущественно на самыхъ высокихъ мѣстахъ [1]) вблизи рѣки, ручья или озера.

Мѣстность Верки самая высокая, господствующая надъ всѣми окрестностями; у подошвы горы протекаетъ рѣка Вилія.

Кунигасовъ хоронили и тамъ, гдѣ они еще при жизни выбирали себѣ мѣсто вѣчнаго успокоенія, или которое болѣе всѣхъ имъ нравилось. В. князь Витенесъ любилъ эту мѣстность и никогда не проѣзжалъ мимо ея, чтобы не отдохнуть на этой горѣ.

Человѣческій оставъ, а также доспѣхи и все, найденное въ курганѣ, не были сожжены, небыло также и жальника (урны). Оставъ лежалъ во всю длину человѣческаго роста. В. князь Витенесъ былъ убитъ громомъ, а подобныхъ мертвыхъ не сожигали на святомъ кострѣ, считая ихъ и безъ того чистыми; такъ какъ человѣкъ умершій отъ грома, по языческимъ вѣрованіямъ, соединялся съ небомъ.

Принимая все это въ соображеніе, нельзя недопустить ипотезу, что литовцы, похоронивъ на площадкѣ горы обожаемаго князя Витенеса и насыпавъ высокій курганъ, надъ его могилою, назвали эту гору: мѣстомъ плача.

Но будемъ продолжать нашъ романъ.

---

1) Чтобы скорѣе и легче можно было взобраться на колнасъ вѣчной радости.

Въ роковую ночь ареста нашего героя, въ Веркахъ по площадкѣ горы, гдѣ высился могильный курганъ Витенеса, бродили двѣ человѣческія тѣни, говоря между собою о чемъ то и прислушиваясь по направленію рѣки Виліи. Сначала, по случаю ночной темноты, нельзя было узнать, кто эти люди, но потомъ, когда черезъ верхушки деревъ пробился свѣтъ восходящаго мѣсяца, тѣни приняли правильныя очертанія двухъ жрецовъ: это были криве-кривейто Лиздейко и кривейто Гонтвидъ.

Оба они ходили и высказывали нетерпѣніе.

Ночь была тихая, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣтовъ.

Вотъ уже и лаума засеребрила своими лучами землю, а Барниды нѣтъ, сказалъ Лиздейко, съ трудомъ передвигая ноги отъ старости лѣтъ.

Придетъ и приведетъ твою дочь; Друальдъ не даромъ взялся за это дѣло, замѣтилъ ему Гонтвидъ.

— Друальдъ! Друальдъ! Какимъ ужаснымъ ядомъ отравляется слухъ мой, при названіи этого имени, продолжалъ Лиздейко.

— За что ты такъ золъ на него?....

— За измѣну его нашей вѣрѣ, нашему завѣту, нашему родному краю....

— Полно гнѣваться, мой отецъ; Друальдъ былъ намъ во многихъ дѣлахъ полезенъ прежде, будетъ и теперь....

— Что было прежде, того не воротишь, а теперь у слугъ отъ христіанина я не хочу и проклинаю его,—сердито заключилъ Лиздейко.

— Отъ твоего проклятія ему ни тепло ни холодно,—замѣтилъ Гонтвидъ: Друальдъ увѣровалъ въ Христа и принялъ крещеніе, но это ему нисколько не мѣшаетъ спасать свою родину отъ враговъ ея: за одно спасеніе нашего кормителя Кейстута ему нужно все простить....

— Вотъ это то меня и удерживаетъ, а то быть бы ему на днѣ Виліи, въ мѣшкѣ съ кошками и змѣями....

— Криве-кривейто, ты мудрый человѣкъ, а не хочешь понять, что мертвое тѣло разлагается. Оно заражаетъ зловоніемъ воздухъ, если его не уничтожить черезъ сожженіе. Въ глубокой древности, когда дѣды наши еще были на востокѣ,—на-

родъ не приписывалъ сожженію мертваго тѣла священнаго очищенія грѣховъ, а заботился только о томъ, чтобы умершіе неоставлялись на землѣ на волю дикимъ звѣрямъ и потѣху слабоумнымъ людямъ; ихъ сожигали ради очищенія воздуха, мы же сожигаемъ ради очищенія грѣховъ. Что прежде было такъ просто и ясно, нынѣ все подернуто туманомъ обоготворенія, почитанія и поклоненія. Подъ однимъ солнцемъ живутъ люди разныхъ вѣръ, и всѣхъ оно грѣетъ ровно безъ различія. Но теплѣе и свѣтлѣе всѣхъ христіанамъ, потому что ихъ вѣра есть истина.

Мы язычники боготворимъ то, что создано христіанскимъ Богомъ, такъ не удивительно, что наши язычники бросаютъ поклоненіе чурбанамъ и принимаютъ крещеніе.... Наша вѣра уподобляется теперь мертвому человѣку; который не сожженъ, а самъ разлагается.... Хорошо было если бы сожгли этотъ трупъ и тѣмъ прекратили зловоніе, отъ него распространяющееся, а съ этимъ вмѣстѣ и уничтожили вещественную память о немъ; но теперь этого долго не дождаться: Кейстутъ не позволитъ восторжествовать христіанской вѣрѣ. Мертвому трупу долго еще придется заражать воздухъ своимъ зловоніемъ и дожидаться того времени, пока сама святая истина не уничтожитъ его,— сказалъ Гонтвидъ, поддерживая криве-кривейто.

— Ахъ, Гонтвидъ? Если бы я не любилъ тебя, ты давно бы былъ на днѣ рѣки Виліи, но я за твою ко мнѣ преданность прощаю тебя.... Скажи мнѣ, какой еще литовецъ знатный находится рыцаремъ въ тевтонской псарнѣ.... Ну тотъ самый, о которомъ говорилъ вчерась Друальдъ,—спросилъ Лиздейко.

— Конрадъ Валленродъ, отвѣчалъ Гонтвидъ.

— Кто онъ и откуда?...

— Друальдъ ничего объ этомъ не знаетъ, говоритъ что онъ поклялся достичь главнаго чина въ тевтонскомъ орденѣ и потомъ погубить его ради спасенія родной литвы,—отвѣчалъ Гонтвидъ.

— Пусть помогутъ ему боги, заключилъ Лиздейко со вздохомъ.

Въ это время на Виліи послышался какой то плескъ, будто плылъ кто то по рѣкѣ.

— Чу! кажется.... онѣ переплываютъ рѣку, замѣтилъ Гонт-

цъ, прислушиваясь и вбѣгая на курганъ: ну да, онѣ, такъ и ть; вонъ уже видно ихъ.... приближаются къ берегу, выхоть изъ воды, отряхиваются.... онѣ! добавилъ онъ же.

— Стой! не бейся сердце, недрожи тѣло.... О Пронжу! ты иерталъ судьбу моей дочери; благодарю тебя за ея спасе, —проговорилъ Лиздейко дрожащимъ отъ волненія голосомъ, днимая глаза къ небу.

Вдали послышался трескъ сухихъ древесныхъ сучьевъ, по торымъ какъ будто шолъ кто то и затѣмъ на площадку гоюшли, едва переводя духъ отъ усталости, двѣ женщины: на была Поята, другая Бариида. Гонтвидъ пошелъ къ нимъ встрѣчу.

— Ахъ, Бариида! мы заждались тебя, сказалъ онъ, подя къ ней.

Бариида въ короткихъ словахъ передала ему, почему вышла ерка и какъ вмѣстѣ съ ними чуть чуть не спасся самъ ію.

— А гдѣ криве-кривейто? спросила она.

— На курганѣ вонъ видишь стоитъ?...

Всѣ взошли на курганъ. Луна освѣтила лицо Барииды и ты. Онѣ были такъ похожи другъ на друга, что Лиздейдивился.

— О, еслибы лице Барииды было помоложе, такъ я скаъ бы, видя Бариду и Поята, что это родныя сестры—блиы, а теперь говорю, что это мать и дочь.... Ну, что же стоите? скорѣй ко мнѣ на грудь, вѣдь я вамъ родной,— алъ Лиздейко сквозь слезы и обнимая обѣихъ женщинъ.

— Поята! пора тебѣ узнать великую тайну. Вотъ здѣсь, могильномъ курганѣ князя Витенеса я открою тебѣ ее. Князь енесъ однажды здѣсь, гдѣ то въ орлиномъ гнѣздѣ, нашелъ одняго ребенка,—это былъ я. Кто знаетъ, быть можетъ этомъ курганѣ покоится мой родной отецъ, имѣвшій люую связь съ войделоткой, которая, зная, что это мѣсто люь посѣщать Витенесъ, положила его въ опустѣвшее гнѣздо ъ. Тебя также нашли въ кострѣ на лысой горѣ, какъ мебезроднаго; тебя также, какъ и меня пріютили въ виленъ ромновѣ. Судьба наша одинакова... Узнай же, Поята, что у и есть родители, они передъ тобой: твой отецъ—это я,

Лиздейко, мать твоя она, Бармида.... Иди же скорѣй на гру
мою,—заключилилъ Лиздейко громкими рыданіями.

— Отецъ мой! мой отецъ! такъ и у меня есть отецъ! I
споди Боже! Зачѣмъ ты вдругъ посылаешь столько радостей
ихъ тутъ же отравляешь мучительнымъ горемъ,—сказала П
та, зарыдавъ на груди у своего отца.

— Какое у тебя горе? Скажи мнѣ, жемчужина моя (
цѣнная, лилія ты бѣлая, ландышъ ты душистый!... съ особ
ною нѣжностію спросилъ Лиздейко, осыпая Пояту поцѣлуя

— Разлучили меня съ моимъ милымъ княземъ на всег
отняли у меня Ягайлу,—отняли жизнь мою. Не будь эт
горя, не такъ бы я радовалась встрѣчѣ съ своими родителя
отвѣчала Поята, продолжая рыдать: и проститься съ нимъ мнѣ
пришлось, добавила она.

— Милая дочь моя! не жалуйся ты на предопредѣл
свое, я умолю бога Прамжиноса измѣнить свое рѣшеніе
житейскомъ камнѣ, я сдѣлаю, что ты снова будешь со своимъ
лымъ Ягайломъ, только не отравляй радостный мигъ свида
печалью, сказалъ Лиздейко, съ жаромъ цѣлуя Пояту.

— Милая мать моя! Зачѣмъ ты на рукахъ унесла меня
Ягайлы? пусть бы и меня взяла стража Кейстута вмѣстѣ съ Я
ломъ; и, обратившись къ криве-кривейту, Поята продолж
отецъ мой! ты далъ мнѣ жизнь, не дайже ей погаснуть ран
времени, упроси князя Кейстута, чтобы не лишалъ жизни
го милаго. Когда я узнаю что милый мой живъ, скорбь
рестанетъ терзать меня. Тогда я жить буду не для ми
Ягайла, а для моихъ родителей. Своей горячей любовью
вамъ я заставлю васъ—мои дорогія, забыть томившую насъ
луку....

— Поята! дочь моя милая! объ этомъ, кромѣ тебя, ни одинъ
смертныхъ не долженъ знать; иначе на голову твоихъ род
лей падетъ вѣчный позоръ, сказала Бармида.

— Ландышъ мой душистый! дорогая Поята! Умѣрь (
скорбь: съ восходомъ солнца,—нашего источника жизни, я
зову къ себѣ въ храмъ Перкунуса князя Кейстута и име
боговъ нашихъ прикажу ему освободить и помиловать Ягайл
продолжалъ Лиздейко, не слушая замѣчаній Бармиды.

— Я только прошу, чтобы его не казнилъ Кейстутъ,

его живетъ на свою радость, мой ненаглядный; ласкъ и объятій его я болѣе не ищу, потому что онъ охладѣлъ ко мнѣ, но я хочу только чтобы онъ жилъ въ счастьи и довольствѣ.... А подругу себѣ найдетъ и получше меня, сказала Поята голосомъ, въ которомъ слышалось сильное горе.

— Все сдѣлаю, моя лебедь бѣлая, проговорилъ Лиздейко: не плачь и не тужи.... Тебя я возьму съ собою, у меня ты погостишь пока, а тамъ—будетъ видно.... Ну и ты, Бармида, для той радости дней на десять останься въ виленскомъ ромновѣ. Будемъ всѣ каждый день видѣться и благословлять боговъ нашихъ за то, что всѣ мы живы и здоровы.... Ахъ, Поята! вся ты въ мать, моя милая, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ Лиздейко;—Эхъ! лучше не вспоминать о старомъ прошломъ, его не воротишь, а только тоску на сердце нагонишь, добавилъ онъ же, утирая скатившуюся съ рѣсницъ слезу.

— Да, Поята вылитая мать, замѣтилъ Гонтвидъ; какъ скоро минуло время; точно вчерась я побѣжалъ на Лысую гору и утащилъ Бармиду отъ пылающаго костра, на которомъ лежала ты, Поята, груднымъ ребенкомъ, а какъ много прошло съ тѣхъ поръ времени. Точно во снѣ все это пролетѣло, быстрѣе молніи, шибче вихра бурнаго....

— Вся жизнь наша такъ скоро пройдетъ, какъ скоро исчезаетъ змѣйка молніи, заключилъ Лиздейко.

— Ахъ! поскорѣй бы она проходила, прошептала чуть слышно Поята.

— Садитесь, мои родныя, мои милыя, сказалъ Лиздейко, усаживая на курганѣ Пояту, Бармиду и садясь съ ними вмѣстѣ: садись и ты, Гонтвидъ, ты мнѣ какъ родной братъ, отдохнемъ на могилѣ моего названнаго отца, князя Витенеса, поговоримъ, поплачемъ, да и въ путь.... Чудное это мѣсто для меня! сколько разъ я ни бывалъ здѣсь, всегда плакалъ. Не даромъ и мѣсто то названо *плачь*. Маленькимъ, въ орлиномъ гнѣздѣ, плакалъ я, хоронили князя Витенеса, тоже плакалъ, теперь, при свиданіи съ дочерью, слезы льются ручьями....

— Почему же это мѣсто названо плачемъ? спросилъ Гонтвидъ.

— Стыдно тебѣ, Гонтвидъ, не знать этого, каждый ли-

товецъ знаетъ, что здѣсь похороненъ нами всѣми оплакиваемый князь Витенесъ,—отвѣчалъ Лиздейко.

Въ тоже время послышался шумъ и на площадку горы вбѣжало нѣсколько вооруженныхъ людей.

— Вотъ наши бѣглянки, на курганѣ Витенеса сидятъ, закричалъ одинъ изъ передовыхъ.

— Святые боги! это насъ ищутъ, это погоня за нами, сказала Бармида въ ужасѣ и, вставъ на ноги, хотѣла бѣжать: Поята, милая моя, бѣжимъ скорѣе....

— Куда бѣжать? зачѣмъ бѣжать, останьтесь здѣсь, я, верховный жрецъ и судія судіямъ, недопущу—васъ—моихъ дорогихъ до какой нибудь непріятности. Ни одинъ волосъ съ вашихъ головъ не спадетъ безъ моего велѣнія, замѣтилъ Лиздейко энергическимъ голосомъ.

— Смотрите, братцы, уйдутъ; вонъ онѣ опять бѣжать хотятъ, сказалъ кто то изъ приближающихся воиновъ Кейстута.

— А вотъ я пущу въ догонку перуна, такъ не уйдутъ, послышалось тамъ же.

Въ воздухѣ послышался какой то свистъ и въ то же время Бармида, раненная стрѣлою, вскрикнула ужаснымъ голосомъ и упала за мертво на землю.

— Ахъ! умираю.... Прощай,—моя милая дочь!... Будь счастливѣе меня.... Прощайте, сказала Бармида и улетѣла въ міръ вѣчной радости.

Поята увидавъ это, какъ безумная бросилась на трупъ своей матери, и громкія рыданія раскатились эхомъ по лѣсу.

— Проклятье вамъ, прошепталъ Лиздейко сквозь слезы.

— Что вы за люди? спросилъ Григорій Русинъ, обращаясь къ Гонтвиду и Лиздейко.

— Ты не узналъ меня, холопъ, такъ я узналъ тебя: ты Гришка, оруженосецъ нашего князя Кейстута. Но знай, что передъ тобой тотъ человѣкъ, котораго нѣкогда нашли здѣсь ребенкомъ въ орлиномъ гнѣздѣ; я тотъ который повелитъ завтра Кейстуту повѣсить того, кто убилъ стрѣлою мою старшую войделотку Бармиду, изъ храма богини Медзіойны,—отвѣчалъ криве-кривейто.

Григорій узналъ Лиздейко и, поклонившись ему, обѣщался не скрывать имени убійцы.

— О! разорвись мое бѣдное сердце на части. Ударьте громы небесные и поразите меня несчастную! Выступи рѣка Вилія изъ береговъ своихъ и потопи злополучную дочь....Нѣтъ у меня болѣе матери; была она со мною короткій мигъ, да отняли ее.... Матушка! Матушка! родная ты моя! Не покинь меня одну; возьми меня туда, гдѣ ты; будемъ съ тобою неразлучны... Въ томъ мірѣ хорошо; лучше чѣмъ на землѣ.... На землѣ нѣтъ счастья, а только страданія. Милая мать моя! Чтоже ты не отвѣчаешь ни чего; не ужели мой плачь и стонъ не долетаютъ теперь до тебя?! Пожалѣй свою несчастную дочь и скажи хоть одно словечко, вопила 'Поята, ломая въ отчаяніи себѣ руки и цѣлуя холодныя уста своей любезной матери.

С. Калугинъ.

(Продолженіе будетъ).

РАХИЛЬ

повѣсть.

(Посвящается моимъ классным товарищамъ).

1.

Подслушанный разговоръ.

Однажды вечеромъ, — это было зимою въ 1865 году, я послѣ сытнаго ужина вышелъ прогуляться. На улицѣ было тихо. Полный мѣсяцъ освѣщалъ полуопустѣвшія улицы. На душѣ было такъ легко... Я невольно увлекся прекрасною картиною ночи. По временамъ какъ то странно дѣйствовалъ на меня свистъ городовыхъ, сопровождавшійся обыкновенно стучаніемъ дворниковъ колотушками и возбуждаемымъ имъ пронзительнымъ собачьимъ лаемъ. Я шелъ все дальше-и дальше! На одномъ изъ перекрестокъ я замѣтилъ бахура съ дѣвушкою, которые, пользуясь отсутствіемъ жизни на улицахъ и не боясь чтобы ихъ подслушали, громко разговаривали между собою: «Что же будетъ, Хайке, говорилъ парень, я съ тобою не улажу и ты завтра не придешь въ желѣзную хатку? ,,Хлебенъ (ей, ей), Шмуелъ, съ вашимъ братомъ не слѣдуетъ имѣть сношеній.... прежде-вы приласкаете, а послѣ насмѣетесь.....Не забудь что я

бѣдная служанка и у меня приданнаго ничего нѣтъ, что все мое богатство ....“—„Развѣ я не люблю тебя, прервалъ ее парень, вѣдь я твой женихъ, чего же ты боишься?..... Парочка подошла къ воротамъ какого то дома. Боясь стоявшаго у воротъ дворника; они начали шептаться между собою такъ тихо, что мнѣ не удалось уловить ни одиаго звука. Они мнѣ наскучили, и я отправился дальше. Башенные часы пробили полночь. Я собирался уже поворотить домой, когда ко слуху моему дошелъ какой то знакомый женскій голосъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ особенно везло на подслушиванье. Прислушавшись внимательнѣе я узналъ этотъ голосъ и обладательницу его. Женщину часто перебивалъ незнакомый мнѣ мужчина. Они сидѣли на скамейкѣ у воротъ угловаго дома, а я стоялъ по другой линіи треугольника. Меня это заинтересовало, я рѣшился подслушивать.

— Итакъ, я вамъ въ жены не гожусь, я больная; негодная дѣвушка, говорила женщина,—что это вы нашли во мнѣ такое привлекательное—тѣмъ болѣе, когда я васъ ненавижу?...... И если вы сдѣлаетесь моимъ мужемъ, то я васъ буду презирать.... Такъ не лучше ли, скажите ради Бога, если вы скажете моимъ родителямъ, что я вамъ не нравлюсь, и дѣло будетъ улажено довольно мирно.... Что касается меня, то я буду бороться всѣми силами, чтобы освободиться отъ васъ.....скажите мнѣ рѣшительно: да или нѣтъ?

— Все, что вы говорили, прекрасно было сказано, началъ мужчина какимъ то зловѣщимъ голосомъ; изъ вашихъ словъ я могу только заключить, что вы очень умная дѣвушка и обрисовываете себя такими чёрными красками только потому, что я не имѣю счастья вамъ нравиться... Но я увѣренъ въ томъ, что коль скоро вы станете моею женою и образумитесь, то выкинете всю дурь изъ головы и сдѣлаетесь порядочною женою. Что же касается вашей любви, то, говоря откровенно, я и не домогаюсь ея. Наши предки совершенно не знали, что это такое любовь, а развѣ они не прожили свой вѣкъ какъ всѣ евреи?.... А моя первая жена, царство ей небесное, развѣ знала о томъ, что вы называете любовью? И не смотря на то, не умрай она, и я съ нею счастливо прожилъ бы весь вѣкъ........

— Значитъ, я говорила понапрасну? прервала женщина, и

вы все таки остаетесь при своемъ рѣшеніи?!!... Такъ знайте же, продолжала она плачевнымъ, раздирающимъ душу голосомъ, что я лучше соглашусь броситься въ Вилію, чѣмъ выдти за васъ за мужъ....

Послѣднія слова женщина произнесла уже стоя. Мущина ничего не отвѣчалъ. Мнѣ сдѣлалось жутко и я мысленно проклиналъ судьбу всѣхъ еврейскихъ дѣвицъ, которымъ суждено не самимъ выбирать себѣ мужей, а согласиться на указаніе и выборъ жестокихъ, себялюбивыхъ, своекорестныхъ родителей, которые пристраиваютъ свою дочь для себя, для свѣта, т. е. пріискиваютъ для нея въ женихи сына какого нибудь ребъ Шмельки и никакъ не соображаются съ наклонностями и желаніемъ своей дочери......

Простоявъ нѣсколько минутъ, женщина по видимому, дожидалась послѣдняго слова отъ своего собесѣдника; но напрасно: мущина нашелъ нужнымъ не отвѣчать. Они удалились, но нерядомъ: женщина шла впереди, а мущина за нею..... Я незамѣченнымъ, какъ прежде, пошелъ за ними вслѣдъ. „Неужели, Рахиль, тебѣ суждено выдерживать такія сцены; тебѣ, воспитанной въ нѣгѣ, довольствѣ и роскоши, тебѣ, чье желаніе, прежде чѣмъ высказывалось, было уже заранѣе исполнено; тебѣ, которую родители лелѣяли съ самой колыбели? И что же? тебя теперь принуждаютъ выдти замужъ за того, котораго ты, предоставленная сама себѣ, не удостоила бы своимъ минутнымъ разговоромъ“?!!... Я поднялъ глаза и еще разъ хотѣлъ посмотрѣть издалека на ту, которая такъ храбро защищала свои права; но ея уже не было на улицѣ, и мнѣ казалось, что злой духъ унесъ ее на своихъ крыльяхъ....

Нравственно и физически утомленный, я воротился домой, и легъ спать, желая въ этомъ снѣ забыть все...

Чрезъ три дня послѣ описаннаго мною вечера, я получилъ билетъ, въ которомъ золотыми буквами было напечатано:

В субботу вечеромъ
РАХИЛЬ АБРАМОВНА ВИНТЪ
и
ГИРШЪ БЕРЕЛЮВИЧЪ ЕКЛЪ
будутъ помолвлены.

II.

Помолвка.

Наступила суббота. День какъ разъ выпалъ самый пасмурный. Снѣгъ хлопьями валилъ и обѣщалъ не переставать Богъ знаетъ доколѣ. Вороны цѣлыми стаями перелетали съ одной крыши на другую, своимъ карканьемъ наполняя воздухъ какъ будто насмѣхались надъ всѣмъ человѣческимъ... Въ домѣ ребъ Авремеле Винтъ дѣлались разныя приготовленія къ наступающему ночному торжеству. Все тамъ суетилось, все было въ движеніи. Служанки бѣгали, какъ помѣшанныя, изъ угла въ уголъ, не имѣя даже времени пококетничать съ бахуромъ, которому въ ночь описанной нами субботы уже отказались служить ноги отъ ходьбы и утомленія. На лицѣ стараго ребъ Авремеле виднѣлась радость неописанная. Онъ поминутно наливалъ себѣ стаканчикъ, опрокидывалъ его вверхъ дномъ, закашливался и самодовольно, мѣрными шагами, проходилъ по длинѣ комнаты. Ротъ его былъ открытъ, и онъ какъ будьто хотѣлъ сказать: „Я вѣдь сего дня единственную дочь съ таммудъ-хохомъ (ученымъ талмудистомъ) обручаю."... Жена его Груне, какъ называлъ ее ребъ-Авремеле или М-ме Винтъ, какъ величали ее чужіе, хотя и была одѣта по праздничному и дорогой фермуаръ съ перлами покрывалъ ея толстую шею; не смотря на то, вздохи, которые по временамъ вырывались изъ глубины ея материнскаго сердца, доказывали бы проницательному наблюдателю, что у нея на душѣ не такъ то ладно. Ей все не сидѣлось на мѣстѣ, она, то и дѣло, ежеминутно шмыгала въ спальню своей дочери, и послѣ каждаго выхода изъ спальни, вздохи дѣлались чаще и чаще... Много М-ме Винтъ пережила въ эти дни; ее узнать не было возможности. Но то, что она переносила въ эту субботу, превосходило ея послѣднія силы. Дочь ея совершенно не одѣвалась въ этотъ день и, не смотря на 12-ый часъ дня, она еще лежала въ постели и сказалась больною. Много стараній приложила Груне, чтобы поднять свою дочь съ постели, но никакъ не могла уговирить ее: „Женихъ твой молодъ, ему всего только 23 года, онъ красивъ, съ хорошими задатками, говорила мать, онъ займется дѣлами отца, сдѣлается отличнымъ подрядчикомъ подъ руководствомъ моего

Авраама....развѣ тебѣ не нравится такой мужъ какъ твой отецъ?.... Развѣ я худо живу съ моимъ мужемъ? какой прокъ будетъ, если тебѣ дадутъ въ мужья доктора? Ты будешь съ нимъ сидѣть и бесѣдовать, вдругъ раздается стукъ; твоего мужа требуютъ къ больному; онъ оставляетъ тебя. Цѣлую ночь онъ проводитъ возлѣ трудно-больныхъ; на завтра онъ возвращается съ какими нибудь тремя рублями измученный, невыспанный, усталый, а ты цѣлый вечеръ и ночь провела одна-одинешенька!.... Теперь же, когда твой мужъ будетъ дома онъ будетъ твоимъ, никто не отниметъ его у тебя..." И много еще говорила M-me Винтъ, въ этомъ родѣ, но дочь ее не слушала и была вся погружена въ думу, по временамъ облегчая свое горе слезами.

Наступило время обѣда. Рахиль не вышла изъ своей комнаты, чтобы попробовать теплаго челенда съ кугелемъ (субботнее блюдо). Ребъ-Авремеле, который не былъ привыченъ къ напиткамъ и, перехвативъ чрезъ край, не замѣтилъ отсутствія своей любимой дочери тѣмъ болѣе, что она никогда не была записною охотницей до челенда и очень часто мѣсто ея при субботнемъ обѣдѣ оставалось незанятымъ.

Пробило четыре часа по полудни. Ребъ-Авремеле пробудился отъ своего послѣобѣденнаго сна и отправился въ клаузъ (молельня) читать раннюю вечерню. Груне въ эту субботу не спала: послѣ обѣда она вошла въ спальню дочери и заперлась съ нею на ключъ. Она уже истощила всѣ средства, чтобы заставить дочь свою покориться, какъ она говорила, волѣ отца. Были тутъ пущены въ ходъ и просьбы и угрозы; она билась какъ рыба объ ледъ: ничего не помогло. Грустно становилось смотрѣть, какъ мать пресмыкалась предъ своею дочерью; наконецъ часа въ три, дочь какъ будто пробудилась отъ продолжительнаго сна и, окинувъ презрительнымъ взглядомъ свою мать, начала говорить медленнымъ убійственнымъ и рѣшительнымъ голосомъ.

— Кто просилъ тебя нанимать для меня учителей и образовать меня? Кто просилъ тебя купить для меня рояль и учить меня музыкѣ? За чѣмъ ты возила меня за границу, старалась о моемъ воспитаніи, развивала меня? За чѣмъ ты принимала въ домъ свой, во время отсутствія отца, молодыхъ, образованныхъ людей и

позволяла мнѣ сблизиться съ ними, когда ты приготовила меня въ жены какому нибудь уроду-клойзнеру (ешиботнику)? За чѣмъ, спрашиваю я тебя, ты исковеркала, разбила, уничтожила мою жизнь?

Рахиль все болѣе и болѣе воспламенялась. Глаза ея наполнились какимъ то адскимъ блескомъ и она продолжала:

—Для своихъ минутныхъ удоволствій, ты жертвовала судьбою своей единственной дочери......

Ты меня погубила.... Пусть такъ....Исхода нѣтъ, и я на время покоряюсь тиранству моихъ родителей....Я не хочу оказывать напрасное сопротивленіе моему упрямому отцу.....И такъ сегодня ночью я буду невѣстой!....Женихъ мой Гиршъ Еклъ, окончила она какимъ то страннымъ зловѣщимъ смѣхомъ.

Рахиль поспѣшно встала съ постели, на скоро одѣлась безъ помощи служанки и, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтила своего отца, приходившаго изъ молельни веселымъ: „гутъ-шабешъ."

Старый ребъ Авремеле Винтъ съ любовью поцѣловалъ свою хорошенькую дочку и долго не могъ наглядѣться на свою красавицу-наслѣдницу, какъ онъ называлъ Рахиль.

Наступилъ вечеръ. Вечерняя молитва уже окончена. Во всѣхъ еврейскихъ домахъ появился огонекъ. Въ домѣ Ребъ-Авремеле поднялась необычайная суматоха еще прежде чѣмъ хозяинъ успѣлъ возвратиться изъ клауза. Начали перетаскивать всю мебель въ залу. Столы были разставлены одинъ возлѣ другаго и такимъ образомъ явился одинъ общій большой столъ. После этой работы начали разставлять стулья. Хозяйка вынула изъ комода бѣлыя скатерти и накрыла ими столы. Одна служанка стояла при отдѣльномъ столикѣ и колола сахаръ; другая старательно полоскала и обтирала стаканы и чашки, а парни выносили все ненужное изъ залы. Вся прислуга двигалась, суетилась и работала согласно распоряженіямъ Груны. М-ше Винтъ громко отдавала свои приказанія и, кажется, была въ высшей степени довольна настоящимъ вечеромъ и своею ролью.

Наконецъ пришелъ хозяинъ, онъ былъ очень доволенъ, найдя все въ порядкѣ. Первымъ дѣломъ его было совершить Га-

вдоле (молитва, отдѣляющая субботу отъ будней.) Потомъ онъ вошелъ въ залу, сдѣлалъ кой какія замѣчанія и началъ громогласно восхваливать великія заслуги своей дражайшей половины: „Ну, Груниньқа, началъ онъ, я въ тебѣ не ошибся. Дай намъ Богъ вмѣстѣ съ тобою наши *сто двадцать лѣтъ* прожить. Слава Богу дожили мы до денька! Вѣдь у нашей Рахиль сегодня *тноимъ* (обрученіе.)"

— Хлебенъ (ей-ей), Авреемчу, не было бы лишнимъ, еслибъ въ столь радостный день ты далъ бы мнѣ прибавочную *Ксубе* (брачную запись) хоть на тысячу дукатовъ....Посмотри, какую дочь я выростила тебѣ, замѣтила шуточнымъ тономъ жена.

— „И, и...." отнѣкивался мужъ, ухмыляясь.

По собственному распоряженію хозяина, перенесли изъ его кабинета дорогой диванъ, который хозяйка прежде не рѣшилась трогать съ мѣста безъ дозволеніи мужа, и поставили на самое видное мѣсто.

Прошелъ часъ послѣ вечерней молитвы. Самовары закипѣли; стаканы были разставлены. Многочисленныя свѣчи и лампы были зажигаемы и въ залѣ было свѣтло какъ днемъ. Служанки и парни суетились въ своихъ субботнихъ нарядахъ.

Начали появляться приглашенные. Первая пришла какая то старушка; она была наряжена въ старо-еврейскій костюмъ: въ узенькомъ кафтанчикѣ, вышитомъ золотомъ, шелковомъ платьѣ, съ широкими ламнасами, опущенными отвѣстно къ землѣ. Обритая до чиста голова ея была укутана огромнымъ платкомъ, узелъ котораго лежалъ на одной прямой съ вершиною ея носа, онъ былъ устроенъ очень искусно, что и свидѣтельствовало въ старушкѣ бывшую щеголиху и кокетку. Она была не высокаго роста. Глаза ея, помутившіеся отъ времени, заключали въ себѣ еще что то притягивающее. Морщины, ее покрывавшія, безмолвно свидѣтельствовали, что она уже прожила свой вѣкъ и что ее ожидаетъ уже новая жизнь....кто знаетъ, можетъ быть и лучшая? Звали нашу старушку Блюме Фейгесъ. При ея появленіи, ребъ Авремеле почтительно всталъ съ своего мѣста и поспѣшилъ поздравить ее: „*Гутъ-вохомъ*" (доброю недѣлью.)

— *Гутъ-вохъ, гутъ-вохъ*, Авремелъ, начала старушка Блюме, слегка покашливая. Ну, не думала я, чтобы дожила до обрученія твоей Рахили.....

— Ничего, прервалъ ее весело хозяинъ, мы на свадьбѣ будемъ еще танцовать *а бейгеле* (національный еврейскій танецъ)...

— Эхъ, бывало въ молодости танцовала я, начала было Блюме, но такъ сильно закашлялась, что не была въ состояніи продолжать разговоръ.

Пришли другіе гости. Поздравленіямъ не было конца. Ребъ Авремеле, съ своею половиною, суетились какъ угорѣлые, желая всѣмъ и каждому угодить. Гостей обносили чаемъ. Разговоры о политикѣ, о состояніи евреевъ въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара раздавались въ залѣ. Особенно отличался своимъ краснорѣчіемъ главный городской *шамешъ* (синагогальный служака.) Это былъ еврей не высокаго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, съ толстымъ брюхомъ, какъ у подрядчика, огромною илѣшивою головою и длинною сѣдою бородою. Цвѣтъ его усовъ никакъ нельзя было опредѣлить, такъ какъ въ нихъ засѣло полчетверти фунта нюхательнаго табаку, что и подавало поводъ городскому остряку выразиться, что ребъ Симхе, такъ звали Шамеша, какъ набожный еврей не долженъ носить ихъ въ субботу. Онъ сидѣлъ и разсказывалъ, какъ одинъ еврей отказался принять исламъ, не смотря на то, что самъ султанъ грозилъ ему висѣлицею......

Наконецъ пришелъ женихъ, съ какимъ то родственникомъ. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ. Поздравленіямъ опять не было конца. Я хорошенько всмотрѣлся въ его лицо, и членомъ моимъ начало подергивать при мысли, что я вижу жениха и будущаго мужа Рахили. Въ ночной темнотѣ, во время моей прогулки, я не могъ разсмотрѣть его, теперь-же я впился въ него глазами и долгое время не могъ ихъ отвести отъ него. Среди оживленной, и разнохарактерной толпы, въ которой были люди стараго и новаго поколѣнія, онъ обращалъ на себя особенное вниманіе. Это былъ сутоловатый, худощавый, некрасивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ или пяти, съ чахоточнымъ лицомъ сѣроватаго цвѣта, съ узенькими тусклыми глазками, подслѣповато выглядывавшими изъ подъ очковъ и съ маленькою козлиною бородкою. Наружные углы глазъ, приподнятые къ верху, придавали лицу его калмыцкое выраженіе не то хитрости, не то злобной и холодной насмѣшливости. Онъ былъ одѣтъ въ длиннополый черный сюртукъ съ

брюками опущенными въ сапоги. На головѣ его торчала высокая шляпа, должно быть взятая на прокатъ для этого вечера. Его посадили на тотъ диванъ, который, по собственному распоряженію ребъ-Авремеле, переставили въ залъ изъ его кабинета. Женихъ вынулъ изъ кармана шелковый платокъ и взявъ его въ правую руку, подперъ свою щеку, сосредоточивая весь взоръ свой на бѣлую скатерть, какъ будто ища не упало ли на нее какое нибудь насѣкомое изъ его пейсовъ.

Но оставимъ ликующую залу и перенесемся въ комнату невѣсты, гдѣ обреченная жертва съ отчаяніемъ ожидала рѣшенія своей незавидной участи и готовилась съ мужествомъ встрѣтить безпощадный ударъ судьбы.

Въ маленькой, чистенькой и опрятной комнаткѣ, украшенной отличною мебелью, освѣщенной единственною лампою, въ полумракѣ, предъ этажеркою съ книгами, стояла Рахиль съ опущенными глазами и, держа какую то книгу въ рукахъ, тихо плакала. Она была высокаго роста, съ тонкою гибкою таліею. Черные волосы ея въ безпорядкѣ разбросаны были по плечамъ. Большіе голубые глаза ея были осѣнены длинными черными рѣсницами. Смертная блѣдность покрывала ея восхитительное личико. Она какъ бы искала защиты у своихъ любимыхъ авторовъ; безжизненныя книги, какъ будто, сочувствуя ея горю, въ безпорядкѣ разсыпались по этажеркѣ....... Долго, долго стояла Рахиль, пока въ изнеможеніи не опустилась на стулъ. Послѣ безсонной ночи и томительнаго дня, она мало по малу начала засыпать, пока окончательно не заснула. И снился Рахили сонъ:

Представляется ей какъ она, наряженная куклою, пятилѣтняя дѣвченка, играетъ съ своими сверстницами, подъ надзоромъ своей старой няни, доброй Хаши; какъ она весело бѣгаетъ по обширному двору съ крикомъ и смѣхомъ, а отецъ изъ окошка наблюдаетъ все это и любуется своею ненаглядною дочерью. Представляется ей, какъ ее, во время обѣда, отецъ, непремѣнно, держалъ на своихъ колѣняхъ и кормилъ ее своею рукою. Представляется ей, какъ на седьмомъ году начали ее обучать еврейской грамотѣ и какъ отецъ осыпалъ ее послѣ перваго урока горячими поцѣлуями. Представляется ей, какъ

на девятомъ году для нея нанимали прекраснаго молодаго человѣка изъ воспитанниковъ раввинскаго училища въ учителя и какъ онъ добросовѣстно училъ ее по русски, по нѣмецки, географіи и ариѳметикѣ. Представилось ей, какъ на пятнадцатомъ году жизни была она рада, когда въ первый разъ надѣла длинное платье. Представились ей ея поѣздки за границу, снилось ей какъ она въ какомъ нибудь нѣмецкомъ клубѣ кружится въ вихрѣ танцевъ и выслушиваетъ тысячу комплиментовъ отъ своихъ неотвязчивыхъ кавалеровъ. Представляется ей и нашъ Виленскій клубъ, какъ она, узнавъ подъ масками всѣхъ знакомыхъ, интригуетъ и остается не узнанною. Представляется ей, какъ она, пріѣхавъ изъ какого-то вечера, приходитъ въ свою спальню, раздѣвается, опускается въ свою мягкую постель, раскрываетъ толстую книгу, читаетъ до тѣхъ поръ пока свѣтъ начинаетъ пробиваться чрезъ окна, и вполнѣ благодарная автору за счастливый исходъ судьбы героя, засыпаетъ сномъ праведницы. Представляется ей, какъ въ отсутствіе отца къ ней собирались молодые образованные люди, какъ она отлично проводила съ ними вечера: пѣла и играла на фортепіано, выслушивая отъ каждаго похвалы своему очаровательному голосу, и своей игрѣ; какъ бывало выбираетъ какого нибудь молодаго человѣка, забивается съ нимъ въ какой нибудь уголъ и ведетъ разговоръ: о реализмѣ, о женскомъ трудѣ, объ эманципаціи женщинъ и т. д. Вдругъ всѣ эти райскія картины исчезли....Рахили представилось будто она одна находится въ дремучемъ лѣсу; сама не помнитъ какимъ образомъ она попала въ этотъ лѣсъ...она ищетъ дорогу, чтобы выдти, но увы! она заблудилась...Вдругъ, о ужасъ! огромный медвѣдь на заднихъ лапахъ направляется прямо на нее... Отъ страха она вскрикнула и проснулась...

— Какъ ты крѣпко спала, сказала M-me Винтъ стоявшая около своей дочери, больше четверти часа, я просто выбилась изъ силъ чтобы разбудить тебя......вѣдь ты еще не одѣта, помилуй, а я глупая думала, что Эсфиръ уже вполнѣ приготовила тебя. Всѣ ожидаютъ тебя, *тноимъ* (брачный контрактъ) уже написанъ.

— А! отозвалась Рахиль, стараясь припомнить, что съ нею происходило.

Наконецъ Рахиль опомнилась. Она поспѣшно стала одѣваться, всѣми силами избѣгая услуги матери. Мать въ замѣшательствѣ не знала, что дѣлать: ей стало совѣстно за себя. Искра материнской любви вспыхнула въ ней: она впилась въ свою дочь долгимъ, безконечнымъ взглядомъ, какъ будто желая этимъ взглядомъ вымолить у нея прощенія... „Я, я во всемъ виновата, промелькнуло въ ея головѣ, я разбила жизнь этого ангела...“ — „Готова,“ перебила Рахиль размышленія матери. Онѣ отправились въ залу.

Плѣшивый *Шамешъ* вынулъ изъ кармана грязный платокъ, подалъ его прежде жениху, потомъ невѣстѣ, послѣ чего онъ вслухъ прочелъ пункты брачнаго контракта. Тарелки полетѣли и задребезжали по полу, оглушительные крики: „*Мазолъ-товъ*“ (поздравляемъ) оглушили залу. Церемоніялъ кончился и Гиршка Екль сталъ женихомъ Рахили Винтъ...

Много вина было выпито; много тортовъ было съѣдено. До самаго утра гости гуляли. Невѣста весь вечеръ сидѣла молча, неподвижно и принужденно отвѣчала на поздравленія. Разъ было подошелъ къ ней женихъ, но она своимъ взглядомъ приказала ему не безпокоить ее. Наконецъ, часа въ три ночи, ей удалось уйдти въ свою спальню. Она чуть живая повалилась на постель и оросила свою подушку горячими слезами...

Наконецъ гости разошлись. Домъ Винта опустѣлъ и хазяева отправились спать. Ребъ Авремеле, шатаясь добрелъ до кровати, произнося безсвязныя слова. Онъ просто—на просто, при столь торжественномъ случаѣ, хлѣбнулъ черезъ край и былъ въ этотъ день уже въ другой разъ пьянъ, а М—me Винтъ долгое время не могла заснуть: ей все представлялась разбитая жизнь ея единственной дочери... Она чувствовала на своихъ щекахъ слезы раскаянія, но эти слезы были уже запоздалыми; воротить назадъ прошлое не было возможности.... Наконецъ и она заснула.

III.

M—me Винтъ.

Чтобы познакомить читателя съ воспитаніемъ Рахили, я долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о ея матери М—me Винтъ, которыя, какъ я думаю, не лишены интереса.

М—me Винтъ родилась и воспитывалась на Виленскомъ

синагогальномъ дворѣ. Отецъ ея былъ Соферъ (переписчикъ свитковъ священнаго писанія) и происходилъ изъ знаменитой аристократической еврейской фамиліи, т. е. дѣдъ его былъ знаменитый Виленскій раввинъ ребъ Хайцикулъ, ребъ-Уресъ. Заработки его хотя не были велики такъ, какъ переписываніе пятикнижія Моисея продолжается не менѣе полугода, а плата за этотъ грамотный трудъ полагается только сто или сто пятьдесятъ рублей, тѣмъ не менѣе нашъ соферъ жилъ себѣ довольно хорошо. Онъ каждую пятницу ходилъ въ баню и надѣвалъ бѣлую рубаху... Жену онъ имѣлъ, слѣдовательно важнѣйшій законъ нашей святой торы: „*умножайтеся и плодитесь*“, онъ въ точности исполнилъ: дѣйствительно у него было шесть человѣкъ дѣтей: пять мальчиковъ и одна дѣвушка. Эта дѣвушка—наша Груне. До восьмилѣтняго возраста, она бѣгала съ мальчиками по синагогальному двору, одѣтая въ длинную рубаху и босая. Читать ивре (еврейское чтеніе) научилъ ее самъ отецъ, а писать по еврейски, хотя ее не учили, ибо не считали это нужнымъ для дѣвченки, однакожъ смѣтливая Груне научилась сама.

Когда Груне минулъ тринадцатый годъ, ребъ—Авремеле Винтъ овдовѣлъ. Будучи родомъ плебей (онъ служилъ въ гостинницѣ) и собравъ себѣ капиталецъ, ребъ Авремеле, послѣ смерти своей первой жены, тоже плебейки, вздумалъ залѣзть въ аристократію,—тѣмъ болѣе, что онъ уже съ нѣкотораго времени началъ ходить на торги и прослылъ въ городѣ подрядчикомъ не послѣдней руки. Узнавъ, что внука ребъ—Хайцикла—ребъ Уресъ стоитъ *на порогѣ*, т. е. родители собираются выдать ее за мужъ, ребъ Авремеле поспѣшилъ послать *шадхонимъ* (сватовъ), предлагая нашему *Соферу* триста рублей ему въ подарокъ, чтобы тотъ отдалъ за него дочь свою и кромѣ того обязывался устроить для невѣсты гардеробъ, приданное и все нужное; что касается расходовъ на свадьбу, то ихъ ребъ Авремеле тоже принялъ на себя. Аристократъ—соферъ согласился; прежде отпразновали *тноимъ* (обрученіе), а немного погодя и свадьбу.

Тутъ то начинается новая жизнь для нашей Груне, жизнь богатая, полная радости и приключеній.

Съ перваго же дня послѣ свадьбы Груне овладѣла своимъ мужемъ, который, будучи относительно своей жены старикомъ, всѣми силами старался приголубить краснощекую Груне. Онъ

пользовалась всякими средствами, чтобы выманить отъ мужа разные подарки. Ежемѣсячно, когда Груне возвращалась изъ *миквы* (водохранилище), ребъ Авремеле увивался около нея *и лилъ ей золото въ горло*, какъ выражаются мои единовѣрцы. Пока Груне была ребенкомъ, она довольствовалась малымъ, придя же въ возрастъ, она перестала восхищаться какими нибудь ничтожными подарками: она начала чувствовать, что жизнь ея не совсѣмъ полна...

Раввинское училище имѣло громадное вліяніе на евреевъ вообще, но еще болѣе на жителей города Вильны. Разъяснить это вліяніе я не берусь, это предстоитъ будущему исторіографу просвѣщенія евреевъ въ Россіи; съ своей стороны, я хочу только показать, на сколько названное нами училище вліяло на перерожденіе еврейскихъ, закоснѣлыхъ въ фанатизмѣ семействъ въ городѣ Вильнѣ и сдѣлало ихъ похожими на европейцевъ.

Извѣстно, какимъ гоненіямъ подвергались первые ученики этого училища и какъ евреи чуждались ихъ, какъ отъ опасныхъ и вредныхъ членовъ общества. Вполнѣ обвинять евреевъ за это мы не имѣемъ никакого права; такъ какъ первыми учениками этого училища были безродные *люди*, 1) которые своимъ поведеніемъ исковеркивали планы и виды правительства. Если какой нибудь *аремъ—бахуръ* (ешиботникъ), перебывавшій *и на конѣ и подъ конемъ*, а потомъ, съ грѣхомъ пополамъ, окончившій на казенномъ содержаніи училище и надѣвалъ кокарду, то вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами, онъ своею мелочностью и своими, изъ рукъ вонъ, плохими поступками, отталкивалъ отъ себя еврейскую массу. Послѣ этого легко объяснить себѣ, почему евреи такъ упорно отказывались выбирать раввиновъ изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ и почему виленской администраціи пришлось продер-

1) Я говорю: *люди* въ прямомъ смыслѣ этого слова, ибо извѣстно, что до постановленія педагогическаго совѣта относительно соотвѣтствованія лѣтъ воспитанника съ классами, послѣдовавшаго въ 1867-мъ году, очень часто можно было видѣть въ 1 классѣ осьмилѣтняго мальчика рядомъ, на одной скамейкѣ, съ сорокалѣтнимъ отцомъ семейства.

жать въ заперти цѣлый кагалъ въ городскомъ монежѣ почти двое сутокъ, а выборъ все таки не состоялся. Но время дѣлало свое: образованіе, мало по малу начало проникать между евреями. Необходимость заставила евреевъ пробудиться отъ своей долголѣтней спячки. Бѣдный классъ, боясь рекрутскихъ наборовъ, сталъ отдавать своихъ дѣтей въ школу, желая видѣть своего дѣтища лучше счастливымъ *гоемъ,* (не евреемъ) чѣмъ несчастливымъ солдатомъ. Когда же дѣти бѣднаго класса, окончивъ ученіе, возвысились надъ своею средою и вошли въ составъ еврейской аристократіи (благодаря тому обстоятельству, что они воспитывались подъ надзоромъ родителей и такимъ образомъ сберегли въ себѣ *искру еврейства*, какъ выражаются мои единовѣрцы),—еврейская аристократія, въ свою очередь, желая удержать свое первенство надъ бѣднымъ классомъ, начала отдавать своихъ дѣтей въ училища, думая такимъ образомъ, что образованный аристократъ будетъ стоять выше образованнаго плебея. Но вышло иначе: образованіе уравнивало аристократа съ плебеемъ, и если сынъ ребъ—*Шмельки* учился худо, а сынъ плебея хорошо, то плебей возвышался надъ аристократомъ. Вотъ какимъ образомъ просвѣщеніе проникло между евреями города Вильны.

Въ то время, о которомъ я разсказываю, почти уже не было въ Вильнѣ семейства, неимѣвшаго сына, родственника или знакомаго въ раввинскомъ училищѣ или гимназіи.

Съ распространеніемъ просвѣщенія между евреями, они какъ будто переродились. Много азіятскаго исчезло у нихъ. Талмудъ на половину потерялъ свою прелесть. Рѣдкій юноша рѣшается посвятить свою жизнь изученію одной гемары. И между нашими *духовными* молодыми раввинами находятся люди, которые понимаютъ отечественный языкъ и которымъ не чужды кое—какія знанія. Рѣдко, рѣдко встрѣтишь теперь еврейское семейство, гдѣ шапки еще пригвождены къ головѣ. Русскій языкъ, считавшійся еретичнымъ, раздается въ синагогахъ даже въ субботніе дни. Вслѣдствіе всего этого прежняя обособленная, отчужденная и замкнутая въ самой себѣ жизнь евреевъ, начинаетъ ослабѣвать и, рано или поздно предвидится полное сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Еврейскія дѣвушки до сихъ поръ съ грѣхомъ по поламъ читали *иврe* (чтенія еврейс-

кихъ молитвъ), а та изъ нихъ, которая могла читать *иере-тейцъ* 1) считалась *авейлъ-гелерните* (много ученною). Еврейскія дѣвушки до свадьбы, т. е. до тринадцатилѣтняго возраста, играли на улицахъ въ песокъ, а прямо съ улицъ схватили ихъ, объявляли имъ, чтобы больше въ песокъ не играли, и вели подъ вѣнецъ съ какимъ нибудь, ея же лѣтъ, женихомъ. Въ настоящее время еще ходятъ живые разсказы о томъ, что молодые послѣ свадьбы плакали, почему ихъ заставляютъ спать вмѣстѣ и родителямъ нерѣдко приходилось мирить своихъ птенцовъ въ постели, ибо мужъ хотѣлъ, чтобы подушка лежала подъ его, а жена—подъ ея изголовьемъ... Казалось, нужны были цѣлые вѣка чтобы сдѣлать похожими на людей народъ, который сжился съ такими своеобразными обычаями и допотопными понятіями; а между тѣмъ все это передѣлалось такъ легко и такъ скоро, благодаря вліянію первыхъ школъ грамотности и раввинскихъ училищъ. Окончившіе курсъ наукъ въ раввинскомъ училищѣ или гимназіи, не торопились схватить дѣвченку съ улицы, какъ отцы ихъ и жениться на ней, не спросившись даже согласія невѣстъ. Они прежде старались сформировать, если можно такъ выразиться, дѣвушку, а потомъ, сдѣлавъ ее человѣкомъ, женились на ней. Скоро родители, видя, что ихъ дочери довольно счастливо проживаютъ съ своими мужьями, начали сами приготовлять своихъ дочерей для другой жизни. Евреи начали образовать женщинъ. Нельзя однакожъ объяснить себѣ почему евреи начали образовать своихъ дочерей, въ нѣмецкомъ духѣ, и почему это онѣмеченіе долгое время господствовало между еврейскими женщинами. „Она отлично понимаетъ по нѣмецки, говорили шадхонимъ (сваты), когда расхваливали невѣсту предъ женихомъ изъ *новаго стана*.“ Но это было крайность. Онѣмеченіе евреевъ въ русскомъ отечествѣ прошло. Изученіе русскаго языка стало необходимостью—тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ сталъ господствующимъ, тогда какъ прежде, по большей части замѣняли его польскимъ. Евреи начали посѣщать театры и маскарады. Все это служило къ ихъ скорѣйшему освобожденію

---

1) Пятокнижіе Моисея переведено на еврейскій жаргонъ и напечатаніе этого перевода совершается безъ гласныхъ знаковъ и потому чтеніе его затруднительно—это называется *иере—тейцъ*.

отъ прежней обособленности. Съ радостью евреи встрѣчали вѣсть о позволеніи ихъ дочерямъ посѣщать, вмѣстѣ съ христіанскими дѣвицами, пансіоны, и число еврейскихъ пансіонерокъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Правда, еще многіе евреи держатся того мнѣнія, что дѣвушку слѣдуетъ воспитывать дома, а не въ пансіонѣ. Это происходитъ отъ слѣдующаго обстоятельства: первые отдавали своихъ дочерей въ пансіоны меламды и вообще бѣдный класcъ евреевъ, желая сдѣлать своихъ дочерей *гувернантками*, дабы они могли собрать себѣ приданое и составить хорошія партіи. Дѣвушка, взятая изъ меламендскаго дома и отданная въ пансіонъ, обыкновенно начинала гордиться и воображать себя, какъ выражаются мои единоверцы *генеральшею*, нерѣдко стыдилась своего происхожденія, когда ей, образованной *представительницѣ* еврейскихъ женщинъ, пришлось преклоняться предъ невѣжественною дочерью какого нибуть *ребъ—Цоца*, которую они, за ничтожную плату, обучали первоначальной грамотѣ. По этой причинѣ еврейскія пансіонерки составили себѣ отдѣльныя правила жизни. Онѣ держались далеко отъ своихъ остальныхъ единовѣрцевъ. Съ еврейками своей среды, т. е. съ дочерьми меламдовъ—не пансіонерокъ, онѣ не желали и совершенно не могли сблизиться, а дочери *гвировъ* (богатыхъ) чуждались пансіонерокъ, потому что въ сущности стыдились своего невѣжества и не хотѣли отдать первенства меламедской дочери. Пансіонерки, образовавъ, такъ сказать, особый міръ, имѣли свои радости, свои обычаи и свои праздники. Онѣ ненавидѣли своихъ единовѣрцевъ и позволяли себѣ слишкомъ много. Они по большей части засиживались въ дѣвкахъ, такъ какъ бѣдность не позволяла имъ пріискать подходящихъ мужей, а выдти за кого бы то не было онѣ не соглашались. Оттого и явилось у евреевъ дотолѣ не бывалое явленіе: *старыя дѣвы*. Если бы у евреевъ было что нибуть похожее на монашество, это зло не было бы еще такъ велико. Но ни монастырей, ни монашества у евреевъ нѣтъ, а потому засидѣвшіяся въ дѣвахъ бѣдныя пансіонерки цѣлыми стадами бродятъ по нашему городу, безъ опредѣленныхъ занятій и продолжаютъ свои безконечныя сплетни. Въ послѣднее время число пансіонерокъ увеличилось. Евреи теперь начали понимать, отчего именно первыя пансіонерки вышли не вполнѣ удачными. Не давно, не жданно не гаданно,

вошло въ моду между еврейскими *аристократами* отдавать своихъ дочерей въ гимназію. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что дальнѣйшія поколѣнія пансіонерокъ, которымъ не будетъ причинъ быть озлобленными на окружающую ихъ среду, не будутъ возбуждать противъ себя ненависти массы отсталыхъ евреевъ, которые отшатнулись отъ первыхъ пансіонерокъ потому только, что онѣ открыто вели себя какъ *гоесъ* (нееврейки): открыто носили зонтики въ субботу, курили папиросы какъ мужчины, и позволяли себѣ говорить слишкомъ вольно о такихъ вещахъ, о которыхъ дѣвушкѣ слѣдовало бы молчать. Впрочемъ на этотъ разъ довольно о пансіонеркахъ, такъ какъ намъ придется еще довольно много говорить о нихъ въ нашемъ разсказѣ.

И вотъ мы видѣли, что, благодаря вліянію раввинскаго училища, между евреями города Вильны начали появляться люди, которые больше и больше пересоздавали еврейскую массу. Дѣти, отданныя въ ученье, не могли жениться раньше окончанія курса и такимъ образомъ перестали вести подъ вѣнецъ тринадцатилѣтнихъ бахуровъ. Дѣвушекъ тоже перестали торопить за мужъ и начали заботиться объ ихъ воспитаніи. Отношеніе мужчинъ къ женщинамъ тоже перемѣнилось. Мужчины начали прогуливаться съ дѣвушками. Составились вечера. Танцы вошли въ моду. Ложи Виленскаго театра начали наполняться еврейскими семействами. Однимъ словомъ—евреи стали подражать во всемъ цивилизованнымъ народамъ. Они даже начали ѣздить за границу, хотя подъ благовиднымъ предлогомъ разстройства здоровья, а на самомъ дѣлѣ, чтобы *пожить* и разтратить трудомъ заработанные рубли своихъ мужей (за границу ѣздятъ только женщины). *Растройство нервовъ* играетъ весьма важную роль между еврейскими аристократками города Вильны. Рѣдкая аристократка не подвержена какой нибудь болѣзни; въ противномъ случаѣ ей нельзя бы было прогуливаться за границу. Всего только нѣсколько лѣтъ какъ еврейки начали ѣздить за границу, а между тѣмъ эти поѣздки уже такъ сильно вошли въ моду, что многія аристократки успѣли уже побывать тамъ по нѣскольку разъ и перетаскать къ нѣмцамъ порядочныя суммы. Но довольно: возвращаюсь къ моему разсказу.

Теперь читатель, надѣюсь, тебѣ станетъ понятно, почему жизнь Груни оказалась не полною.

Спустя несколько лѣтъ послѣ свадьбы, дѣла ребъ—Авремеле Виитъ приняли блистательный оборотъ. Онъ нѣсколько разъ успѣлъ уже побывать въ Петербургѣ. Имя его гремѣло въ мірѣ еврейскихъ подрядчиковъ. Кредитъ его возвысился. Происхожденіе его совершенно забыли. Домовладѣльцы за ничтожные проценты стали довѣрять ему залоговыя свидѣтельства. Домъ его прослылъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Вильнѣ. Ни какая сдѣлка между Виленскими подрядчиками не происходила безъ его участія и согласія. Отступныя и неудачныя деньги всегда довѣряли ему. Въ его домѣ постоянно кипѣла жизнь и дѣятельность. Ребъ—Авремеле окончательно втерся въ аристократію. Онъ жилъ богато, занимая квартиру о восьми комнатахъ, съ отличною мебелью и многочисленною прислугою. Много *клойзниковъ* (ешиботниковъ) находилось при его столѣ. Благотворительность его была безпредѣльна. Онъ сыпалъ золото на всѣ стороны. Онъ началъ отдѣлять *десятины* своихъ заработковъ въ пользу бѣдныхъ, а богатство его все росло да росло. За то фанатизмъ ребъ—Авремеле тоже росъ не по днямъ, а по часамъ: съ каждымъ днемъ онъ все крѣпче и крѣпче привязывался къ религіи.

Груне, между тѣмъ, втершись въ аристократію, увидѣла жизнь совершенно иную, чѣмъ у себя дома. Сначала она осыпала проклятіями тѣ изъ аристократическихъ домовъ, гдѣ ей пришлось видѣть сидящихъ безъ шапокъ, мужчинъ и дѣвушекъ замѣнявшихъ жаргонъ нѣмецкимъ или французкимъ языкомъ. Но, мало по малу, она привыкла. Прошло нѣкоторое время, и молодая Груне даже сама начала приближать свой жаргонъ къ нѣмецкому языку. Прошелъ еще годъ, молодая женщина все болѣе и болѣе стала тяготиться своимъ мужемъ и своимъ домомъ. Ей захотѣлось жить, какъ живутъ другіе: завести у себя вечера, принимать молодыхъ людей и посѣщать театръ. Всего этого она въ присутствіи мужа не позволяла себѣ, и потому проводила по большей части время у другихъ въ гостяхъ. Но въ гостяхъ можно только провести вечеръ, а потому по цѣлымъ днямъ она скучала. За то, когда случалось, что мужъ по дѣламъ уѣзжалъ, Груне оживала. Домъ ея постоянно наполненъ былъ гостями, и она жила, какъ живутъ другіе... Но мужъ возвращается и вмѣстѣ съ нимъ возвращается невыноси-

мая скука. Хозяйство не могло занимать нашу Груне, потому что у евреевъ не принято, чтобы аристократка занималась имъ.

Чтобы Грунѣ можно было играть извѣстную роль между ея знакомыми, ей недоставало кой-какого хоть поверхностнаго образованія: знать, наприм. названія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ авторовъ и содержаніе нѣсколькихъ книгъ. Приглашать украдкой, на короткое время учителя и пополнять пробѣлъ своего знанія Груне не рѣшалась: она боялась, чтобы мужъ не узналъ о томъ. Нерѣдко молодая женщина засыпала на мягкихъ пуховикахъ, проклиная свою жизнь и свое богатство. Мужъ по прежнему души въ ней нечаялъ и не замѣчалъ въ Грунѣ никакой перемены. Но ей все было противно. Она поняла, что мужа привлекаетъ къ ней животный инстинктъ, а не любовь, какъ *понимала она* это чувство. Среди довольства, роскоши и почета, она мучилась и страдала.

Въ городѣ, между тѣмъ, стали ходить на счетъ нашей Груне разные толки. Говорили, что она не любитъ мужа, что между ею и нимъ бываютъ сцены, что мужъ сильно подозрѣваетъ ее въ измѣнѣ и хочетъ брать ее съ собою, когда ему приходится ѣхать куда нибудь. Говорили что Груне *заигрываетъ* съ какимъ то рабинчукомъ.... Однимъ словомъ—она стала предметомъ толковъ во всѣхъ аристократическихъ домахъ.

Груне все это знала и жизнь еще болѣе опостыла ей, а исхода не было.

Прошло нѣсколько лѣтъ, это было въ концѣ 1848-го года, Груне почувствовала, что она беременна.

IV.

Рожденіе и первое воспитаніе Рохили.

Долго ждалъ ребъ-Авремеле, чтобы жена его родила. Это было единственнымъ его желаніемъ; ибо, кромѣ дѣтей, какъ мы знаемъ, Богъ благословилъ его всѣмъ. Грустно было ему при воспоминаніи, что его богатство, добытое потомъ и кровью перейдетъ къ его родственникамъ, а не къ сыну или дочери. При томъ, какъ набожному еврею, ему сильно хотѣлось имѣть *кадиша* (молитвенника по смерти отца). Много денегъ сыпалъ ребъ—Авремеле бѣднымъ, дабы они молились, чтобы жена его родила. По его волѣ Груне должна была лѣчиться у докторовъ и принимать разныя лѣкарства, чтобы родить ему наслѣдника. Ребъ—Авремеле, не смотря на то, что сильно любилъ жену,

въ тайнѣ замышлялъ развестись съ нею, если она не будетъ родить въ теченіи опредѣленнаго срока; ибо отъ первой жены у него были дѣти, но умерли; такимъ образомъ причина настоящаго его бездѣтства была, по его мнѣнію, Груне; а не онъ.

Вдругъ, въ одно прекрасное утро, ребъ—Авремеле узнаетъ что жена его беременна!... Радость его описать я не берусь; скажу только, что въ этотъ день ребъ—Авремеле раздалъ много денегъ бѣднымъ и, давая всякому изъ нихъ не менѣе пятака, объявилъ, что ихъ молитвы услышаны небомъ: жена его беременна, и просилъ, чтобы они усугубили свои молитвы, дабы она родила мальчика, а не дѣвочку. Разумѣется, бѣдняки принимали пятикопѣечники и обѣщались въ точности исполнить его просьбу.

Ребъ—Авремеле старался всѣми силами угождать женѣ. Онъ *„не позволялъ пылинкѣ упасть на нее“*, какъ выражаются мои единовѣрцы. Малѣйшее жаланіе Груны было заранѣе предугаданно и исполнено. Еслибы Груне потребовала *„тарелочку съ неба,“* то и въ этомъ не отказалъ бы ей ребъ—Авремеле. До окончанія родовъ, онъ оставилъ въ сторонѣ всѣ дѣла, никуда не уѣзжалъ и почти цѣлыя ночи проводилъ въ безсонницѣ, какъ будто его собственной особѣ предстояло родить ребенка и онъ страшился родовъ.

Груне холодно и почти съ презрѣніемъ принимала ласки мужа; ее мучила страшная скука. По причинѣ засидчивости мужа, она должна была отказаться отъ всякаго общества; отправиться въ гости ей было трудно: здоровье не позволяло, а дома, кромѣ общества мужа да дѣловыхъ подрядчиковъ, которые приходили къ ребъ—Авремеле, она никого не видала и потому она съ нетерпѣніемъ ожидала, когда все это окончится: и ласки мужа и страшная скука. Ребъ—Авремеле совершенно не замѣчалъ холодности жены. Онъ былъ упоенъ счастьемъ, а когда человѣкъ счастливъ, то онъ ничего не замѣчаетъ. Иногда лицо его какъ будто омрачалась черною тучею: „что, думалъ онъ тогда, если жена моя родитъ мнѣ дочь, а не сына?“ Отъ этой мысли у него захватывало дыханіе, кровь бросалась ему въ голову. „Ну такъ чтожъ: Богъ благословитъ меня прежде дочкою, а когда заслужу его милость, то дастъ мнѣ и сына,“ разсуждалъ ребъ—Авремеле утѣшаясь. Съ приближеніемъ времени родовъ, опасенія ребъ-

Авремеле все больше и больше увеличивались. Очень часто по цѣлымъ ночамъ онъ молился. Груне все это видѣла и знала. Она никакъ не могла понять, изъ за чего мужъ такъ безпокоится. Ей было все равно: родитъ ли она сына или дочь, лишь бы скорѣе освободиться отъ своего несноснаго положенія. На вопросы мужа: „Что она родитъ мальчика или дѣвушку?" она или отмалчивалась или колко отвѣчала: чтобы онъ къ ней не приставалъ съ такими глупыми вопросами, ибо она—не богъ и не можетъ знать, кто въ ней шевелится.

Наконецъ желаемое время родовъ наступило. Лишь только Груне почувствовала приближеніе ихъ, ребъ—Авремеле самъ, сломя голову, поскакалъ за акушеркою и докторами, такъ что, въ замѣшательствѣ, онъ вмѣсто одной акушерки притащилъ троихъ, а что касается медиковъ, то сколько ихъ было въ Вильнѣ, всѣ очутились у постели его жены.

Роды продолжались не долго и скоро ребъ-Авремеле услыхалъ крикъ своего ребенка. Онъ затрепеталъ. Долгое время ребъ-Авремеле не рѣшался спросить: кого именно жена его родила: мальчика или дѣвочку? вдругъ вышла одна изъ акушерокъ и поздравила его дочкою. Ребъ-Авремеле пошатнулся и чуть не упалъ. Овладѣвъ собою, онъ вышелъ въ спальню своей жены и увидѣлъ свое дѣтище.... Онъ забылъ все на свѣтѣ и сердце его наполнилось радосьтю.... У него уже было потомство; не даромъ онъ до сихъ поръ трудился и работалъ...

Ближайшая суббота наступила. Ребъ-Авремеле былъ призванъ къ торѣ и наименовалъ свою новорожденную дочь Рахиль,—по имени его покойной матери.

Груне сама отказалась кормить ребенка и доктора, конечно, запретили ей это. Ребъ-Авремеле самъ нашелъ кормилицу и привезъ ее въ свой домъ. Онъ какъ будто ожилъ: станъ его выпрямился, ему сдѣлалось свѣтлѣе на Божьемъ свѣтѣ: „дай мнѣ Богъ теперь еще сына, думалъ онъ, и я счастливѣйшій человѣкъ во всемъ свѣтѣ". По цѣлымъ часамъ онъ стоялъ при колыбели своей дочери и любовался ею, воображая уже ее *подъ балдахиномъ съ женихомъ*. Малѣйшій крикъ ребенка болѣзненно отзывался въ душѣ отца. Кормилица не смотря на то, что получила хорошую плату, проклинала свою жизнь. Она

не имѣла отдыха ни днемъ, ни ночью. Ребъ-Авремеле вмѣстѣ съ нею дежурилъ возлѣ своего дѣтища.

А мать, спроситъ читатель?

Груне, услыхавъ первый крикъ своего ребенка, тоже обрадовалась; но не тому, что она сдѣлалась матерью, а тому, что освободилась отъ своего заключенія. Она насмѣшливо глядѣла съ своей постели на хлопоты мужа и холодно приняла его; *„мазолъ-товъ диръ мейнъ лебенъ“* (поздравляю тебя, жизнь моя). Съ перваго дня появленія ребенка на свѣтъ, она не полюбила его: потому ли, что онъ причинилъ ей много страданій, или потому, что кромѣ себя самой Груне никого не любила,—незнаю. Достовѣрно только то, что она его нелюбила.

Прошло семь лѣтъ послѣ рожденія Рахили. Дѣвушка росла не по днямъ а по часамъ. Ребенокъ былъ красивый, онъ не походилъ ни на мать, ни на отца. Все свободное время ребъ-Авремеле проводилъ съ своею дочерью и шестидесятилѣтній старикъ игралъ съ семи лѣтнею дѣвушкою, забывая свои годы и превратясь въ семилѣтняго ребенка. Что касается Груны, то жизнь ея потекла по прежнему руслу: она тяготилась мужемъ, ребенкомъ и своимъ домомъ; по прежнему она жила и находила удовольствіе только внѣ своего *собственнаго* дома. Можно сказать положительно, что Грунѣ, дочери соферо съ синагогальнаго двора, можно приписать введеніе въ моду ѣздить за границу, между еврейскими аристократками.

Однажды, (это было въ первыхъ числахъ мая 1855 г.) Груне не много простудилась. Пригласили медиковъ, и одинъ изъ нихъ мимоходомъ замѣтилъ, что не мѣшало бы ей отправиться за границу; Груне понравился совѣтъ доктора: она его пригласила на слѣдующій день, когда мужа не было дома и наградивъ довольно щедро, просила его, чтобы онъ повторилъ свой совѣтъ, при слѣдующихъ визитахъ въ присутствіи мужа. Докторъ, разумѣется согласился. Прошло нѣсколько дней, докторъ согласно обѣщанію, ежедневно и настоятельно совѣтовалъ Груне ѣхать за границу, пока наконецъ, его желанія увѣнчались успѣхомъ: ребъ-Авремеле съ горечью рѣшился отпустить свою любимую жену. Груне обрадовалась и начала приготовляться на нѣсколько мѣсяцевъ иной жизни!!.. Груне даже ласкалась къ своему мужу до все

время приготовленія къ отъѣзду. Очарованный ребъ-Авремеле проводилъ свою жену до самой границы.

Оставшись одинъ ребъ-Аврамеле еще болѣе привязался къ своей дочери. Однажды, сидя въ своемъ кабинетѣ, держа маленькую Рахиль на колѣнахъ, онъ вдругъ обратился къ ней съ вопросомъ: „А что, Рахечка, хочешь учиться?“ Хочу, отвѣчала дѣвочка — „Такъ я завтра постараюсь отыскать для тебя меламда, продолжалъ ребъ-Авремеле; но смотри будь умницею, учись хорошо и я еще болѣе тебя любить буду и дамъ тебѣ конфектовъ.“ Конфекты подѣйствовали на маленькую Рахиль и, обвивъ своими крошечными ручками толстую шею отца, она обѣщалась учиться прилежно.

Ребъ-Авремеле сдержалъ свое слово. На слѣдующій день, послѣ разговора съ дочерью онъ поручилъ самому лучшему изъ *клойзнеровъ*, которые имѣли у него столъ, обучать Рахиль.

Обученіе началось торжественно. Послѣ утренней молитвы, ребъ-Авремеле пригласилъ всѣхъ молящихся съ нимъ въ одной молельнѣ къ себѣ на завтракъ. При довольно значительномъ собраніи, выбранный *клойзникъ*, началъ свое преподаваніе маленькой Рахили. Способности ея оказались счастливыми; въ какіе нибудь двѣ недѣли, она бѣгло читала по еврейски. Ребъ-Авремеле былъ внѣ себя отъ радости. Ему захотѣлось воспитывать дочь, какъ мальчика. Разумѣется онъ не думалъ обучать Рахиль талмуду, но библіи она, по его мнѣнію, должна была учиться. Прошло около двухъ мѣсяцевъ какъ Рахиль начала заниматься съ *клойзникомъ*, и ребъ-Авремеле уже поручилъ наставнику учить съ нею библію. Съ этого времени въ каждую субботу, во время обѣда, ребъ-Авремеле заставлялъ дочь свою повторять въ его присутствіи пройденное въ теченіи недѣли. Рахиль бойко переводила первыя главы первой части пятикнижія Моисея. Ея память, прилежаніе и способности обѣщали очень много.

Наступилъ августъ. Природа на половину уже утратила свою свѣжесть. По утрамъ чувствовался порядочный холодъ. По нѣскольку дней съ ряду солнце не показывалось на горизонтѣ. Въ душѣ чувствовалась тоска по утратѣ чего то луч-

шаго.... Лица прохожихъ потеряли свою свѣжесть и казалось, что всѣ люди находились въ трауре по преждевременно похороненному лѣту. Всѣ сочувствовали перемѣнѣ времени, лишь ребъ-Авремеле, что день становился веселѣе, не потому, чтобы его радовало всеобщее уныніе, а потому что ему чрезвычайно надоѣло одиночество, а съ окончаніемъ лѣта совпадалъ пріѣздъ его жены. Въ последнее время ребъ-Авремеле сильно соскучился по ней и уже нѣсколько разъ писалъ Грунѣ, чтобы она пріѣхала. Груне все отвѣчала, что не можетъ возвратиться такъ скоро, и ребъ-Авремеле становилось еще грустнѣе. Въ первыхъ числахъ августа Груне написала мужу, что къ концу сентября она пріѣдетъ. Ребъ-Авремеле на десять лѣтъ помолодѣлъ, читая письмо своей жены. Онъ началъ готовиться встрѣтить ее. Первымъ дѣломъ его было призвать Рахиль и приказать ей повторить все пройденное съ клойзникомъ, дабы мать видѣла, какіе успѣхи она сдѣлала въ теченіи пяти мѣсяцевъ ея отсутствія. Потомъ ребъ-Авремеле отдалъ приказанія прислугѣ, чтобы все было вычищено, вымыто и находилось на своихъ мѣстахъ. Онъ призвалъ красильщиковъ и приказалъ имъ перекрасить спальню своей жены по послѣдней модѣ. Послѣ этого ребъ-Авремеле отправился въ лавку и взялъ себѣ сукна на сюртукъ и приказалъ портному сшить его по послѣдней модѣ. Наконецъ онъ купилъ фермуаръ въ тысячу рублей думая такимъ образомъ окончательно поразить свою Груну столькими сюрпризами. Всѣ эти хлопоты развлекали его нѣсколько дней; но вотъ приготовленія окончились и ребъ-Авремеле съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать пріѣзда Груны: „теперь она можетъ пріѣхать, разсуждалъ онъ, развѣ не все еще въ порядкѣ!.. Почему ее еще нѣту? Боже мой, Боже мой! увижу ли ее?... Охъ, Господи, дай мнѣ силы дождаться...."

Наступилъ сентябрь, Груне пріѣхала. Путешествіе имѣло на нее огромное вліяніе. Она совершенно измѣнила своему жаргону и даже съ мужемъ своимъ стала говорить по нѣмецки. На слѣдующій день своего пріѣзда, она отправилась съ визитами. Когда мужъ представилъ ей маленькую Рахиль и разсказалъ какіе успѣхи дочь ея сдѣлала въ ея отсутствіи, Груне смѣясь замѣтила: «ну, я теперь знаю, какъ мнѣ образовать нашу Рахиль; не будетъ она у насъ *авейгеленте*, а будетъ образо

ванною дѣвицей». Какъ знаешь, отвѣчалъ на это мужъ, ты умнѣе и знаешь больше меня въ этихъ дѣлахъ... Еслибы Рахечка была мальчикъ, былобы другое дѣло; теперь же мнѣ остается только, чтобы она вышла замужъ за *талмудъ-хохома*, а что касается ея воспитанія, то это твое дѣло. «Такъ мой милый», отвѣчала Груне, показывая видъ, что не хочетъ болѣе говорить объ этомъ предметѣ.

Пріѣздъ Груны встревожилъ всю виленскую дамскую аристократію. Гдѣ бы Груне ни явилась, вездѣ ее распрашивали о загранницѣ; она, довольная всеобщимъ къ ней вниманіемъ, не скупилась на слова и въ сотый разъ повторяла свои впечатлѣнія. Она, такъ сказать, сдѣлалась царицею еврейскихъ дамъ города Вильны. Послѣ этого путешествія Груне сдѣлалась вполнѣ женщиною. Отношенія ея къ мужу совершенно измѣнились: она перестала притворяться; при каждомъ удобномъ случаѣ давала ему почувствовать свое превосходство надъ нимъ. Ребъ-Авремелю сначала это непонравилось, но дѣлать было нечего, и онъ безмолвно покорился своей *нѣмочкѣ*, какъ началъ онъ величать свою супругу послѣ возвращенія ея изъ за границы.

Однажды, послѣ завтрака,—это было спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возвращенія,—Груне вошла въ комнату своей дочери и прислушивалась какъ *клойзникъ* съ нею занимался. Ее удивили способности дочери и быстрота, съ которою послѣдняя ловитъ слова своего незатѣйливаго наставника. Долгое время сидѣла Груне и прислушивалась, сосредоточивая весь взоръ свой на Рахиль и что то думая.... Наконецъ она встала, подошла къ дочери и, обнявъ ее, ласково сказала: „если будешь всегда такъ хорошо учиться, какъ теперь, то будешь образованною дамою". „Буду", отвѣчала Рихиль, поцѣловавъ свою мать.

Груне удалилась въ свою спальню и предалась размышленіямъ: „да, такъ и быть: слѣдуетъ отнять совершенно Рахиль изъ подъ опеки мужа.... Нужно ее образовать, сдѣлать человѣкомъ. Это пригодится. Какъ это я до сихъ поръ не подумала объ этомъ!... Счастье въ моихъ рукахъ, а я глупая чуть чуть не потеряла его.... Нужно хорошенько приготовить Рахиль, она скоро сдѣлается человѣкомъ и домъ перестанетъ быть для меня тюрьмою.... Я уговорю моего мужа, что для дочери нуж-

ны знакомства, собранія, танцы и т. д. что дѣвушка долж
привыкнуть къ свѣту. А между тѣмъ домъ мой будетъ открыт
для всѣхъ и мнѣ возможно будетъ устроивать вечера даже
присутствіи мужа.... Рахиль будетъ моимъ прикрытіемъ.... В
моя скука исчезнетъ.... Я буду счастлива какъ и всѣ.... „В
эти мысли разомъ нахлонули въ ея голову. Она начала пр
гать какъ ребенокъ съ радости. „И такъ съ сегодняшня
же дня я приступлю къ выполненію своего плана,—окончи
она свои размышленія".

(*Продолженіе будетъ*).

Ш. Эфрънъ.

Вильна 1870 годъ.

ПАПА И СОБОРЪ.

I. Папская Непогрѣшимость.

(*Продолженіе* *).

Таково было на западѣ всеобщее мнѣніе. Французскій кли
указывалъ на это Клименту IV въ 1266 году; а епископ
Дюрандо мендскій—Клименту V. Англичанинъ Іоаннъ Манд
вилле, по возвращеніи съ востока, писалъ: „на приглашеніе Іоан
XXII покориться папскому престолу, греки отвѣчали лаконичес
„твоей власти надъ твоими подчиненными мы твердо вѣрим
твоей безмѣрной гордости мы не можемъ снести, твоего корыстол
бія не можемъ насытить; съ тобою сатана, съ нами Господь.
Въ 1339 году миноритъ Іоаннъ флорентинскій, посланн
папою на конференцію съ патріархомъ константинопольскимъ
его синодомъ, говорилъ: „невыносимая гордость папъ бы
причиною раздѣленія церквей. Особенно соблазнительною казала
грекамъ та притязательность папы будто онъ есть единственн
носитель церковной власти,—всѣ прочіе епископы суть толь
его слуги и помощники. Если греки находили употреблявшія
у Латинянъ клятвы не христіанскими,—то клятву въ послуша
ніи папѣ они считали вдвойнѣ ненавистною.

Безнадежное положеніе грековъ, жившихъ (во все врем
собора) милостынею папы и не желавшихъ возвратиться дом
не устроивши дѣла,—сдѣлало ихъ уступчивыми. Евгеній ж

лалъ, чтобы греки признали его монархическую власть надъ всею церковію, какъ она—(эта власть) принимается на западѣ. Когда папскіе богословы представили грекамъ цѣлый рядъ подложныхъ и вымышленныхъ мѣстъ изъ Граціана и Лже-исидора,—Греки отвѣчали коротко и сухо; „всѣ эти мѣста и правила принадлежатъ къ апокрифамъ."

Императоръ объявилъ: „если папа будетъ настаивать на своемъ, то онъ отправится, съ своими, обратно во Грецію." Наконецъ согласіе было достигнуто; папа отказался отъ своего требованія, будто ему принадлежитъ верховная власть въ церкви на основаніи Писанія и свидѣтельствъ св. Отцевъ. Постановленное правило гласило такъ: „Папа есть викарій Христа, глава всей церкви, отецъ и учитель всѣхъ христіанъ; онъ имѣетъ полную власть пасти христово стадо и управлять церковію, *какъ это содержится въ* актахъ и *правилахъ вселенскихъ соборовъ.*" Этимъ границы папской власти были до того съужены и право пользованія властію до того ограничено,—что папа и его богословы никогда не согласились-бы подписать такого постановленія, если бы они (подъ вліяніемъ старыхъ и новыхъ вымысловъ) не имѣли совершенно превратнаго понятія о древнихъ соборахъ и объ отношеніяхъ къ нимъ папъ. Подъ именемъ *„вселенскихъ соборовъ"* греки разумѣли только тѣ, которые въ первыя 8-мь столѣтій, до раздѣленія церквей, были созываемы на востокѣ. Такъ понимали это и въ Римѣ, и посему соборъ флорентинскій (въ первомъ печатномъ изданіи его актовъ,—затѣмъ въ „привиллегіи" Климента VII и даже въ римскомъ изданіи 1626 года) называется *„осьмымъ вселенскимъ."*

Изъ актовъ первыхъ семи вселенскихъ соборовъ видно только то, что халкидонскій соборъ призналъ первенство папы предъ другими патріархами. Апелляціи въ Римъ, которыхъ добивался Евгеній, были именно запрещены древними соборами. Но латинянамъ, при упоминаніи древнихъ соборовъ, представлялись только вымышленные каноны и басни о Сильвестрѣ, Юліи и Вигиліи и т. д.,—и они думали, что сдѣлали довольно, подписавъ декретъ собора флорентинскаго.

Сначала латинскій переводъ точно выражалъ смыслъ греческаго текста. Такъ какъ греки спорили изъ-за каждаго слова, то упомянутое постановленіе флорент. собора было написано

сначала по-гречески. Флавіо Біондо, секретарь Евгенія, съ точностію передалъ буквальный его смыслъ. Въ римскомъ изданіи Авраама Кретензиса, чрезъ незамѣтную перемѣну одного словца, уже изчезъ тотъ смыслъ, который греки хотѣли выразить. Именно: „приписываемыя папѣ преимущества должны быть употребляемы и понимаемы согласно съ древними соборами.“ Въ искаженномъ видѣ это мѣсто уже читается такъ: „папѣ принадлежатъ исчисленныя преимущества, и это содержали уже древніе соборы.“ Въ такомъ искаженномъ видѣ декретъ о соединеніи съ греческою церковію былъ напечатанъ послѣ въ „синодскихъ собраніяхъ.“

По отъѣздѣ грековъ, Евгеній, въ своей буллѣ, возсталъ противъ базельскаго собора; папа осуждалъ ложное толкованіе этимъ соборомъ констанцкихъ опредѣленій. Правда онъ не осмѣливался въ своей буллѣ открыто нападать на эти опредѣленія (такъ какъ они высоко почитаемы были всѣмъ христіанскимъ міромъ); но онъ старался заподозрить ихъ, потому что они были составлены во время схизмы и по удаленіи папы Іоанна. Евгенія безпокоило не то, что констанцскій соборъ отмѣнилъ ученіе о папской непогрѣшимости. Онъ нашелся въ этомъ случаѣ. Еще въ прежней своей буллѣ, ссылаясь на Торквемаду, онъ сказалъ: „во всѣхъ дѣлахъ приговоръ папы долженъ имѣть преимущество предъ приговоромъ соборнымъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣрѣ или о мѣрахъ необходимыхъ для благосостоянія всей церкви. Тутъ приговоръ собора стоитъ выше папскаго опредѣленія.

Замѣчательно при этомъ то положеніе, которое приняла французская нація. Король открылъ въ Бургѣ (1438 г.) собраніе духовныхъ и свѣтскихъ представителей. На немъ были выслушаны депутаты со стороны папы и собора и было постановлено принять декреты базельскаго синода съ нѣкоторыми измѣненіями, соотвѣтствующими положенію французской націи. Такъ произошла прагматическая санкція Бурга (Bourges), которая опредѣляла свободу церковныхъ выборовъ, положенія о преимущественной власти вселенскихъ соборовъ; она отвергала такъ же апелляціи въ Римъ, разныя денежныя вымогательства куріаловъ. Этою санкціею положено было основаніе такъ называемой свободы галликанской церкви. Въ Римѣ гнушались этимъ документомъ

и онъ былъ цѣлію и предметомъ нападокъ всѣхъ римскихъ папъ, начиная съ Евгенія IV. Наконецъ Льву X удалось-таки уничтожить прагматическую санкцію посредствомъ конкордата, заключеннаго въ 1517 году. По этому конкордату папа и король раздѣлили между собою права надъ французскою церковію, причемъ львиная часть досталась на долю короля.

Англія, по причинѣ политическаго замѣшательства, не принимала участія въ борьбѣ папъ съ соборомъ. Король Альфонсъ аррагонскій и неапольскій, бывшій прежде главною опорою собора базельскаго, сдѣлался теперь, въ слѣдствіе разныхъ папскихъ обѣщаній, главнымъ его защитникомъ въ Италіи. Нѣмецкая нація сохраняла нейтралитетъ между соборомъ базельскимъ и папою, но такъ, что въ дѣйствительности этотъ нейтралитетъ былъ благопріятнѣе собору; его реформаторскіе декреты были торжественно приняты на майнцскомъ сеймѣ 1439 года, черезъ что Германія, точно также какъ и Франція, обязывались признавать высказанное въ констанцскомъ канонѣ ученіе о церковной власти. Въ то время въ цѣлой Германіи не было ни одного человѣка который ожидалъ-бы какого либо блага отъ римской куріи. Большая часть клира, университеты: вѣнскій, эрфуртскій, кельнскій, левенскій, краковскій, парижскій, государи и ихъ совѣтники и вообще весь народъ были за соборъ, синодальную систему и противъ папства.

Но Евгеній умѣлъ привлекать на свою сторону посредствомъ даровъ и милостей и въ этомъ отношеніи его положеніе было гораздо благопріятнѣе, нежели собора, который, будучи связанъ своими принципами и своими обнародованными уже декретами, не могъ, а если и могъ, то очень мало, раздавать увольненій, привиллегій и изъятій, между тѣмъ какъ Евгеній, вслѣдствіе куріальныхъ преданій, не былъ стѣсняемъ церковными законами. Герцогу Клеве онъ далъ, взявъ отъ епископовъ, столь важныя церковныя права, что сдѣлалъ его господиномъ надъ церковью и клиромъ его страны, такъ что составилась поговорка: герцогъ Клеве есть папа своего государства. Уже въ 1438 г. папа проклялъ и отрѣшилъ не только членовъ собора, но даже Базель подвергъ запрещенію, отлучилъ отъ церкви его городской совѣтъ и позволилъ всякому грабить купцевъ, везущихъ въ Базель товары, ибо писано: „праведный получаетъ въ награду

добычу нечестивыхъ." Конечно, все это еще долго не оказывал никакого дѣйствія, ибо расположеніе къ собору, оказавшем столь много честнаго старанія помочь церкви, было еще очен велико. Протекло нѣсколько лѣтъ, политика курфирстовъ коле балась между Римомъ и Базелемъ. Наконецъ 1446 годъ принес рѣшеніе. Король Фридрихъ, по совѣту своего секретаря, ловкаг ритора Енея Сильвіо Пикколомини, продалъ себя пап Евгенію, который могъ предложить ему болѣе, нежели связанн соборнымъ декретомъ Феликсъ. Щедрый Евгеній обязался выплатит королю, вмѣстѣ съ пожалованіемъ императорской короны, ещ 100,000 гульденовъ на путевыя издержки, далъ ему прав собирать десятину со всѣхъ нѣмецкихъ приходовъ, раздават въ его государствѣ по произволу сотню приходовъ, назначит въ шесть епархій епископовъ и наконецъ уполномочилъ ег духовника дать ему дважды полное разрѣшеніе отъ всѣх грѣховъ. Черезъ это дѣло собора и церковной реформація был въ Германіи потеряно и нѣмецкая церковь мало помалу по грузилась снова въ прежнее рабство. Сильвіо, вступившій межд тѣмъ въ папскую службу, подкупилъ двухъ министровъ майнц скаго курфирста, которые склонили своего государя на сторон папы. Такимъ образомъ союзъ нѣмецкихъ государей былъ рас торгнутъ и свои прежнія требованія о созваніи новаго собор государи понизили до степени простой просьбы, о которой в Римѣ болѣе уже не заботились. Побѣда Евгенія была полна. На смертномъ одрѣ своемъ онъ получилъ еще чествованіе от нѣмецкихъ выборныхъ. Это событіе (7 Февр. 1447 г.) праздн валось въ Римѣ колокольнымъ звономъ и потѣшными огням Даже тѣ ничтожныя облегченія, которыя сдѣлалъ папа нѣмцам были имъ тотчасъ же взяты назадъ въ тайной буллѣ, „ко скоро они содержали что либо вредное для папскаго престола. Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого папа умеръ, какъ побѣдите надъ соборомъ и надъ Германіею; но средства, употребленн имъ для этой цѣли, вызвали всетаки у него угрызеніе совѣст выразившееся въ слѣд. словахъ: „О Гавріилъ, какъ было-б лучше для спасенія твоей души, еслибъ ты никогда не был ни кардиналомъ, ни папою!" Между тѣмъ онъ призналъ в публичной буллѣ констанцскіе декреты о главенствѣ соборовъ и правильно повторяющемся созваніи ихъ.

Когда въ 1452 году Фридрихъ III получилъ корону императора изъ рукъ папы, то Еней Сильвіо могъ сказать отъ его имени и въ его присутствіи: другой императоръ потребовалъ-бы собора, но лучшій соборъ есть папа съ кардиналами.

Новый папа, Николай V, былъ тотъ самый Ѳома болонскій, который такъ счастливо велъ переговоры съ Фридрихомъ. Онъ прибавилъ къ одержанной его предшественникомъ побѣдѣ еще новую, а именно-вѣнскій конкордатъ (отъ 17 февраля 1448 года), по которому папѣ снова дано было право назначенія духовныхъ въ огромное число приходовъ. Этотъ договоръ былъ заключенъ съ королемъ Фридрихомъ, какъ уполномоченнымъ со стороны нѣмецкихъ государей, и основанъ на раздѣленіи между государями и папою выгодъ и вліянія. Пріобрѣсти государей на свою сторону было легко уже прежде посредствомъ нѣкоторыхъ преимуществъ, тѣмъ болѣе что соблюденіе базельскихъ реформаціонныхъ декретовъ уменьшало значительно ихъ власть надъ церквами принадлежащихъ имъ областей. Не много спустя послѣ заключенія договора, уже въ 1457 году, папа Каликстъ III объявилъ императору: понятно само по себѣ, что черезъ конкордатъ папа ни къ чему не обязывается; никакой договоръ не можетъ и не долженъ ограничивать и стѣснять свободный авторитетъ папскаго престола и если папа обращаетъ на этотъ договоръ вниманіе, то это дѣлается только изъ милости, миролюбія и расположенія къ императору и нѣмецкой націи. Съ тѣхъ поръ такъ это и осталось римскимъ правиломъ. Говорилось, что авторитетъ, подобный папскому, не можетъ быть нисколько стѣсняемъ; что это противорѣчило-бы полновластности папъ; менѣе всего могутъ они налагать какія-либо обязательства на своихъ наслѣдниковъ, ибо каждый папа равноправенъ съ другими бывшими и будущими папами, а «равный не можетъ имѣть власти надъ равнымъ-же». Слѣдовательно, нація связывается конкордатомъ, а не папа.

Болонскій юристъ Катальдино де Буонкампагни который писалъ уже въ защиту папы противъ базельскаго собора, объяснилъ дѣло такъ: если бы папа и обѣщалъ что либо, то въ силу полноты своего могущества, онъ не обязывается исполнять обѣщаннаго; такъ какъ всякій есть его подданный, то всякій

договоръ, всякое обѣщаніе могутъ имѣть характеръ только милостиваго соизволенія, которое во всякую минуту можетъ быть взято назадъ; поэтому папа, не смотря на свои обѣщанія исполнять постановленія собора всетаки можетъ не испонять ихъ.

Относительно нѣмецкаго конкордата въ римской „Rota" было прямо объявлено; для папы и для куріи этотъ конкордатъ есть только данная ими по милосердію привиллегія и не имѣетъ для нихъ никакой обязательной силы.

Ненависть и презрѣніе противъ папы, столь твердо укоренившіеся въ чувствахъ германцевъ, обнаружились на франкфуртскомъ сеймѣ 1454 года и позднѣе, когда зашла рѣчь о приготовленіяхъ къ турецкой войнѣ. Никто не хотѣлъ вѣрить слову ни папъ ни ихъ посланниковъ, такъ какъ все у нихъ было направлено только къ вымогательству денегъ. „Всѣ, говоритъ Еней Сильвіо, который вскорѣ за тѣмъ долженъ былъ какъ папа, испытать тоже самое,—проклинаютъ императора, папу и презираютъ легатовъ". На этихъ сеймахъ говорилось иногда о соборѣ, который сталъ для папъ страшилищемъ, такъ что въ переговорахъ съ нѣкоторыми нѣмецкими государями, какъ напр. съ Дитеромъ исенбургскимъ, они какъ главнаго условія требовали, чтобы государи никогда не возбуждали вопроса о созваніи вселенскаго собора. Кромѣ того: за всякую апеляцію къ вселенскому собору налагали немедленно отлученіе отъ церкви, особенно Пій II дѣйствовалъ подобнымъ образомъ.

Казалось, что при концѣ своей жизни императоръ Фридрихъ всетаки раскаевался въ своемъ участіи въ этомъ разрушительномъ дѣлѣ. Въ инструкціи данной имъ своему послу на франкфуртскій сеймъ 1486 года, говорилось: что онъ знаетъ, какія огромныя суммы денегъ ежегодно уходятъ въ Римъ на аннаты, индульгенціи и другіе взносы; какимъ послушаніемъ и вѣрноподданничествомъ къ римскому престолу отличалась передъ всѣми другими нація нѣмецкая. Все это принималось папою, кардиналами и оффиціалами съ неблагодарностью и нѣмецкая нація во всѣхъ спорахъ, какъ значительныхъ такъ и ничтожныхъ, была пренебрегаема до крайности; переносить это далѣе было-бы противно человѣческой природѣ и разуму. Поэтому онъ, посолъ, долженъ былъ внушить государямъ, чтобы они не

оказывали папѣ болѣе никакого послушанія и чтобы впредь нѣмецкая нація не была такъ презираема и унижаема предъ другими.

При посредничествѣ французскаго короля, Феликсъ отказался отъ папства и былъ назначенъ верховнымъ кардиналомъ съ обширною церковною властію надъ многими епархіями. Стѣсненные напослѣдокъ въ Лозаннѣ остатки членовъ базельскаго собора разошлись и кардиналъ арлійскій «этотъ питомецъ злобы и сынъ погибели» какъ называлъ его Евгеній, былъ востановленъ въ своихъ правахъ хотя ничего не измѣнилъ въ своихъ принципахъ. Это всетаки не помѣшало Клименту VII объявить его послѣ смерти святымъ „ибо его святость подтверждена чудесами и онъ постоянно велъ небесную, цѣломудренную и непорочную жизнь“.

Однако послѣ несчастнаго 1446 года еще нужно было пройти много времени, пока въ Германіи сознали, что на соборы и на возлагавшіяся на нихъ надежды церковнаго улучшенія полагаться нечего, что время ихъ миновало. Еще въ 1459 году не могли и нехотѣли вѣрить въ эту полную неудачу всѣхъ проектовъ реформы. Картойзерскій пріоръ Винценцъ Акспахъ полагалъ: если только хотя *одинъ* король допуститъ, посредствомъ охранной грамоты, основаніе собора въ своемъ государствѣ, и если хотя *одинъ* епископъ объявитъ это, то синодъ состоится, не смотря на всѣ требованія и анаѳемы папской куріи, и это есть послѣдняя, оставшаяся еще надежда; отъ римскаго престола нельзя болѣе ожидать никакого цѣлебнаго распоряженія, какъ это доказалъ уже 50—лѣтній опытъ. Отнять у церкви ея лучшее благо вселенскіе соборы, это заблужденіе гораздо худшее, нежели гуситская ересь. Затѣмъ Винценцъ описываетъ, какъ папѣ Евгенію удалось, посредствомъ приманки приходами, привлечь на свою сторону почти всѣхъ писателей. На это отпаденіе ученыхъ, какъ напр. Николая Кузы и архіепископа Тудешы, жалуется уже въ 1443 году другой неизвѣстный по имени германецъ: „римская прелестница, говоритъ онъ, такъ опоила виномъ своего нечестія своихъ любовниковъ, особенно между нѣмцами, что невѣста Христова Церковь и представляющій ея соборъ, не могутъ уже изъ тысячи найти себѣ ни *одного* обожателя. И все таки это бы-

ле мнѣнію *Германія*, которая, въ лицѣ своего императора, была оскорбляема папами болѣе, чѣмъ всѣ другіе государства; *только германскій императоръ* былъ принужденъ, въ силу „баснословныхъ и вымышленныхъ декреталій“ приносить папѣ присягу.

Наконецъ столь много порицаемый базельскій соборъ въ моментъ своего полнаго разложенія получилъ блестящее удовлетвореніе; идеи о соборѣ были такъ могущественны еще послѣ смерти Евгенія и даже въ самомъ Римѣ, что новый папа Николай V издалъ, по совѣту кардиналовъ, буллу, въ которой объявилъ, что всѣ писанія, процессы, декреты, цензуры Евгенія противъ базельскаго церковнаго собора уничтожаются и дѣлаются вполнѣ недѣйствительными даже въ томъ случаѣ, если они изданы съ утвержденія и одобренія феррарскаго и флорентійскаго соборовъ, или другихъ какихъ либо сунодовъ. На нихъ должно смотрѣть такъ, какъ будто бы ихъ никогда не было, и изъ сочиненій Евгенія они должны быть точно также вырваны и уничтожены, какъ нѣкогда были вырваны и уничтожены, по повелѣнію Климента V, буллы Вонифація VIII противъ Франціи и ея короля. Такимъ образомъ принципы обоихъ реформатскихъ соборовъ о верховной власти вселенскихъ церковныхъ собраній надъ папами отторжествовали еще полный тріумфъ; подозрѣнія, которыя Евгеній, по наущеніямъ Торквемады, старался посѣять относительно констанцскаго собора, исчезли и сама курія склонилась передъ верховнымъ правомъ представительства всей церкви. Употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить нѣкоторые реформатскіе декреты базельскаго собора, коль скоро они были вредны для римскаго господства и финансовъ куріи, но основной принципъ, догматическія постановленія о подчиненіи папы остались неприкосновенными.

Пій II, прежній странствующій рыцарь и литтераторъ, защищавшій нѣкогда дѣло базельскаго собора, сильнѣе всѣхъ покушался осудить постановленія констанцскаго синода, такъ какъ они, подобно дамоклову мечу, висѣли надъ головами куріаловъ и помрачали наслажденіе папскимъ всемогуществомъ. Но общественное мнѣніе было рѣшительно на сторонѣ соборовъ и Пій не осмѣлился не только на это, но даже въ своей отрекательной буллѣ 1463 г. ясно прибавилъ, что онъ признаетъ авто-

ритетъ и власть вселенскаго собора въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлилъ ихъ уважаемый имъ констанцскій синодъ.

Однако люди подобные Торквемадѣ не перевелись. Мало помалу начали появляться сочиненія монаховъ и кардиналовъ, или хотѣвшихъ сдѣлаться ими, которыя усиливались поднять папскую систему послѣ понесеннаго ею пораженія отъ соборовъ. Это было не трудно; стоило только богатый матеріалъ вымысловъ Исидора, Граціана и Ѳомы группировать и разложить на тезисы и выводы такимъ образомъ, чтобы вывести доказательство неосновательности обоихъ связанныхъ между собою ученій, а именно системъ: епископальной и синодальной. Такимъ путемъ произошли сочиненія Капистрано, Іеронима Альбана, Ѳомы Кампегги, Ѳомы Елизія, Христофора Марцелла, Лелія Іордана и другихъ, которые всѣ писали между 1460 и 1525 годами. Достаточно знать одного изъ нихъ, чтобы составить сужденіе о прочихъ, ибо всѣ они одинъ списывалъ у другаго и у всѣхъ ихъ повторяются одни и тѣже вымышленныя свидѣтельства, каноны и факты.

Когда Екатерина сіенская, эта чистая и высокоодаренная душа, пришла къ Григорію IX, то сказала ему: она слышитъ въ римской куріи зловоніе адскихъ пороковъ, на что папа отвѣчалъ ей: только еще нѣсколько дней пробыла въ Римѣ. Тогда смиренная обыкновенно дѣвственница величественно замѣтила ему на это: я осмѣливаюсь сказать, что въ моемъ родномъ городѣ зловоніе отъ грѣховъ творимыхъ куріею я чувствовала сильнѣе, нежели тѣ, которые творятъ ихъ ежедневно.

Тоже самое чувствовали и повсюду, ибо, въ силу сложившихся мало помалу обстоятельствъ и вслѣдствіе господствующей въ Римѣ системы изобрѣтено неизвѣстное дотолѣ людямъ искуство: дѣлать испорченность и порокъ вездѣсущими и передавать ихъ изъ одной мастерской, подобно тонкому и всепроницающему яду, въ отдаленнѣйшіе сосуды церковнаго организма. Всякій, смотря на христіянскій міръ, ища въ немъ совѣта и помощи противъ испорченности и стараясь сдѣлать хотя какое нибудь улучшеніе въ своемъ тѣсномъ кругу, чувствовалъ себя тотчасъ же сдавленнымъ папскими положеніями и оставлялъ безнадежную попытку. Папскія буллы, отлученія, нищенствующіе монахи, куртизаны, инквизиторы находились всюду. Самъ Эразмъ, въ своемъ письмѣ къ епископу Фистеру рохестер-

скому, могъ сказать: если I. Христосъ не освободитъ Своего народа отъ этой многообразной церковной тираніи, то наконецъ легче было-бы переносить тиранію турокъ.

Такимъ образомъ съ половины 15 столѣтія изъ духовной литературы исчезаетъ тотъ тонъ надежды, который звучалъ еще въ сочиненіяхъ и рѣчахъ начала этого столѣтія и во время констанцкаго и базельскаго соборовъ. Кругъ мыслей былъ всегда одинъ и тотъ же. Реформація церкви не возможна, пока римская курія будетъ существовать такъ, какъ она есть; изъ нея исходитъ всякое зло, ею оно питается и охраняется, и ожидать оттуда реформы можно только вслѣдствіе чуда. Аббатъ Іаковъ Юнтербургъ говоритъ: едва ли вѣроятно, чтобы церковь улучшилась, ибо въ такомъ случаѣ нужно преобразовать сперва римскій дворъ, а трудно сть этого видна изъ настоящаго хода дѣлъ. Наиболѣе противится реформѣ итальянская нація, къ которой примыкаютъ „всѣ тѣ которыя боятся ее". Почтенный нидерландскій богословъ, „екстазный докторъ", какъ его называли, картойзерскій пріоръ Діонисій Рикель извѣщаетъ, что въ одномъ видѣніи, которое онъ сообщилъ самому папѣ, ему представилось слѣдущее: на небѣ цѣлый хоръ святыхъ ходатайствовалъ за земную, угрожаемую тягчайшимъ наказаніемъ церковь; но на это имъ было отвѣчено: если бы самъ папа, кардиналы, прелаты и прочіе клялись именемъ Божіимъ, что они хотятъ исправиться, то они клялись бы ложно; въ церкви сверху до низу нѣтъ ни одного здороваго мѣста.

Почти всѣми чувствовалось, что церковь поступаетъ съ реформою такъ, какъ нѣкогда поступилъ царь Рима съ сивиллиными книгами. Послѣ того какъ посѣянное куріею сѣмя испорченности выросло въ теченіи 50 лѣтъ еще роскошнѣе и сама церковь не дѣлала никакихъ попытокъ къ своему спасенію, она (реформа) должна была быть куплена болѣе дорогою цѣною и съ меньшими еще видами на успѣхъ. Многіе думали такъ, какъ доминиканецъ Инститоръ около 1484: „Міръ требуетъ собора, но какъ можетъ онъ собраться при теперешнемъ состояніи главъ церкви? Ни одна человѣческая сила не въ состояніи преобразовать церкви посредствомъ собора; тутъ нужно ждать, что какимъ либо неизвѣстнымъ путемъ поможетъ самъ Богъ.

Нѣмцы въ то время смотрѣли съ большою завистью на

французовъ, англичанъ, шотландцевъ и другія націи, съ которыми курія обращалась не столь унизительно и которыхъ обирала не столь безсовѣстно, какъ отданныхъ своими князьями и на жертву варварскихъ, но „смирныхъ и терпѣливыхъ“ нѣмцевъ. Уже ранѣе Еней Сильвіо, или Пій II, внушалъ нѣмцамъ что при ихъ варварствѣ они должны считать за честь и быть благодарными, что римскій дворъ, въ силу своего давно испробованнаго и именно на Германіи, цивилизаторскаго призванія вмѣшивается въ нѣмецкія дѣла и позволяетъ себѣ щедро платить за это вмѣшательство.

Когда курфистъ Іаковъ трирскій совѣтовалъ королю Фридриху для пріобрѣтенія благосклонности нѣмецкой націи облегчить тягости народа, стѣснить новаго папу Каликста III, то Еней Сильвіо уговорилъ короля поступить напротивъ. Король долженъ соединиться для обоюдной выгоды не съ нѣмецкимъ народомъ, а съ папою; ибо, говорилъ итальянецъ, между королемъ и народомъ всетаки существуетъ непримиримая ненавистъ и потому будетъ гораздо благоразумнѣе пріобрѣсти посредствомъ услугъ расположеніе новаго папы.

Итакъ, Римъ оставался великою школою порока, въ которой нѣмецкіе и итальянскіе клирики должны были прожить довольно значительное время своихъ учебныхъ годовъ въ качествѣ „куртизановъ“, откуда они возвращались домой, обремененные грѣхами, но также снабженные разрѣшеніями, индульгенціями и приходами.

Вообще невоздержность того времени представляетъ нѣчто загадочное. Житье клириковъ съ наложницами (Concubinat) было столь всеобщимъ явленіемъ въ епархіяхъ и во всѣхъ христіанскихъ странахъ Европы, что на него не обращали уже вниманія. Объ извѣстныхъ провинціяхъ можно было утверждать, что изъ тридцати духовныхъ лицъ едва-ли можно было найти одного, который бы сохранилъ себя въ чистотѣ, между тѣмъ какъ нынѣ есть мѣстности, большинство клира которыхъ свободно даже отъ подозрѣнія въ невоздержности. Эта разница зависѣла отъ общей испорченности церковнаго управленія того времени. О выборѣ, о заботливой подготовкѣ къ служенію церкви не могло быть и рѣчи тогда, когда все было продажно, когда посвященіе и приходъ покупались и вымаливались въ

Римѣ, когда люди совѣстливые, не хотѣвшие запятнать себя си-мовіею, должны были стоять позади, а безсовѣстные пользова-лись преимуществомъ и быстро достигали высокихъ мѣстъ, ког-да духовное сословіе отличалось отъ всѣхъ другихъ родов призванія тѣмъ, что могло вести самую спокойную и праздну жизнь, давало множество привиллегій и ничтожнѣйшія корпо-ративныя обязательства. О томъ, чтобы въ клирѣ царствова-ла полнѣйшая безнаказанность и безотвѣтственность—усерд пеклась курія. Гдѣ сами главы показывали примѣръ прене-брежения къ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, тамъ нель-зя было и ожидать, чтобы подчиненные сами возложили на себ тяжелое ярмо воздержанія и такимъ образомъ зараза безпр(е)-пятственно распространилась вокругъ и около. Всякій прих(о)-дившій изъ Рима разсказывалъ дома, что тамъ, въ этой ст(о)-лицѣ христіанства, въ домѣ великой матери и учительниц всѣхъ церквей, почти весь безъ исключенія клиръ держитъ с(о)-держанокъ.

Въ началѣ 16 столѣтія, при Юліи II, наступило замѣш-тельство, которое казалось куріи благопріятнымъ для того, чт(о)-бы сдѣлать попытку къ пріобрѣтенію снова потерянной въ те(о)-ріи почвы. Людвигъ XII французскій и Максимиліанъ нѣмец-кій, разъединенные съ папою политически, призвали, какъ сред-ство для помощи, церковное собраніе. Сперва въ Турѣ был устроенъ французскій національный синодъ, а потомъ въ Пиз созванъ былъ вселенскій соборъ, который состоя почти искл(ю)-чительно изъ французскихъ прелатовъ, подражалъ въ повед(е)-ніи относительно папы собору базельскому. Такъ какъ спо(р) былъ, какъ извѣстно всѣмъ, чисто политическій и касался тол(ь)-ко господства въ Италіи, то поэтому все предпріятіе и не уд(а)-лось. Юлій и послѣ него Левъ X противупоставили этому с(о)-бору свой латеранскій, на которомъ было около 65 епископов Полная неудача въ Пизѣ дала куріи бодрость нанести съ св(о)-ей стороны ударъ соборамъ; къ тому-же имена: Констанцъ Базель, во время прогрессивнаго хода одичанія и церковна(го) невѣжества отъ 1460 до 1515 года, померкли. Францъ I п(о)-жертвовалъ прагматическою санкціею за предоставленное е(му) право церковнаго патроната, вслѣдствіе чего выборы были ун(и)-чтожены и судьба высшаго, стремящагося къ почестямъ и пр

ходамъ, клира была вполнѣ отдана въ руки короля. Такимъ образомъ и во Франціи главная поддержка для авторитета базельскаго синода пала, а въ Германіи это было уже достигнуто черезъ вѣнскій конкордатъ. Незадолго передъ симъ Максимиліанъ, въ этомъ отношеніи достойный сынъ своего отца, покинулъ соборъ въ Пизѣ и присоединился къ Юлію II и его латеранскому собору. Но въ Римѣ курія полагала, что пришло время освободить клиръ, который во Франціи вполнѣ зависѣлъ отъ милости двора, отъ узъ государства и подданническихъ отношеній и поэтому въ девятомъ засѣданіи латеранскаго собора папа и епископы рѣшили: „въ силу правъ какъ Божескихъ такъ и человѣческихъ міpянину не подобаетъ имѣть какую либо власть надъ церковниками“. Этимъ въ тоже время было подтверждено прежнее постановленіе, сдѣланное Иннокентіемъ III на синодѣ 1215 года, что ни одинъ духовный не можетъ давать государю вѣрноподданнической присяги. Затѣмъ было объявлено ясною и общеизвѣстною истиною, подтвержденною-де писаніемъ, отцами церкви, папами и соборами, что папа имѣетъ полную власть надъ соборами и по своему произволу можетъ ихъ созывать, перемѣщать, распускать.

Нужно принять, что въ то время въ Римѣ царили полное богословское варварство и догматическая схоластика, представителями которой были нѣкоторые доминиканцы, какъ напр. Пріеріо и Каетанъ. Кардиналы и епископы незнали даже того, что такъ часто объявляли папы Мартинъ V, Евгеній IV, Николай V, и Пій II; ибо въ противномъ случаѣ они едва-ли могли бъ надѣяться, что авторитетъ какого нибудь Льва и какого нибудь заугольнаго собора (Winkelconsils) изъ 65 итальянцевъ можетъ на вѣсахъ общественнаго мнѣнія Европы потянуть болѣе нежели соборы констанцкій и базельскій вышеназванныхъ папъ.

Для этого нужно было кое что другое, а именно чувство полнѣйшей безопасности, въ которой находилась тогда курія, сознаніе, что она могла бы предпринять все возможное и что какъ бы ни было угрожающе и запутанно ея политическое положеніе въ Италіи, въ церковной области ей все таки нечего опасаться. Упреки и обвиненія, могшія здѣсь и тамъ раздаваться громко, не могли нарушить этой увѣренности въ про-

долженіи существующаго порядка вещей. Какъ бы часто ни раздавались голоса о созваніи собора, что всегда и прежде всего означало желаніе ограничить папскую власть, въ куріи по прежнему оставались спокойны. Узы, связывавшіе клиръ съ Римомъ, сдѣлались въ теченіи ста лѣтъ столь могучими, что всякій возмутившійся клирикъ былъ обреченъ на вѣрную гибель, а міряне не могли избѣгнуть отлученія со всѣми его послѣдствіями. Даже отважный Григорій геймбурскій могъ найти убѣжище только у короля-гуссита въ Чехіи и тамъ, будучи уже больнымъ, надломленнымъ старцемъ (1472 г.), долженъ былъ просить въ Римѣ отпущенія.

Однако христіанскій міръ перенесъ, не оказывая ни какого стоющаго быть упомянутымъ сопротивленія, не поднимая даже карательнаго голоса синода,—управленіе такихъ папъ, какъ Павелъ II, Сикстъ IV, Иннокентій VIII, Александръ VI, изъ которыхъ каждый старался превзойти пороками своего предшественника. Павелъ II превратилъ своими распутствами престолъ Петра въ клоаку, какъ выразился одинъ изъ современниковъ. Тотъ-же самый свидѣтель замѣчаетъ что онъ нарочно прибылъ въ Римъ и добылъ себѣ доступъ въ различныя духовныя общества, но нигдѣ не встрѣтилъ дѣйствительно религіознаго человѣка. То, что онъ говоритъ о жизни папъ, кардиналовъ и прелатовъ еще сильнѣе.

При Павлѣ II и еще болѣе при Сикстѣ IV и Иннокентіи VIII огромный духовный рынокъ былъ расширенъ еще болѣе; старались доставлять княжества своимъ внукамъ и обогащать побочныхъ сыновей и дочерей. Учреждались новыя должности, чтобы быть сейчасъ же проданными; кардинальскій санъ сталъ продаваться за большія суммы. Левъ X и Климентъ VII продали значительное количество кардинальскихъ мѣстъ, такъ какъ безмерная медичейская расточительность опустошила даже считающуюся неистощимою папскую казну. Отъ одного конца Европы до другаго повторялось: въ Римѣ все продажно. Впрочемъ это говорилось и писалось уже четыре столѣтія внутри и внѣ Италіи, но въ началѣ 16-го столѣтія это сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ; такъ сильно, такъ открыто и безстыдно предъ глазами всего свѣта, *прежде еще никогда* не производилась подобная продажа; искуство обращать въ деньги все

что есть въ церкви и религіи, еще никогда не было такъ усовершенствовано. Графъ Іоаннъ Францъ-Пико-фонъ-Мирандола, написавшій Льву X сочиненіе о несчастіи Италіи и о причинахъ этаго,—приводитъ какъ одинъ изъ признаковъ высокой степени духовной безнравственности и безбожія итальянской націи то,—что теперь существовала формальная и публичная продажа церковныхъ и религіозныхъ вещей всякому, кто заплатитъ болѣе.

Съ 1512 г. въ Римѣ было напечатано оффиціально изданіе, въ которое вошли принятыя въ римской канцеляріи таксы. Конечно, въ основѣ ихъ лежала такса, установленная уже при Іоаннѣ XXII, но тогда ее держали покрайней мѣрѣ въ секретѣ, а теперь она продавалась публично. Распространенная быстро по всѣмъ странамъ, такса покрыла всѣмъ глаза на огромное количество римскихъ предохраненій и запрещеній и въ тоже время указывала плату за всякое нарушеніе ихъ и за разрѣшеніе отъ тяжкихъ преступленій, убійствъ, кровосмѣшеній и т. д. Позднѣе считали эту канцелярскую таксу за изобрѣтеніе враговъ папства, но повторявшіяся съ папскаго согласія изданія ея не составляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они показываютъ, какъ безопасно чувствовали себя въ Римѣ и что курія думала, будто она все можетъ предложить міру. Самый заклятый врагъ Рима не придумалъ бы ничего худшаго, какъ обнаруженіе этого дѣйствовавшаго въ теченіи вѣковъ механизма, послѣдовательно развитаго, въ которомъ законы, казалось, изданы только для того, чтобы можно было продавать право нарушать ихъ и позволялось людямъ пользоваться самыми естественными правами только тогда, когда они заплатятъ за это.

Курія не обращала никакого вниманія, если въ сочиненіяхъ изображали ее, какъ причину всякой пагубы въ христіанствѣ, какъ отравительницу мучительницу народовъ, хотя, конечно, тамъ и сямъ жестоко мстила, особенно если нападающій на курію былъ любимымъ ораторомъ народа. Когда кармелитъ Ѳома Конектъ, дѣйствовавшій долгое время, какъ миссіонеръ, во Франціи, Фландріи и Италіи, совершившій безчисленныя обращенія и отличавшійся святою жизнію, началъ бичевать римскую курію, то Евгеній IV приказалъ инквизиціи пытать его и сжечь жи-

ваго. Тоже самое сдѣлалъ Александръ VI съ Савонаролою
Знаменитый ораторъ и богословъ взывалъ о реформѣ церкви
совѣтовалъ монархамъ подать руку помощи для созванія вс
ленскаго собора. Александръ отлучилъ его за это отъ церкви и гр
зилъ Флоренціи интердиктомъ. Явились папскіе коммисары
Савонарола вмѣстѣ съ двумя братьями по ордену былъ осу
денъ, трупъ его сожженъ. Такимъ образомъ простой монах
проповѣдникъ былъ побѣжденъ вѣнчаннымъ богословомъ, и
Александръ былъ имъ, не смотря на то что имѣлъ дѣтей
своихъ „любовницъ". Еще будучи Родригомъ Борджіа онъ с
вершилъ богословскій подвигъ, который прямо велъ къ кра
ной шляпѣ; кромѣ „глоссы" къ „правиламъ канцеляріи", о
написалъ очень ученое сочиненіе въ защиту папской всеміря
монархіи. Но Савонарола былъ, и это признаютъ за ни
враги его, не только однимъ изъ геніальнѣйшихъ людей и лу
шихъ богослововъ своего времени, но онъ принадлежалъ так
къ одному изъ могущественнѣйшихъ духовныхъ орденовъ
имѣлъ въ немъ много приверженцевъ. Такимъ путемъ произ
шло то, что онъ былъ чествуемъ, какъ святой и мученикъ
истину; самъ позднѣйшій папа Венедиктъ XIV призналъ е
достойнымъ сопричисленія къ лику святыхъ.

Италія была еще болѣе, нежели Германія, жертвою кур
однако Итальянцы переносили все это легче, ибо тѣ суммы, к
торыя Европа платила въ дань папскому двору, расходили
потомъ, вслѣдствіе непотизма, по всѣмъ частямъ полуостро
кардиналы и прелаты были по большей части плоть отъ пло
ихъ, и кость отъ костей ихъ. Но вслѣдствіе близости это
кровнаго родства, моральныя вліянія были тѣмъ вреднѣе. М
слящіе итальянцы того времени, могшіе дѣлать сравненія, де
жались того взгляда, что ихъ нація превосходитъ своею испо
ченностію и нерелигіозностью всѣ другія націи, лежащія
сѣверу. Макіавели объявляетъ: „этимъ обязаны итальянцы ри
ской церкви и ея священникамъ; черезъ ихъ дурной примѣ
мы утратили всякую религію и благоговѣніе и сдѣлались н
родомъ злымъ и невѣрующимъ". Чѣмъ ближе, говоритъ о
затѣмъ, живетъ народъ къ римскому двору, тѣмъ менѣе у н
го религіи. Если этотъ дворъ поселился-бы между благоче
стивыми швейцарцами, то пороки куріи опустошили бы въ к

ротное время и эти провинціи. Согражданинъ Макіавели Гвиччіардини, который долго служилъ въ высокихъ должностяхъ при папахъ изъ Медичей, управлялъ ихъ провинціями и командовалъ войскомъ, судилъ неблагопріятнѣе этого: „какъ бы кто дурно не отозвался о римскомъ дворѣ, говоритъ онъ относительно приговора Макіавелли, на дѣлѣ онъ всегда заслуживаетъ еще худшаго".

Сказанное этими государственными людьми о порчѣ, произведенной въ Италіи куріею, подтверждается и прелатами. Исидоръ Хіари (Chiari) епископъ Фолигна, который будучи въ Тріентѣ, могъ хорошо узнать своихъ товарищей, выражается, что въ Италіи между 400 епископами едва-ли можно найти четырехъ, которые заслуживали бы имя духовныхъ пастырей и дѣйствительно отправляли бы свои обязанности. „Если итальянцы сдѣлались столь чужды христіанской религіи, такъ что можно почти сказать, что христіанское исповѣданіе въ нихъ вымерло, то виною этому епископы и священники; ибо вся наша жизнь есть упорная проповѣдь невѣрія".

Заслуживаетъ нашей признательности то обстоятельство, что тогда въ Италіи было многое высказано и сдѣланы нѣкоторыя признанія, несмотря на инквизицію. Позднѣе, какъ явились іезуиты съ своею системою умалчиванія, затушевыванія и прикрасъ, то этого болѣе уже не было. Даже сами папы нисколько не колебались дѣлать признанія, которыя большинствомъ кардиналовъ и прелатовъ были неодобряемы. Адріанъ VI объявилъ черезъ своихъ пословъ нѣмецкой націи, что уже съ давнихъ лѣтъ при римскомъ престолѣ происходятъ многія отвратительныя вещи и что все обратилось къ злу; папы и прелаты распространили порчу сверху до низу. Если въ Италіи и были еще мѣстами благонамѣренные епископы, то они чувствовали себя безсильными, коль скоро хотѣли ввести улучшенія и управлять своими епархіями. Когда Матоей Гибертъ, довѣренный папы Климента VII, посѣтилъ наконецъ свою веронскую епархію, то нашелъ, что городъ былъ уже раздѣленъ на шесть духовныхъ судовъ и вскорѣ увидѣлъ себя вынужденнымъ отступить отъ своихъ реформатскихъ попытокъ, ибо былъ совершенно стѣсненъ множествомъ изъятій изъ подъ его вѣдомства (Exemption).

Въ какомъ положеніи былъ клиръ и народъ въ папскихъ областяхъ можно между прочимъ видѣть изъ сочиненій епископа Исидора Хіары. Около 1550 года онъ нашелъ въ своей епархіи, что всѣ священники, за исключеніемъ одного—двухъ, не знали словъ разрѣшительной молитвы и считали формулу на разрѣшеніе отъ отлученія за разрѣшительную формулу исповѣди. Онъ долженъ былъ послать имъ учителя, который научилъ бы ихъ читать обѣдню. Его клиръ былъ презираемъ народомъ за пороки еще болѣе, нежели за невѣжество. Большая часть владѣтелей приходовъ не умѣла читать. Кратко: по сравненію такого порядка вещей вблизи отъ куріи, болѣе отдаленные страны представляли видъ менѣе печальный. Огромная епархія миланская со 2300 священниковъ была въ продолженіи шестидесяти лѣтъ безъ епископа. Въ домахъ духовныхъ находились только оружія, любовницы и дѣти. По всему народу ходила пословица: вѣрнѣйшій путь въ адъ есть священническое сословіе. Употребленіе таинствъ почти исчезло. Вотъ нѣкоторыя черты изъ той ужасной картины, которую нѣсколько позднѣе нарисовалъ о тамошнемъ положеніи миланскій священникъ Гіуссано.

Левъ X, избранный въ 1513 году, долженъ былъ получить странное наслѣдство, которое могло устрашить самыхъ смѣлыхъ. Его предшественники, начиная съ Павла II, сдѣлали все возможное чтобы покрыть папскій престолъ стыдомъ и безчестіемъ и предать Италію всѣмъ ужасамъ безконечныхъ войнъ. Однакожъ первымъ движеніемъ Льва X было начать жизнь пріятныхъ удовольствій.

То сознаніе, что Римъ и курія ненавидятся всѣмъ свѣтомъ, кардиналы сносили съ совершеннымъ спокойствіемъ. Вышеупомянутый Гибертъ напередъ предвидѣлъ, что *„въ случаѣ войны“*, нѣмцы поспѣшили бы принять въ ней участіе по причинѣ ихъ ненависти къ намъ. Еразмъ неоднократно повторялъ, что постоянно возрастающее церковное раздѣленіе получаетъ свою пищу изъ этой ненависти. Дѣла говорили довольно громко. Даже безусловно преданный епископъ битонскій Корнелій Муссо, избранный тріенскій ораторъ, говорилъ: „имя римское ненавидимо всѣми націями и самые друзья только вздыхаютъ, смотря на стыдъ и презрѣніе римской церкви. Если бы теперь

(въ одиннадцатомъ часу дня) епископы стали совѣщаться что нужно сдѣлать, что бы положить предѣлъ развращенію и отпаденію отъ церкви, то оказалось бы, что курія перерѣзала нервы и жилы ихъ епископской власти. На соборѣ парижскомъ (1528 г.) было постановлено даже правило, чтобы епископы чрезъ отказъ въ посвященіи, не удаляли отъ себя не достойныхъ и негодныхъ клириковъ, потому что каждый тотчасъ отправлялся въ Римъ и тамъ получалъ посвященіе. Спустя 20 лѣтъ французскіе прелаты (на мелюнскомъ собраніи) должны были протестовать противъ куріи, которая вдругъ заявила притязаніе раздавать въ Бретанѣ и Провансѣ духовныя мѣста, и (не смотря на конкордатъ 1517 г.) хотѣла перенести въ Парижъ весь безпорядокъ симоніи съ безконечными процессами; чрезъ это, какъ съ горестію говорили епископы папѣ, отнималась всякая надежда на преобразованіе церкви.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Сурдехскій монастырь.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ почтовой дороги изъ Поневѣжа въ Вилькомірь, въ 35 верстахъ отъ г. Поневѣжа, на границѣ поневѣжскаго и вилькомирскаго уѣздовъ, въ срединѣ уединенной большой поляны, окойиленной со всѣхъ сторонъ еловымъ лѣсомъ, издали виднѣются каменныя одноэтажныя зданія и не большая каменная церковь. Это сурдехскій св.-Духовскій монастырь. Когда и кѣмъ основана въ глуши лѣсовъ Жмуди эта обитель, неизвѣстно. Изъ даретвенной записи на принадлежавшее этому монастырю имѣніе Вождели видно, что „скарбникова" великаго княжетва литовскаго, Анна Ставецкая, по мужу Городецкая-Вилкевичева, въ 1636 г. начала уже строить, на мѣсто совершенно-обветшалой, новую церковь. Слѣдовательно, основаніе первой церкви и, можетъ быть, при ней монастыря, съ достовѣрностію можно отнести къ XV или даже XIV вѣку. Портретъ благочестивой боярыни, которой имя

сохранилъ потомству историческій документъ, до сего времени хранится въ келіяхъ настоятеля монастыря. Исторія не сохранила ни одного документа, не подсказала ни одного факта, чтобы сурдекская обитель хотя на одинъ день измѣнила православію. Явленіе замѣчательное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ сѣверо-западной Россіи! Судьбы этой святыни нельзя сравнить съ судьбами соименной ей обители въ Вильнѣ. Въ Вильнѣ былъ центръ русской жизни; было кому защищать права православной церкви; въ Сурдекахъ же все было противъ существованія православнаго монастыря. Замѣчательно и то, что сурдекская чудотворная икона Богоматери до сего времени чествуется благоговѣйно и католическимъ населеніемъ. Значитъ, не смотря на вѣковую систематическую деморализацію простаго народа, его политическое и религіозное перевоспитаніе, все таки осталось въ немъ смутное сознаніе его родственнаго союза съ дорогою святынею. Каковы были судьбы сурдекскаго монастыря, во время вѣковаго разгрома въ краѣ православныхъ храмовъ уніею и католичествомъ, неизвѣстно. Достовѣрно то, что сурдекская церковь въ началѣ настоящаго столѣтія, и въ тридцатыхъ даже годахъ, была единственною въ ковенской губерніи; что она была звеномъ, связующимъ все раскинутое по губерніи православное населеніе, оплотомъ его вѣры и хранилищемъ самыхъ дорогихъ его духовныхъ интересовъ; что, какъ теперь въ дни торжества православной церкви, оно собирается изъ уѣздовъ ковенскаго, вилкомірскаго, поневѣжскаго, шавельскаго, новоалександровскаго и даже трокскаго (виленской губерніи), такъ и во дни безвыходнаго бѣдствія и страданій православныхъ, оно ко дню Успѣнія оставляло свои лачуги и лѣсныя чащи, куда поселила его воля туземнаго землевладѣльца, и плелось съ котомкою на плечахъ въ дорогую святыню къ царицѣ Небесной, утѣшиться бесѣдою съ своими единовѣрными братьями 1). И не будь сурдекской обители, кто знаетъ, можетъ быть, оставшаяся горсть православнаго сельскаго сельскаго населенія въ ковенской губерніи сократи-

---

1) Но нынѣ въ деревнѣ Судегагъ нѣтъ ни одного православнаго семейства; даже вся прислуга въ монастырѣ состоитъ изъ римско-католиковъ.

лась бы въ расколъ, или сдѣлалась бы достояніемъ костеловъ, какъ погибли для церкви православной цѣлыя тысячи русскаго народа.... Кромѣ туземнаго православнаго населенія, къ успенскому празднику собирается въ Сурдеги большое число православныхъ изъ Риги. Сурдегскій монастырь составляетъ предметъ особенныхъ заботъ рижскаго купечества. Нынѣ существующій храмъ построенъ купечествомъ въ 1812 году. Въ послѣдніе годы онъ возобновленъ тѣмъ же купечествомъ. Церковная утварь, ризница все—большею частію даръ рижскаго купечества. Можетъ быть одинаковость судьбы православныхъ и недостатокъ святынь привлекали и привлекаютъ сюда добрыхъ рижанъ, и нельзя безъ особеннаго умиленія видѣть, съ какимъ рвеніемъ прибывшіе издалека богомольцы стараются уготовать домъ Царицы Небесной къ свѣтлому празднику Ея небошествія, и уготовать самихъ себя къ достойному его празднованію. Богомолье начинается съ начала поста. Прибывъ въ монастырь, богомольцы говѣютъ и отправляются въ Вильну къ мощамъ св. мучениковъ. Къ четырнадцатому числу они снова возвращаются въ обитель. Послѣ литургіи, очистка церкви и приготовленіе оной къ празднику обыкновенно совершаются богомольцами. Это дорогое право пріобрѣтено рижанами. Въ четыре часа настоятель совершаетъ въ теплой успенской церкви молебенъ Богоматери. Предъ всенощнымъ бдѣніемъ, при молебномъ пѣніи Богоматери, совершается перенесеніе праздничной иконы въ главный храмъ обители. Нужно быть въ Сурдекахъ, нужно видѣть молитвенное чувство народа; нужно самому проникнуться этимъ благоговѣйнымъ чувствомъ, чтобы понять, что значатъ Сурдеги на Жмуди.... Вотъ вышелъ крестный ходъ. Молитвенное ликованіе народа заглушаетъ звуки пѣсни церковной и звонъ колоколовъ. Весь соборъ священнодѣйствующихъ смѣшался, потерялся въ толпѣ; и сила не сдержитъ народа, который, бросился къ чудотворной иконѣ, чтобы пройти подъ нею, поклониться и приложиться къ ней, чтобы взять горсть земли, гдѣ остановилась святыня во время чтенія евангелія. И день и ночь, все время праздника двери храма открыты, и продолжается то молебное, акаѳистное, то заупокойное молитвенное пѣніе Царицѣ Небесной.... Шестнадцаго числа утромъ совершается крестный ходъ на кладбище, гдѣ,

по совершеніи общей панихиды, совершаются литіи надъ могилами, по синодикамъ богомольцевъ, и потомъ совершается панихида въ стѣнахъ обители, надъ братними могилами настоятелей и иноковъ, положившихъ свои кости въ стѣнахъ обители. Нигдѣ въ Литвѣ я не видѣлъ въ синодикахъ простонародья такого великаго числа именъ иноковъ и имени великаго борца за литовскую церковь, митрополита Іосифа. Знать, великую службу сослужили народу русскому и церкви православной эти безвѣстные иноки, если такою благоговѣйною любовію чествуетъ могилы ихъ память народа.... Послѣ литургіи, когда крестный ходъ возвращается въ церковь, совершается водосвятіе, литійное благословеніе хлѣбовъ, которые приготовляются въ большомъ количествѣ для всѣхъ богомольцевъ, и напутственное молебствіе. Святая обитель молитвою и благословеніемъ напутствуетъ странниковъ-богомольцевъ. Всѣ эти службы почему-то получили въ народѣ названіе прощальнаго молебна, и самый день этотъ называется прощальнымъ днемъ.... По окончаніи богослуженія народъ собирается домой. Разстаются люди, несвязанные, ни интересами жизни, ни родными преданіями, встрѣтившіеся только въ обители Богоматери, встрѣтившіеся здѣсь десять, двадцать, тридцать разъ, и связанные отрадными и грустными воспоминаніями впечатлѣній и думъ, прочувствованныхъ въ стѣнахъ монастыря, памятью общихъ свѣтлыхъ и темныхъ дней, какъ будто прожитыхъ вмѣстѣ. И разстаются эти люди, какъ близскіе родные. Святая обитель связала ихъ святою народною любовію.

Да, сурдегскій монастырь вправѣ ожидать, что русское общество, воздвигнувшее изъ развалинъ народныя святыни, воскресившее въ краѣ память о древней православно-русской жизни, дасть и ему внѣшній видъ и значеніе, какое онъ заслужилъ своею великою службою церкви православной. Живой свидѣтель вѣковаго разгрома русской жизни, воспитавшій и сохранившій въ праотеческой вѣрѣ, на сколько хватило у него мужества и нравственныхъ силъ, нѣсколько поколѣній православнаго населенія, онъ, во дни торжества православной церкви, остается одинокимъ, бѣднымъ, малонаселеннымъ монастыремъ, лишеннымъ средствъ продолжать въ широтѣ дѣло своего историческаго призванія. Что, еслибы, напримѣръ, при мона-

стырѣ устроить училище для дѣтей православныхъ поселенцевъ, которые по своей крайней бѣдности, не могутъ отдавать своихъ дѣтей въ школы, и обезпечить безбѣдное существованіе училища средствами постоянными?... Въ ковенской губерніи чувствуется крайній недостатокъ въ хорошо-грамотномъ, сельскомъ, православномъ населеніи. Воспитать и подготовить этому населенію людей, способныхъ подержать, ободрить колеблющіяся нравственныя силы русскаго простонародья, и дать имъ надлежащее направленіе, былобы дѣломъ достойнымъ сурдегскаго монастыря, назначеннымъ ему Богомъ и исторіею....

С.

(Виленск. Вѣстн.).

1-го сентября 1870 г.

Мѣры къ обезпеченію за учениками лучшихъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ.

(Протоколъ педагогическаго совѣта петроковской мужской гимназіи).

Начальникъ лодзинской учебной дирекціи, разсматривая вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ петроковской гимназіи за первую треть $18^{69}/_{70}$ учебнаго года, нашелъ что изъ числа 296 учениковъ этой гимназіи 124 отмѣчены неудовлетворительно по русскому языку. Такъ какъ, на основаніи § 10 правилъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній, неудовлетворительная отмѣтка, особенно по русскому языку, русской исторіи и географіи, безусловно лишаетъ ученика права на переводъ въ высшій классъ, то столь значительное число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ представляетъ крайне неотрадное явленіе, для предотвращенія котораго начальникъ дирекціи, г. Тернавскій, предложилъ педагогическому совѣту принять мѣры къ усиленію русскаго языка, дабы такимъ образомъ дать возможность слабымъ ученикамъ пріобрѣсть надлежащія свѣдѣнія въ этомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—право на переводъ въ высшій классъ.

Педагогическій совѣтъ, приступая въ засѣданіи 20 января с. г. къ обсужденію предложеннаго вопроса, счелъ необхо-

диненъ разсмотрѣть отмѣтки учениковъ не только по русскому языку, но и по другимъ предметамъ. По предмету русскаго языка оказалось, что почти половина учениковъ, неудовлетворительно успѣвающихъ въ этомъ языкѣ, принадлежитъ къ второгодичнымъ ученикамъ. Неуспѣшность ихъ объясняется сколько недостаточною подготовкою ихъ въ русскомъ языкѣ, столько же слабыми способностями нѣкоторыхъ изъ нихъ и недостаткомъ прилежанія. Кромѣ того, преподаватели русскаго языка заявили, что нѣкоторымъ ученикамъ неудовлетворительныя отмѣтки по русскому языку за I-ю треть поставлены съ педагогическою цѣлью, чтобъ заставить ихъ приложить большее усиліе къ изученію этого языка. Принимая во вниманіе это заявленіе, совѣтъ полагаетъ, что изъ числа 124 учениковъ, получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки въ русскомъ языкѣ, значительный процентъ ихъ въ концѣ учебнаго года перейдетъ въ разрядъ удовлетворительно аттестуемыхъ учениковъ. Но въ виду весьма важнаго значенія русскаго языка въ кругу предметовъ гимназическаго курса, нельзя не принять особенныхъ мѣръ къ обезпеченію какъ за малоуспѣвающими, такъ и за всѣми учениками гимназіи лучшихъ успѣховъ въ этомъ языкѣ.

Главною изъ таковыхъ мѣръ должно признать обращеніе особеннаго вниманія на практическую сторону занятій русскимъ языкомъ. Для этой цѣли слѣдуетъ усилить практическія упражненія учениковъ въ русскомъ языкѣ во всѣхъ классахъ, съ I-го до VII-го включительно, начиная оныя съ диктовки и пріучая постепенно учениковъ низшихъ классовъ составлять предложенія, а высшихъ—сочиненія. Такъ какъ для практическихъ упражненій и диктовки въ классахъ выработано уже педагогическою литературой нѣсколько различныхъ пріемовъ, то лучшіе изъ нихъ были тутъ же разсмотрѣны и приняты во вниманіе членами совѣта, съ цѣлью приложенія ихъ къ самому дѣлу. При этомъ инспекторъ гимназіи, г. Солнцевъ, предложилъ болѣе другихъ установившійся методъ диктовки, состоящій въ томъ, что, прежде чѣмъ начнутъ ученики писать подъ диктантъ, они должны предварительно ознакомиться со смысломъ и содержаніемъ статьи; для этого статья читается учителемъ и затѣмъ диктуется цѣлыми предложеніями, а не отдѣльными словами; этого общаго пріема необходимо, по его мнѣнію, держаться

отъ I до VII класса включительно, если мы желаемъ, чтобъ диктовка не была однимъ безсознательнымъ, механическимъ дѣломъ, а сопровождалась бы мыслію и сознаніемъ пишущаго. Затѣмъ въ частности нужно отличать диктовку первоначальную отъ диктовки въ собственномъ смыслѣ.

Диктовка первоначальная начинается съ самаго простаго и легчайшаго способа списыванія съ книги. Для этого выбранное стихотвореніе, или статья, читается въ классѣ учителемъ и учениками; содержаніе ея возводится до степени яснаго пониманія посредствомъ объясненія не только главныхъ мыслей, но и отдѣльныхъ словъ, и только послѣ этого назначается она къ списыванію съ книги въ тетради. Ошибки въ списанной по книгѣ статьѣ должны быть отысканы самими учениками, посредствомъ сличенія написаннаго съ текстомъ книги, и должны быть замѣчены на сторонѣ тетради. Затѣмъ статья выучивается на-изустъ и пишется при отвѣтахъ на доскѣ. Ошибки исправляются и объясняются въ классѣ учениками.

Когда ученики пріобрѣли легкость къ вѣрному списыванію съ книги, учитель переходитъ къ диктовкѣ, и, соблюдая строгую постепенность, начинаетъ съ легчайшаго. Онъ произноситъ небольшое простое предложеніе и заставляетъ учениковъ повторить оное до тѣхъ поръ, пока они не запомнятъ его и не произнесутъ хорошо и безошибочно; потомъ уже, объяснивъ трудныя для правописанія слова, велитъ ученикамъ написать это предложеніе. Просмотрѣвъ нѣсколько тетрадей, онъ вызываетъ слабѣйшаго ученика, для написанія на доскѣ продиктованнаго предложенія; ошибки исправляются—вызваннымъ ученикомъ на доскѣ, а прочими учениками въ тетрадяхъ.

Послѣ такихъ приготовительныхъ пріемовъ, существенно необходимыхъ для достиженія той пользы, какая ожидается отъ диктовки, какъ важнаго практическаго упражненія, способствующаго ученикамъ пріобрѣтать навыкъ къ правильному употребленію языка на письмѣ, ведется уже диктовка въ собственномъ смыслѣ. Какъ бы ни были разнообразны пріемы при употребленіи ея сообразно потребностямъ и развитію класса, необходимо при ней строго держаться слѣдующихъ правилъ:

1. Письму подъ диктовку должно предшествовать полное пониманіе смысла диктуемаго. Для этого статья должна быть

прочитана сначала вся, а потомъ въ отдѣльныхъ, но цѣлых предложеніяхъ.

2. При самой диктовкѣ необходимо употреблять слѣдующі пріемы: *а*) строго наблюдать, чтобъ диктуемое предложеніе бы ло все понято и запомнено всѣми учениками, при чемъ не долж но дозволять ученикамъ обращаться къ диктующему за разъяс неніемъ отдѣльныхъ словъ; *б*) пріучать и требовать, чтобы пос тановка знаковъ прѣпинанія производилась во время самого пи санія, а не послѣ онаго; *в*) при пересмотрѣ тетрадей учителю самому не указывать ошибокъ, по крайней мѣрѣ ем самому не исправлять ихъ; *г*) дѣлать, на сколько это будет возможно и доступно, подробный ореографическій разборъ каж даго слова, съ указаніемъ синтаксическихъ требованій для пос тановки знаковъ препинанія; *д*) наблюдать за цѣлостію, опрят ностію и чистотою тетрадей, содержащихъ въ себѣ какъ дик товку, такъ равно и выученныя стихотворенія. Тетради эт должны быть представлены къ экзамену, какъ вещественное до казательство трудовъ учащихъ и учащихся.

Правила эти, предложенныя инспекторомъ, приняты членам совѣта къ руководству, какъ вполнѣ удовлетворяющія предп ложенной цѣли. Кромѣ того, совѣтомъ постановлено: *а*) что бы всѣ преподаватели, при выслушиваніи уроковъ, непремѣнн исправляли произношеніе учениковъ, заставляя ихъ повторят неправильно произнесенныя слова или предложенія до тѣхъ пор пока ученикъ не исправитъ своей ошибки, и чтобы не остав ляли необъясненнымъ ни одного не понятаго ученикомъ слова *б*) чтобы въ точности исполнялось состоявшееся предъ тѣм постановленіе педагогическаго совѣта объ употребленіи учащи мися съ учителями и между собою въ стѣнахъ заведенія едино го русскаго языка, и *в*) чтобы первая половина каждаго класс наго урока была употребляема на повѣрку знанія учениковъ а вторая—на объясненіе слѣдущаго урока.

О мѣрахъ къ правильному произношенію русскихъ словъ учениками гимназій.

(Замѣтки учителя лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища И. Лебединскаго).

Первоначальнымъ пріемомъ по этому предмету должно служить, конечно, классное чтеніе даннаго открывка подъ руководствомъ и наблюденіемъ самаго преподавателя. Учитель, предлагая для чтенія избранную статью, сперва самъ читаетъ ее вслухъ учащимся, потомъ заставляетъ ихъ самихъ по частямъ повторять прочитанное и при этомъ исправляетъ какъ ошибочное произношеніе ими отдѣльныхъ буквъ и слоговъ, такъ въ особенности не правильное размѣщеніе удареній, правильная постановка которыхъ вообще составляетъ камень преткновенія для учениковъ здѣшнихъ гимназій. Этотъ недостатокъ обыкновенно исправляется такимъ образомъ, что при чтеніи ученики, внимая указаніямъ учителя, замѣчаютъ гдѣ надъ каждымъ словомъ должно возвысить голосъ, или, что тоже, поставить удареніе, и еще въ классѣ во время урока успѣваютъ усвоить правильность отчетливаго чтенія съ соблюденіемъ удареній. Такой способъ чтенія вообще употребляется въ младшихъ классахъ, гдѣ самый процессъ чтенія происходитъ подъ личнымъ руководствомъ самого преподавателя, старающагося пріучить слухъ и языкъ учащихся частымъ повтореніемъ читаемаго. Въ этихъ классахъ, для укрѣпленія и упражненія памяти, принято задавать учащимся небольшія прозаическія сочиненія и стихотворенія, какъ то: описанія, разсказы, басни и т. п., правильное чтеніе которыхъ предварительно уже усвоено ими въ классѣ.

Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ чтеніе русской книги сопровождается ошибочнымъ произношеніемъ даже въ старшихъ классахъ, гдѣ большая часть учащихся не скоро отвыкаетъ отъ этого недостатка, не смотря на постоянныя учительскія указанія и замѣчанія. Безъ сомнѣнія, главная причина заключается не въ лѣности или неспособности учащихся, а во первыхъ, въ рѣзкомъ различіи между удареніями въ словахъ русскихъ и польскихъ, состоящемъ въ томъ, что въ русскихъ словахъ удареніе не ограничивается извѣстнымъ слогомъ, какъ въ польскихъ,

гдѣ оно ставится всегда на предпослѣднемъ слогѣ: будь тоже самое и въ русскомъ языкѣ, польскій юноша никогда не дѣлалъ бы ошибокъ ни въ русскомъ чтеніи, ни въ русской разговорной рѣчи. Во-вторыхъ, трудность эта заключается въ недостаточности и неопредѣленности русскаго словоударенія, которое еще не приведено къ строго-положительнымъ правиламъ. При изученіи выговора таковая трудность еще болѣе увеличивается, вслѣдствіе установившагося въ русскомъ словоударенiи различія между языкомъ *письменно-литературнымъ*, общимъ классу людей образованныхъ, и *чисто-народнымъ*, говоръ котораго слышится въ нашихъ пѣсняхъ, сказкахъ, былинахъ, пословицахъ, поговоркахъ, вообще въ рѣчи простаго народа.

Въ народномъ говорѣ нерѣдко одно и тоже слово въ одномъ и томъ же значеніи употребляется съ перестановкою ударенія. Такъ:

вмѣсто	дѣвица	выговаривается	дѣвица,
„	молоде́цъ	„	мо́лодецъ,
„	поднебе́сье	„	поднѐбесье,
„	слобода́	„	сло́бода,
„	удало́й	„	уда́лый,
„	ше́лковый	„	шелко̀вый и т. д.

Въ граматически-измѣняемыхъ частяхъ рѣчи,—склоняемыхъ и спрягаемыхъ,—одно и то же имя существительное часто измѣняетъ свое удареніе смотря по числу и падежу, въ какомъ оно употребляется, а глаголъ,—по извѣстному отличію лица, числа, времени и вида, напримѣръ: рука, руки, руки; голова, головы, головы; пишу, пишешь, писалъ; мо́лчу, молчишь, молча; терплю, терпишь, терпѣлъ; узнаю, узнаешь, узнаю, узнать. и т. п.

Всѣ таковыя слова учащіеся пріучаются правильно произносить единственно въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя, личный авторитетъ котораго служитъ для нихъ живымъ примѣромъ подражанія. Мы говоримъ: *въ классѣ*; потому что внѣ класса, въ отсутствіе учителя, наши ученики остаются по большей части безъ средствъ къ утвержденію и усовершенствованію себя въ томъ, что они слышатъ въ классѣ русскаго языка. Дома имъ почти не съ кѣмъ мѣняться мыслями и упражняться въ разговорномъ русскомъ языкѣ, а при чтеніи здѣсь имъ также не къ кому обратиться, чтобъ повѣ-

рить правильность своего чтенія. Это особенно замѣтно въ нашемъ фабричномъ городѣ, гдѣ учащіеся—по большей части—дѣти нѣмцевъ колонистовъ, по ремеслу прядильщиковъ, красильщиковъ и ткачей, или же немногихъ польскихъ уроженцевъ и евреевъ, которые всѣ разговариваютъ съ своими домашними и между собою по-нѣмецки, по-польски, или на еврейскомъ жаргонѣ, а русскаго говора въ домахъ ихъ вовсе не слышно. Это послѣднее обстоятельство служитъ также не маловажнымъ препятствіемъ для учащихся къ правильному выговору русскихъ реченій: они по необходимости должны ограничиваться и дорожить единственно только классными упражненіями.

Но, съ другой стороны, внѣклассныя занятія, при которыхъ ученикамъ предоставляется полная свобода ихъ собственнымъ умственнымъ усиліямъ, при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть сколько полезны, столько же и успѣшны. Къ условіямъ, облегчающимъ учениковъ въ этого рода самостоятельныхъ упражненіяхъ, едва ли однакожъ можно отнести мѣру, предложенную въ протоколѣ педагогическаго совѣта иловкой гимназіи, помѣщенномъ въ январскомъ нумерѣ циркуляра текущаго года, и состоящую въ приготовленіи и разработкѣ учениками собственныхъ сочиненій на заданную тему, а затѣмъ въ чтеніи ими лучшихъ изъ таковыхъ сочиненій въ опредѣленные внѣклассные дни, въ присутствіи всѣхъ учениковъ и преподавателей гимназіи. Спрашивается, какимъ образомъ ученикъ, написавшій лучшее сочиненіе на заданную тему, приготовится самъ прочесть оное, предъ своими товарищами и въ присутствіи преподавателей, съ правильною интонаціею и съ должнымъ соблюденіемъ удареній? Если такой ученикъ будетъ одинъ изъ того большинства учащихся, которое, по справедливому замѣчанію означеннаго протокола, „въ наибольшей части русскихъ словъ ставитъ удареніе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ", то само собою разумѣется, что при чтеніи онъ будетъ весьма часто ставить на словахъ ударенія ошибочно. Поэтому, въ виду назначенія подобныхъ внѣклассныхъ чтеній, направленнаго къ устраненію неправильнаго выговариванія русскихъ словъ, придется въ этихъ нарочно устанавливаемыхъ внѣклассныхъ собраніяхъ поминутно прерывать чтеніе учениковъ поправками ихъ ошибокъ со стороны присутствующихъ учителей или лучшихъ учениковъ, а та-

кая обстановка едва ли будетъ способствовать къ достиженію предположенной цѣли. Гораздо лучше предоставить ученикамъ пріучаться къ правильности выговора посредствомъ свободнаго и самостоятельнаго упражненія ихъ въ чтеніи русскихъ образцевыхъ литературныхъ произведеній, которыя представляютъ болѣе обширный словесный матеріалъ, чѣмъ какое бы то ни было сочиненіе ученика, хотя бы и лучшее, но произносимое съ большимъ числомъ погрѣшностей противъ удареній.

По нашему мнѣнію, для достиженія означенной цѣли должно принять въ основаніе такую практическую мѣру, при которой большая часть учащихся сама была бы въ состояніи выполнять требуемую отъ нея задачу внѣклассныхъ чтеній. Чтенія эти должны имѣть своимъ предметомъ, какъ уже замѣчено, не ученическія, хотя бы и лучшія сочиненія, а литературныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей; избранныя же для чтенія произведенія должны быть читаны, для пріученія органа слова къ правильности выговора, явственно и въ-слухъ, причемъ постепенный переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему требуетъ того, чтобы начинать чтеніе не съ прозы, а со стиховъ.

Такъ какъ въ старшихъ классахъ, начиная съ пятаго, преподавателю русскаго языка и словесности приходится объяснять ученикамъ тотъ или другой размѣръ русскихъ стиховъ, то для приготовленія внѣкласснаго чтенія можно избрать на первый разъ всего чаще встрѣчающійся ямбическій четырехстопный размѣръ, какимъ написаны многія поэмы и мелкія стихотворенія Пушкинымъ и другими нашими поэтами.

Избравъ для внѣкласснаго упражненія учениковъ въ чтеніи какой либо значительный отрывокъ стихотворенія, или цѣлую небольшую поэму, либо законченный отрывокъ драмы, или отдѣльную какую либо балладу, элегію, басню, преподаватель долженъ показать и объяснить размѣръ избраннаго стихотворенія только на нѣсколькихъ стихахъ, чтобъ не слишкомъ облегчить ученикамъ заданную работу, но предоставить еще многое и ихъ собственному, самостоятельному труду. Стихотворную же рѣчь признаемъ мы болѣе доступною, чѣмъ прозаическую, которая, безъ помощи учителя, труднѣе поддается силамъ учениковъ, по слѣдующимъ причинамъ.

1) Стихъ, заключающій въ себѣ извѣтный размѣръ, уже тѣмъ самымъ прямо указываетъ на правильное удареніе или повышеніе голоса на извѣстномъ слогѣ каждаго выраженія и этимъ облегчаетъ правильность чтенія словъ по удареніямъ, остающимся неизмѣнными не только въ прозѣ, но и въ стихахъ; потому что у лучшихъ нашихъ поэтовъ слова употребляются не иначе, какъ съ правильными удареніями, то есть, удерживаютъ свойственное имъ удареніе на своемъ мѣстѣ въ стихотворной рѣчи, также какъ и въ прозаической. Такого указанія не въ состояніи представить ученику его собственное сочиненіе; читая свое сочиненіе, онъ дѣйствуетъ относительно удареній, какъ бы ощупью, и потому часто возвышаетъ голосъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, между тѣмъ какъ стихи, съ толкомъ и отчетливо читаемые, служатъ читающему такою книгою, въ которой онъ находитъ отдѣльныя слова какъ будто съ означенными уже на нихъ удареніями.

2) Избранное стихотвореніе представляетъ ученику богатый и отборный словесный матеріалъ, изъ котораго ему остается только извлекать данныя, потребныя для предположенной цѣли; ему предстоитъ только трудъ передать памяти готовое количество выраженій съ точными указаніями правильнаго звукоударенія. Такое богатство готоваго матеріала едва ли можетъ быть извлечено ученикомъ изъ его собственнаго труда, представляющаго можетъ быть первое произведеніе молодыхъ силъ его, еще не развитыхъ для литературной дѣятельности.

3) Чтеніе образцоваго стихотворнаго произведенія можетъ составить занятіе легкое, интересное и доступное, если не всѣмъ то по крайней мѣрѣ большей части учениковъ высшихъ классовъ гимназій здѣшняго края; кромѣ того, оно можетъ быть предварительно приготовлено всѣми учениками, слушающими читающаго товарища, что даетъ имъ возможность удобнѣе оцѣнить правильность чтенія и замѣтить изустно, или письменно, погрѣшности въ выговорѣ словъ. На противъ того, при чтеніи ученикомъ своего собственнаго сочиненія, хотя бы даже и исправленнаго преподавателемъ, слушающіе его товарищи, внимая въ первый разъ звукамъ неизвѣстнаго имъ произведенія [1]), не въ состояніи будутъ строго и от-

---

1) Всѣмъ ученикамъ невозможно прочесть сочиненіе, обыкновенно представляемое въ одномъ экземплярѣ. *Авт.*

четливо слѣдить за самимъ чтеніемъ, хотя бы даже читаемое сочиненіе имѣло ту же тему, на которую написаны находящіеся у нихъ подъ рукою ихъ собственныя сочиненія, потому что каждое изъ нихъ, безъ сомнѣнія, отличается, если не своимъ содержаніемъ, то непремѣнно словами и выраженіями, представляющими главный матеріалъ для словоудареній.

4) Изъ навыка и умѣнья правильно произносить слова при чтеніи даннаго стихотворенія вытекаетъ для учениковъ возможность удобно выражать или излагать его безъ рифмъ, простѣйшимъ способомъ, болѣе или менѣе приближающимся къ расположенію словъ въ прозаической рѣчи и притомъ безъ измѣненія самыхъ словъ подлинника. Это занятіе ни мало не должно затруднять учащихся, тѣмъ болѣе, что здѣсь все дѣло состоитъ только въ измѣненіи расположенія словъ и отдѣльныхъ предложеній для образованія изъ нихъ той же самой, по содержанію ничѣмъ не отличающейся, рѣчи текста.

По своему смыслу или содержанію рѣчь эта останется тою же поэтическою, а только получитъ словорасположеніе нѣсколько отличное, прозаическое. За то ученикъ, самъ составляя подобную рѣчь, на практикѣ испытываетъ и упражняетъ свои силы въ искуствѣ правильно и отчетливо повторять безошибочный выговоръ знакомыхъ ему словъ. Напримѣръ: умѣя уже читать съ правильною интонаціею удареній въ каждомъ словѣ слѣдующіе стихи, ямбическаго размѣра:

Большой владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
„Какъ быть?“ Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная,
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ, и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна.

ученикъ можетъ прочесть эти стихи также правильно, не ошибаясь въ удареніяхъ, и въ слѣдующемъ прозаическомъ расположеніи содержащихся въ нихъ словъ и выраженій:

Младая путница въ сельской и убогой одеждѣ,

съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, тихо шла большой владимірской дорогой; тайный страхъ (замѣтенъ) въ усталомъ взорѣ. „Какъ быть"? (думаетъ она). Москва въ семи верстахъ; межъ холмовъ дорога (идетъ) лѣсная, а въ дымномъ полѣ ужь скоро ляжетъ ночная тѣнь, и луна лишь въ полночь видна (будетъ) на небѣ.

Пояснительными вставками, помѣщенными въ скобкахъ для полноты прозаической рѣчи, нисколько не умаляются поэтическія красоты подлинника, если только эти поясненія употребляются кстати. Пусть поэтическія свойства слога—сила, краткость и сжатость выраженій—остаются и въ прозѣ, но только съ оттѣнками, пояснeніями и дополненіями, которыхъ необходимо требуетъ прозаическая рѣчь, располагающая мысли съ большею полнотою предложеній, соотвѣтственно простому логическому теченію мыслей и безъ подразумѣваній, часто предоставляемыхъ поэтомъ воображенію читателя.

Такими, по нашему мнѣнію, упражненіями ученики могутъ постепенно и съ большею удобностію пріобрѣсть навыкъ въ правильномъ выраженіи русскихъ словъ, и затѣмъ въ состояніи перейти къ другимъ, дальнѣйшимъ, по изученію языка, занятіямъ, какъ то: къ болѣе отчетливому чтенію или декламаціи, къ свободному переложенію стихотвореній въ прозаическую рѣчь, къ чтенію произведеній нашихъ лучшихъ прозаиковъ и наконецъ, къ составленію собственныхъ сочиненій на заданную тему. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что, въ виду предположенной нами исправленія господствующаго недостатка въ правильномъ выговорѣ русскихъ словъ по удареніямъ, задавать ученикамъ трехъ высшихъ классовъ гимназіи темы для письменной разработки и заставлять ихъ читать только лучшія изъ сочиненій на эти темы,—значитъ дѣлать значительный перерывъ между предположенною цѣлью и прямымъ средствомъ къ достиженію оной,—значитъ имѣть въ виду одну опредѣленную цѣль, но предполагать еще въ тоже время и цѣли другія. Для предположеннаго въ приведенномъ протоколѣ исправленія выговора русскихъ словъ, избирается средствомъ разработка учениками собственныхъ сочиненій на заданную тему и чтеніе ими таковыхъ сочиненій въ присутствіи своихъ товарищей и препода-

вателей, съ тою, какъ замѣчено въ томъ же протоколѣ, цѣлью, чтобы съ одной стороны поощрять трудъ учениковъ должною оцѣнкою онаго въ глазахъ ихъ товарищей, и съ другой стороны—возбуждать соревнованіе къ изученію русскаго языка въ прочихъ ученикахъ гимназіи, да, сверхъ того, съ тѣмъ, чтобы можно было видѣть, на какомъ уровнѣ находится въ гимназіи знаніе русскаго языка, для принятія затѣмъ мѣръ къ большему и большему возвышенію этого уровня. Спрашивается, прямо ли соотвѣтствуетъ предположенной цѣли рекомендуемое средство?—Правда, литературныя чтенія или такъ называемыя бесѣды назначаются по временамъ, въ классное время, въ гимназіяхъ другихъ учебныхъ округовъ, но единственно съ тою цѣлью, чтобъ учащіеся постепенно расширяли кругъ своихъ знаній и испытывали свои силы въ разработкѣ задаваемыхъ имъ темъ, или въ критической оцѣнкѣ и разборѣ лучшихъ произведеній отечественныхъ писателей. Тутъ упражненіе въ правильномъ выговорѣ отдѣльныхъ выраженій или вовсе не имѣетъ мѣста, или составляетъ предметъ не особенной важности, такъ какъ русскій юноша уже болѣе или менѣе владѣетъ правильнымъ русскимъ разговорнымъ и литературнымъ языкомъ, чего нельзя сказать объ ученикахъ здѣшнихъ гимназій, съ трудомъ отвыкающихъ отъ употребленія въ русскихъ словахъ польскаго выговора.

(Цирк. по варш. учеб. округу).

О результатахъ мѣры, принятой въ плоцкой мужской гимназіи для усиленія въ ученикахъ знанія русскаго языка.

Въ № 1-мъ циркуляра за нынѣшній годъ напечатанъ протоколъ педагогическаго совѣта плоцкой мужской гимназіи. Содержаніе этого протокола—предложеніе ученикамъ трехъ старшихъ классовъ темъ для письменной разработки и затѣмъ чтеніе самими же учениками лучшихъ изъ своихъ упражненій на эти темы въ присутствіи учениковъ своего и другихъ классовъ, а также и наставниковъ. Мѣру эту совѣтъ гимназіи призналъ полезною для возвышенія уровня знаній по русскому языку между

учениками плоцкой гимназіи и положилъ привести ее въ исполненіе съ начала втораго полугодія $18^{69}/_{70}$ учебнаго года. Учебное полугодіе прошло и упомянутая мѣра осуществилась. Въ настоящее время есть возможность сказать нѣсколько словъ о результатахъ означенной мѣры, ея пригодности и послѣдствіяхъ, какія она приноситъ по отношенію къ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ. Считаемъ нужнымъ поговорить объ этомъ предметѣ еще и потому, что въ циркулярѣ за іюнь мѣсяцъ напечатаны замѣтки г. Лебединскаго, въ которыхъ авторъ съ одной стороны предлагаетъ мѣры къ правильному произношенію русскихъ словъ учениками здѣшнихъ гимназій, а съ другой въ мѣрѣ, признанной совѣтомъ плоцкой гимназіи полезною, находитъ значительный перерывъ между предположенною цѣлью и прямымъ средствомъ къ достиженію ея.

Нельзя не согласиться, что мѣры, предлагаемыя г. Лебединскимъ, имѣютъ практическое значеніе. Изученіе русскихъ стиховъ безспорно помогаетъ правильному выговору русскихъ словъ. Но эта мѣра, не знаю, какъ въ другихъ гимназіяхъ, а въ плоцкой, начиная съ 1865 года и по настоящее время, составляетъ одинъ изъ постоянныхъ пріемовъ при преподаваніи русскаго языка. При этомъ надо замѣтить, что многіе изъ учениковъ сознательно пользуются упомянутымъ средствомъ, о чемъ можно судить по обращенію учениковъ къ преподавателямъ за разъясненіемъ встрѣчающейся у поэтовъ такъ называемой поэтической вольности, напр.: „гремитъ музыка боевая“, гдѣ въ словѣ „музыка“, удареніе, по требованію размѣра, падаетъ на второй слогъ, тогда какъ это слово обыкновенно произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Кромѣ того, что стихи изучаются во всѣхъ классахъ съ устною передачею ихъ при отвѣтахъ учениковъ и въ прозаическомъ переложеніи, ученики III и IV классовъ обязаны дѣлать письменное переложеніе тѣхъ стиховъ въ прозу, которые они обыкновенно приготовляютъ къ классному времени и которые прочитываются имъ раньше самимъ преподавателемъ. Здѣсь, разумѣется, объясняются и грамматическія правила, находящія для себя примѣненіе въ данномъ стихотвореніи. Такими пріемами обезпечивается ученикамъ не только сравнительно легкое по отношенію къ выговору усвоеніе стиховъ, но и болѣе затруднительная передача ихъ прозаической рѣчью.

Что же касается до внѣкласснаго чтенія учениками книгъ, какъ средства обогащающаго умственный и нравственный ихъ міръ, то и этотъ пріемъ, въ ряду недагогическихъ мѣръ гимназическаго совѣта, занимаетъ весьма видное мѣсто, предоставляя ученикамъ возможность къ правильности выговора посредствомъ свободнаго и самостоятельнаго упражненія въ чтеніи русскихъ образцовыхъ произведеній. Не лишнимъ будетъ, если упомянемъ, какъ ведется и самый контроль надъ чтеніемъ. Книги раздаются помощникомъ инспектора три раза въ недѣлю. Каждое взятое изъ ученической библіотеки сочиненіе записывается за ученикомъ подъ его номеромъ въ особой книгѣ. При возвращеніи прочитанной книги, ученикъ долженъ разсказать ея содержаніе. Далѣе, при посѣщеніи ученическихъ квартиръ, наставники спрашиваютъ о книгахъ, данныхъ ученикамъ, ихъ содержаніи, недоразумѣніяхъ какъ относительно значенія словъ, такъ и касательно правильнаго ихъ выговора. Многіе изъ учениковъ имѣютъ тетради, въ которыхъ они отмѣчаютъ непонятные ими слова, и обращаются за объясненіемъ при посѣщеніи квартиръ учителями. Русскихъ книгъ взято изъ ученической библіотеки учениками III, IV, V, VI и VII классовъ и прочитано ими въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ 1-го ноября 1869 года по 1-е мая 1870 года, 1582.

Обѣ эти мѣры, какъ изученіе стиховъ, такъ равно и чтеніе русскихъ книгъ, приносили и приносятъ надлежащіе результаты. Тѣмъ не менѣе, педагогическій совѣтъ, имѣя въ виду еще болѣе усилить познанія учениковъ въ русскомъ языкѣ, призналъ мѣру, напечатанную въ 1-мъ номерѣ циркуляра текущаго года, полезною для достиженія предположенной цѣли. Такимъ образомъ мѣропріятія совѣта относительно успѣховъ въ русскомъ языкѣ обнаруживаютъ строгую послѣдовательность и вполнѣ педагогическую цѣлесообразность. Самостоятельныя письменныя упражненія, при теоретическомъ изученіи предмета, целесообразныя въ принципѣ, оказываются не менѣе благотворными и въ практическомъ примѣненіи. Письменныя упражненія производятъ благотворное вліяніе на учениковъ какъ по отношенію собственно къ русскому языку, такъ и вообще къ расширенію уровня знаній.

Въ дѣлѣ изученія языка безъ письменныхъ упражненій положительно нельзя достигнуть успѣшныхъ результатовъ. Какъ-бы хорошо ни объяснялъ ученикъ грамматическія правила, но если

онъ никогда не упражнялся въ письменномъ изложеніи своихъ мыслей, то онъ не въ состояніи связно и толково развить на письмѣ данное ему предложеніе, не потому, чтобы онъ не зналъ, какъ это сдѣлать, а просто по одному только отсутствію навыка въ этомъ дѣлѣ. При письменной же самостоятельной разработкѣ какого-нибуть предложенія первымъ дѣломъ предстоитъ ученикамъ необходимость выражать на бумагѣ свои мысли на данную тему въ правильныхъ грамматическихъ формахъ. Въ этомъ случаѣ имъ открывается широкая возможность на дѣлѣ, въ письмѣ, примѣнять и провѣрять разныя этимологическія и синтаксическія правила. Впрочемъ, нѣтъ нужды много распространяться о пользѣ практическихъ занятій для учениковъ. Дѣло говоритъ само за себя. Не видѣть же пользы въ письменныхъ самостоятельныхъ упражненіяхъ учениковъ по русскому языку—значитъ отказываться отъ вѣрныхъ, положительно педагогическихъ пріемовъ въ преуспѣяніи русской рѣчи.

Что касается правильнаго выговора русскихъ словъ, то ученики, при разработкѣ упражненій, встрѣчаясь съ такими словами, въ выговорѣ которыхъ они затрудняются, обращаются за разрѣшеніемъ недоумѣнія или къ словарю, или къ наставникамъ, какъ при посѣщеніи сими послѣдними ихъ квартиръ, такъ и во всякое удобное время. А если они въ своихъ упражненіяхъ, написанныхъ на одномъ, двухъ, трехъ листахъ, нѣсколько разъ заглянутъ въ словарь или обратятся къ наставникамъ, то уже этимъ самымъ они попривыкнутъ къ правильному произношенію многихъ незнакомыхъ имъ словъ. Перекладывая же стихотворную рѣчь въ прозаическую и имѣя дѣло съ готовымъ матеріаломъ, они должны оставаться при тѣхъ же самыхъ словахъ и выраженіяхъ, а слѣдовательно и при тѣхъже удареніяхъ, какія встрѣчались имъ въ самомъ стихотвореніи. Другое дѣло, если ихъ молодыя силы, хотя еще и неразвитыя для литературной дѣятельности, будутъ самостоятельно упражняться въ письменномъ изложеніи и правильномъ выговорѣ словъ и цѣлыхъ выраженій; тогда они въ дѣлѣ изученія русскаго языка несомнѣнно будутъ имѣть больше шансовъ достигнуть должнаго развитія и надлежащей зрѣлости, чѣмъ сколько это возможно при одной только перестановкѣ словъ.

Хотя каждый ученикъ подаетъ свое упражненіе въ одномъ

экземплярѣ и всѣ его товарищи въ первый разъ слушаютъ написанное имъ упражненіе, тѣмъ не менѣе они въ состояніи строго и отчетливо слѣдить за самимъ чтеніемъ. Упражненіе, правда, исправлено преподавателемъ, но все таки оно написано товарищемъ, по познаніямъ и развитію стоящимъ на одномъ и томъ же уровнѣ. Не только товарищи, но даже III и IV классовъ ученики, коимъ дозволено посѣщать чтенія, усвоиваютъ себѣ содержаніе этихъ упражненій и передаютъ оное на квартирахъ и въ домахъ своихъ родителей. Содержаніе нѣкоторыхъ упражненій интересно было не только для учениковъ, но и для наставниковъ и стороннихъ лицъ, присутствовавшихъ на чтеніяхъ. Интересно въ томъ отношеніи, что по этимъ чтеніямъ можно заключать какъ о нравственныхъ идеалахъ, коими ученики руководствуются при своихъ взглядахъ на ту или другую сторону вопроса, такъ и о научныхъ познаніяхъ, выражающихся въ этихъ упражненіяхъ. При самомъ же процессѣ чтенія нѣтъ нужды не только поминутно, но даже вовсе прерывать чтеніе учениковъ поправками ихъ ошибокъ въ удареніяхъ, такъ какъ каждый ученикъ, которому назначается прочесть свое упражненіе, заранѣе приготовляется, подъ руководствомъ преподавателя, къ правильному чтенію.

Какъ относительно правильной русской рѣчи ученическія упражненія и чтеніе лучшихъ изъ нихъ достигаютъ своей цѣли, такъ равно и для расширенія умственнаго кругозора учениковъ они не менѣе полезны. Для упражненій предлагаютъ такія темы, которыя ученикамъ давали бы возможность написать задачу не только на основаніи того, что они узнали изъ учебника или изъ словъ преподавателя, но чтобы для нихъ при этомъ служили подспорьемъ и свѣдѣнія, вынесенныя ими изъ чтенія книгъ и даже изъ собственныхъ наблюденій, какъ напр. по русской словестности „идея воспитанія по фонъ-Визину и Пушкину,“ „описаніе зимнихъ каникулъ,“ „описаніе Пасхи“ и т. д.; или по русской исторіи: „о реформахъ Петра Великаго,“ „ исторія войны 1812 года,“ „о покореніи Новгорода“ и т. п. Многіе изъ учениковъ для упражненій, которыя стоили бы того, чтобы ихъ слушать, прочитали большую часть сочиненій фонъ-Визина, Пушкина, Карамзина, Устрялова и Соловьева. Нѣкоторые изъ учениковъ, при историческихъ упражненіяхъ, представили хорошо нарисованныя карты той эпохи, которую

они описывали. Все это такіе пріемы, которые, въ дѣлѣ преподаванія, приносятъ положительно хорошіе результаты. Упражненія эти, вмѣстѣ съ другими мѣрами, замѣтно повліяли на успѣхи учениковъ, доставляя имъ въ то же время наслажденіе сознательной и самостоятельной письменной разработки даннаго предложенія. На сколько сознательно ученики проникались логической и фактической стороной своихъ упражненій можно судить по ихъ отвѣтамъ, которые они толково и дѣльно давали на вопросы, предлагаемые имъ присутствующими. Нѣкоторые изъ учениковъ, въ началѣ существованія письменныхъ упражненій, не особенно выдававшіеся своимъ знаніемъ и развитіемъ, къ концу учебнаго года оказались въ числѣ лучшихъ учениковъ и притомъ такихъ, которые, по основательному изученію русскаго языка и правильной декламаціи, могутъ служить украшеніемъ всякой русской гимназіи. Конечно, познанія ихъ надо принимать сравнительно, но дѣло въ томъ, что мѣра, о которой идетъ рѣчь, безъ всякихъ претензій на новость, удовлетворяетъ своей задачѣ. Предполагать же другія какія либо цѣли, кромѣ одной опредѣленной, безусловно необходимой для всякаго преподавателя и направленной къ тому, чтобъ содѣйствовать успѣхамъ учениковъ, нѣтъ никакой нужды.

С. Эльмановичъ.

(Циркул. Варшав. учебнаго Округа).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

НАУЧНАГО И КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ"

Съ 1-го октября 1870 г. въ Петербургѣ будетъ издаваться, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячный журналъ „ЗНАНІЕ", книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, въ 8-ю долю.

Главная задача журнала—доставить читающей публикѣ возможность слѣдить за тѣмъ, проявившимся въ послѣднее время, движеніемъ въ наукѣ, которое, обогащая ее новыми фактами, новыми теоріями и выводами, стремится вмѣстѣ съ тѣмъ выработать новыя, реальныя воззрѣнія на отношенія человѣка къ окружающей природѣ и себѣ подобнымъ. Въ виду этой цѣли, журналъ будетъ знакомить читателя съ современнымъ развитіемъ положительнаго знанія въ западной Европѣ и Россіи и съ тѣми результатами науки, которые могутъ имѣть практическое приложеніе къ жизни частной и общественной.

Такимъ образомъ, журналъ «ЗНАНІЕ» становится органомъ не только наукъ чисто положительныхъ, но и тѣхъ областей человѣческаго вѣдѣнія, которыя въ недавнее время также стали усвоивать себѣ методъ точныхъ наукъ, т. е. областей, занимающихся изслѣдованіемъ явленій психической и общественной жизни человѣка.

Соотвѣтственно этой цѣли, журналъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ, вошедшихъ въ составъ *оффиціально утвержденной* программы:

I. *Научный отдѣлъ*, состоящій: а) изъ оригинальныхъ и переводныхъ статей по новѣйшимъ вопросамъ наукъ математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ, съ отдѣломъ антропологіи въ обширномъ смыслѣ слова и б) изъ сообщеній, въ формѣ научныхъ хроникъ, о главнѣйшихъ работахъ и открытыхъ въ области упомянутыхъ наукъ.

Статьи этого отдѣла будутъ излагаться въ формѣ доступной и для читателей, не получившихъ спеціальнаго образованія.

II. *Отдѣлъ прикладныхъ знаній.* Въ этомъ отдѣлѣ журналъ будетъ а) заниматься изученіемъ явленій жизни человѣка, какъ члена общества, на сколько эти явленія могутъ служить объектомъ научнаго изслѣдованія, и б) знакомить читателя съ тѣми данными, которыя представляетъ наука для улучшенія практической жизни человѣка.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, имѣющія цѣлью какъ изученіе экономическаго, юридическаго и вообще соціальнаго строя человѣческихъ обществъ, такъ и изслѣдованіе того вліянія, которое оказываетъ на этотъ строй современное развитіе прикладныхъ реальныхъ знаній, каковы: технологія, сельское хозяйство, частная и общественная гигіена и проч.

При этомъ журналъ будетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, изученіе русской жизни и заботиться о практической полезности для нея сообщаемыхъ имъ данныхъ и выводовъ.

III. *Критика и библіографія.* Рецензіи замѣчательнѣйшихъ произведеній, относящихся къ предъидущимъ отдѣламъ, и *библіографическій указатель.*

Въ этомъ отдѣлѣ редакція будетъ давать болѣе или менѣе подробные отчеты о всѣхъ новыхъ замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ литературъ русской и иностранныхъ, представляя читателю, въ главныхъ чертахъ, содержаніе этихъ произведеній и ихъ основные принципы и выводы. Сверхъ того, въ *библіографическомъ указателѣ* будетъ находиться перечень всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ и тѣхъ изъ иностранныхъ, которыя ближе касаются вышеизложенныхъ задачъ журнала. Въ составѣ этого отдѣла будутъ также помѣщаться отчеты о періодическихъ изданіяхъ, въ особенности иностранныхъ, и всякаго рода библіографическія новости и замѣтки.

IV. *Новости.* Сюда войдутъ: а) мелкія извѣстія и замѣтки о вопросахъ, соотвѣтствующихъ задачамъ журнала, не вошедшія въ предъидущія отдѣлы, и б) частныя объявленія.

Редакція имѣетъ въ виду помѣщать здѣсь, между прочимъ, новѣйшія научныя извѣстія, необходимыя для естествоиспытателей спеціалистовъ.

Ко всѣмъ этимъ отдѣламъ будутъ прилагаться, по мѣрѣ надобности, пояснительные *рисунки* и *чертежи.*

Короче сказать, въ журналѣ «ЗНАНІЕ» читатель найдетъ болѣе или менѣе обширныя статьи по особенно живымъ и общезанимательнымъ вопросамъ указанныхъ въ программѣ областей знанія и своевременные отчеты о новѣйшихъ открытіяхъ, могущихъ интересовать каждаго образованнаго человѣка.

Русскіе научные дѣятели, работающіе въ области теоретической науки и, въ особенности, изучающіе естественныя произведенія и народную жизнь Россіи, на страницахъ нашего журнала могутъ найти мѣсто для своихъ трудовъ, которые всегда будутъ встрѣчены съ особенною признательностью. Съ такою же благодарностью будутъ приняты всякаго рода фактическія данныя, указанія и наблюденія надъ русскою природою и ходомъ русской жизни, сдѣланныя съ точки зрѣнія положительнаго знанія, хотя бы и не спеціалистами.

Обиліе источниковъ и матеріаловъ, знакомящихъ съ современнымъ движеніемъ цивилизаціи на западѣ, дѣлаетъ для насъ вполнѣ возможнымъ добросовѣстное выполненіе одной стороны нашей задачи. Что же касается до изученія русской жизни—недостатокъ необходимыхъ для этого точныхъ изслѣдованій дѣлаетъ удовлетворительное выполненіе этой другой стороны нашей задачи болѣе затруднительнымъ. Но проявившееся въ послѣднее время съ особенною силою стремленіе молодой части русскаго общества къ серьезной научной дѣятельности, и преимущественно къ изученію Россіи, даетъ намъ право надѣяться, что это умственное движеніе произведетъ необходимыя для нашей цѣли литературныя силы.

Подписная цѣна журнала въ годъ 8 руб.; съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ 8—руб. 50 к.; съ пересылкою въ другіе города—8 р. 80 к.

Цѣна за три первыя книжки нынѣшняго года—2 руб.; съ пересылкою или доставкою—2 р. 20 к.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Черкесова, Невскій пр., д. № 54, въ С.-Петербургѣ.

Редакторы-издатели: профессоръ *П. А. Хлѣбниковъ.*

профессоръ *А. И. Бородинъ.*

Содержаніе 8-ой кн. „Вѣстника Западной Россіи" за 1870 годъ.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ.**